

16+

International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation

SCIENTIFIC PUBLIC ORGANIZATION
PROFESSIONAL SCIENCE

Boston, USA. 2017

UDC 00
LBC 1

Editors

Natalya Krasnova | Managing director SPO “Professional science”

Yulia Kanaeva | Logistics Project Officer SPO “Professional science”

International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation: Conference Proceedings, September 28th, 2017, Boston, USA: Professional science, Smashwords, Inc., 2017. 345 p.

ISBN 978-1-370-41674-5

Presenters outline their work under the following main themes: Science, Education, Technology and Management, Law, Health, Society.

The conference is well attended by representatives from more than 10 universities from 3 different countries all over the world and with participation of higher education institutional policymakers, governmental bodies involved in innovating HE, deans and directors, educational innovators, university staff and umbrella organizations in higher education.

www.scipro.ru

UDC 00
LBC 1

ISBN 978-1-370-41674-5

9 781370 416745

© Article writers, 2017

© Sole proprietorship N.A. Krasnova, 2017

© Publisher: Smashwords, Inc., USA, 2017

All rights reserved

TABLE OF CONTENTS

SECTION 1. BUSINESS AND ECONOMICS	5
Fadeev A.S. The impact of innovation and industrial policy for the development of industries of machine-building complex	5
Filatov V.V. The organizational and economic problems of restructuring industry and agricomplex	40
Pshava T.S. Organizational-economic problems of innovative development of agribusiness.....	75
Zheleznova I. Strategic capital planning of Russian companies based on the analysis dynamics of buyback abnormal returns.....	109
Zhenzhebir V.N. Improving the competitiveness of products and development of export potential of agribusiness	117
SECTION 2. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES	150
Babkova O. M. Philosophical ideas of Alexander Bogdanov in the formation of modern society ..	150
Ermakova L., Sukhovskaya D. Factors of the destructive impact of urban creative spaces on the formation of an individual's value-based orientations	156
Khoruzhaya S.V., Salchinkina A.R. Crisis dynamics of culture in the "time of troubles"	162
Kurbanova E. The influence of media evolution on International public relations	170
Logunova L.Y. Ethical-subjective school of Russian sociology: subjective method, subjectivity of personality	180
Popov V.V. The category of "meaning" in philosophy of culture.....	202
Shapovalova I.S. Analysis of the situation of formation of narcotic dependence of students and schoolchildren	206
Simonova I.V. Features of socialization of the individual in the modern information society	221
Vaskina A. Problems of modern cultural policy: ways to solve	226
SECTION 3. TEACHING AND EDUCATION	235
Dmitriev Y.A., Kalinina T.V., Krotova T.V. Multimedia presentations in the education of pre-school children	235
Dubakov A., Olar J., Khilchenko T. The methodical competence of a foreign language teacher development by means of the university scientific laboratory	243
Gerasimenko T. The Factors of the Formation of Communicative Competences as an Important Requirement of the Competitiveness of the Athlete in the International Arena.....	250
Ivanova A.I. Video-based Practical Exercises for Developing Listening Skills	257
Nurutdinova A.R., Giniyatullina D.R. Critical technologies and fundamental achievements of modern science (case study: Russia's scientific prospects).....	265
Zekeryaeva S.E., Chornobay S.Ye. Semantic Diversity of Idioms in Australian and New Zealand National Variants of English.....	279

SECTION 4. HEALTH AND WELFARE..... 291

Khalmatova B., Mirrakhimova M., Tashmatova G., Olmosov R. Efficiency of the usage of antagonists of leukotrienic receptors at children with bronchial asthma.....291

Maksimova N.V. Clinical evaluation of the periodontal status of the patients with a full removable prosthetic constructions.....297

SECTION 5. LAW IN SOCIETY 305

Abdullina D., Shergeng N. To the problem of studying the legal ontological certainty of cultural autonomy305

Andreeva G. International experience of the constitutional regulation of intellectual property right: problem and prospects 310

Arefinkina E.G. The objective party as a crime element in the legislation of foreign countries325

SECTION 6. TECHNOLOGY AND SCIENCE..... 332

Shchegoleva T.A., Buglak I.A. On the question of the adhesion of wet cohesive soils with a hard surface332

SECTION 1. BUSINESS AND ECONOMICS

UDC 332.146.2

Fadeev A.S. The impact of innovation and industrial policy for the development of industries of machine-building complex

Влияние инновационной и промышленной политики на развитие отраслей машиностроительного комплекса

Fadeev Alexander Sergeevich,

Doctor of technical Sciences, Professor

Moscow State Technical University named after Bauman"

Фадеев Александр Сергеевич,

Доктор технических наук, профессор

Московского Государственного Технического Университета им. Баумана»

Abstract. The paper considers the issues of state regulation of economic growth in the industry. It is shown that the leading role in the system of state regulation of the economy due to the key role of scientific and technical progress in the provision of modern economic growth. The choice and implementation of priorities for economic and technological development introduce a policy of economic development based on modern technologies.

Keywords: organization, mechanisms, functions, market, machine building, manufacturing, machinery, equipment.

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы влияния инновационной и промышленной политики на развитие отраслей машиностроительного комплекса. Показано, что ведущее значение в системе государственного регулирования экономики связано с ключевой ролью научно-технического прогресса в обеспечении современного экономического роста. Выбор и реализация приоритетов технико-экономического развития предваряют политику развития экономики на основе современных технологий.

Ключевые слова: организация, механизмы, функции, рынок, машиностроительный комплекс, производство, машины, оборудование.

Сегодня экстенсивные факторы развития практически исчерпаны и необходимо повышать эффективность национального хозяйства на основе качественного совершенствования факторов производства, то

есть на основе всемерного использования достижения научно-технического прогресса. От успешной реализации инновационной политики зависит конкурентоспособность страны и её место в мировой экономике. Развитие промышленности, преодоление возникшего отставания в области научных разработок и технологий – одна из основополагающих целей стратегии национальной экономической безопасности России[1].

Ныне в условиях ослабления государственного регулирования экономического роста, идёт процесс стихийного развития инновационной деятельности в промышленности, а многие российские технологии вытесняются зарубежными технологиями. В результате Россия намного отстаёт от развитых стран по качеству жизни, производительности труда и уровню использования экономических ресурсов. Поэтому чрезвычайно важно исследовать эту проблему, выявить формы, методики и приоритеты устойчивого развития промышленности России[2].

Научно-техническая деятельность является решающим фактором экономического развития, способствующим преодолению кризисных явлений и стабилизации экономики. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах приходится до 75–80% прироста валового продукта[3].

Большинство наукоемких отраслей России находится между третьим и четвертым технологическими укладами. Технология пятого уклада в широком масштабе в стране пока не применяется[4].

Экономический рост в предкризисные годы, по оценкам экспертов, достигнут в основном за счет наращивания экспорта нефти, газа, металлов и других изделий с низкой степенью переработки в

условиях роста мировых цен на эти виды ресурсов. Такой тип роста не может быть устойчивым в долгосрочной перспективе. Кроме того, компании сырьевых отраслей промышленности не предъявляют высокого спроса на реализацию научного потенциала и высоких инновационных технологий. Влияние реформ на инновационную деятельность с самого начала было разрушительным. Пока $\frac{3}{4}$ инвестиций идут в сырьевой сектор и лишь $\frac{1}{4}$ – в другие отрасли[5].

Следует также отметить, что современный объем инвестиций в технологические инновации страны не в состоянии обеспечить инновационный прорыв в отраслях национальной экономики и неизмерим с реальными потребностями в технологическом обновлении производства. Инновационные затраты в промышленности составляют в настоящий момент лишь 1,4% общего объема затрат в данной отрасли. По оценкам, для улучшения экономической динамики необходимо увеличение нормы накопления в ВВП на 30–35% (ныне она составляет 18%)[6].

Кризис научно-технической сферы России связан со следующими основными причинами: резким сокращением бюджетного финансирования; ослаблением государственного регулирования этой сферы; неспособностью предпринимательского сектора приступить к серьезным инновационным проектам[7].

Механизмом реализации научно-технической политики, приоритетных направлений развития науки, техники и технологий федерального уровня должны стать федеральные целевые научные и научно-технические программы. Для эффективного использования этого механизма необходимы: организация государственной экспертизы программ, их систематическая корректировка, пересмотр и оценка результатов[8].

Следовательно, эффективность государственного воздействия на инновационные процессы определяется способностью государства использовать ведущие направления развития техники и технологий, обеспечивать поступательное развитие науки, разрабатывать мероприятия, стимулирующие инновационную деятельность предприятий, оказывать соответствующее воздействие на работу организаций и фирм в области создания и внедрения новых технологий[9].

В настоящее время организационно-правовые формы организации инновационной деятельности в стране соответствуют Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ) и Закону Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» (1996 г.) формами инновационной деятельности могут быть: хозяйственные товарищества, различные общества, государственные и муниципальные унитарные предприятия и организации, а непосредственно инновационной деятельностью могут заниматься научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские, проектные и проектно-изыскательные организации, опытные заводы, научные подразделения в составе промышленных предприятий, а также высшие учебные заведения[10].

Инновационная деятельность имеет следующие основные формы организации:

научные центры и лаборатории в составе корпоративных структур. Они призваны осуществлять научно-исследовательские и опытно- конструкторские работы (НИОКР), организовать освоение и производство новой продукции и услуг[11];

временные творческие научные коллективы или центры, которые создаются для решения определенных крупных и оригинальных

научно-технических проблем. По выполнении поставленной задачи эти коллективы или центры распускаются или реорганизуются[12];

государственные научные центры (ГНЦ) – особый тип государственных научных организаций, механизм деятельности которых призван обеспечить согласование, с одной стороны, стратегически долгосрочных приоритетов государства в развитии важнейших направлений науки и техники, а с другой, -экономических и социальных интересов конкретных субъектов научно- технической деятельности[13];

различные формы технопарковых структур (научные технологические и исследовательские парки, инновационные, инновационно-технологические и бизнес- инновационные центры, инкубаторы бизнеса, технополисы)[14].

Технопарки – это научно- производственные территориальные комплексы, главная задача которых состоит в формировании максимально благоприятной среды для развития малых и средних наукоемких инновационных фирм-клиентов[15]. В структуре технопарка могут находиться информационно-технологический, учебный, консультационный, информационные, маркетинговые центры, а также промышленная зона. Каждый из этих центров предоставляет специализированный набор услуг, включающий, например, услуги по поиску и передаче информации по определенной технологии, услуги по переподготовке специалистов, различного рода консультации и т.п.[16].

В качестве примера можно привести Зеленоградский научно-технологический парк, Томский научный центр, Пермский научно-технологический парк и др.[17].

Бизнес-инкубатор – организация, где начинающие предприниматели получают навыки ведения собственного дела, где им оказываются правовая, экономическая и консультативная помощь[18].

Технополисы представляют собой крупные современные научно-промышленные комплексы, включающие также университет или другие высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, а также жилые районы. Здесь создаются благоприятные условия для развития новых научных направлений и наукоемких производств. В качестве примера можно привести технополисы в Дубне, Обнинске, Пущине – альтернативные инновационные фирмы, специализирующиеся на освоение изобретений, ноу-хау, освоении и производстве принципиально новых видов продукции и услуг малыми сериями. Их разновидности обусловлены условиями формирования и представляют собой венчурные фирмы[19].

Одна из форм технологических нововведений – венчурный бизнес, который трактуется как рискованный бизнес. Венчурный бизнес характерен для коммерциализации результатов научных исследований наукоемких и в первую очередь в высокотехнологичных областях, где получение эффекта не гарантировано и имеется значительная доля риска. Под венчурной фирмой понимается обычно коммерческая научно-техническая фирма, занятая разработкой и внедрением новых и новейших технологий и продукции с не определенным заранее доходом, т.е. с рискованным вложением капитала[20].

Малые предприятия играют важную роль в развитии инновационного предпринимательства. В свою очередь венчурный бизнес имеет преимущество перед другими формами организации инновационного предпринимательства малом бизнесе- высокую

гибкость, динамизм и др. венчурное предпринимательство базируется на принципах разделение и распределение риска. Оно позволяет авторам идей, не имеющим в достаточной объеме, собственных средств, реализовать эти идеи[21].

Венчурный бизнес зародился и получил широкое развитие в США. Любой малый инновационный бизнес испытывает ограниченность материальных и финансовых ресурсов, слабость научно-технической базы и нуждается в эффективной поддержке со стороны государства. В США разработана и действует комплексная программа помощи государства малому инновационному бизнесу[22]. Она включает в себя прямое финансирование малых предприятий из федерального бюджета, систему конкретного финансирования этих предприятий министерствами и ведомствами, благоприятные налоговое законодательство и амортизационный климат. Суть венчурного бизнеса в США состоит в том, что инновационные фирмы реализуют свои идеи с помощью средств, предоставляемых инвесторами в обмен на приобретение по льготной цене акций создаваемых компаний[23].

В России имеются все необходимые предпосылки для развития венчурного предпринимательства. Прежде всего это наличие развитого рынка ценных бумаг и все возрастающее проникновение зарубежных фирм на российский рынок интеллектуальной собственности. Такое проникновение носит не только характер прямой экспансии, но и форму инвестирования в отечественные инновационные проекты[24].

Все это свидетельствует о том, что венчурное предпринимательство, находящаяся в нашей стране лишь в самой начальной стадии, имеет значительную перспективу роста и может сыграть роль катализатора дальнейшего развития инновационного

бизнеса. В послании федеральному собранию 5 ноября 2008г Президент РФ привлек особое внимание к проблемам устойчивого развития экономики. В частности, подчеркивалось, что именно сейчас нужно создать основы национальной конкурентоспособности там, где можно получить будущие выгоды и преимущества. Наш приоритет - это наукоемкое производство, а в перспективе и экспорт знаний, материализованных в новых технологиях[26].

А значит- достижение лидирующих позиций в науке, в образовании. Россия должна выйти на передовой уровень инноваций в основных сферах экономики. На мой взгляд, принятый в последнее время государственные решения ознаменовали начало нового этапа развития государственного регулирования экономики: впервые за многие годы рыночных реформ формируется система плановых документов и досрочный стратегический план, который наметил прорыв в социально- экономическом и инновационно-технологическом развитии и мероприятия по выходу нашей страны на ведущие позиции в мировом, подлинно стратегическом мышлении и стиле работы[27].

Текущее макроэкономическое состояние страны характеризуется по существу исчерпыванием возможностей интенсивного пути развития в рамках сложившейся структуры экономики, нарастающей капиталоемкостью добычи минерального сырья, низкими параметрами окупаемости инвестиционных проектов в высокотехнологическом секторе, отсутствием условий и обеспеченной потребности внедрения новых технологий и т.д.[28].

Необходимо обратить внимание на то, как трансформировались со временем задачи макроэкономической политики государства: от необходимости увеличения ВВП к увеличению в 4 раза

производительность труда в основных секторах народного хозяйства к 2020г., повышению доли среднего класса до 60-70%, сокращению смертности в 1,5 раза и увеличению продолжительности жизни до 75 лет[29]. Основной идеей при этом выступает переход России к 2020г., в число технологических лидеров. Поставленные задачи достаточно сложные, однако вполне реальные. Проблема в том, каковы способы и инструменты их достижения, насколько сложившиеся подходы в области финансовой, денежно-кредитной, налоговой политики позволят продвинуться в этом направлении[30].

Надо отметить, что прямым сигналом Российскому обществу (прежде всего, «чиновничьей верхушке») к действию по реконструкции экономической политики послужила жесткая ее оценка в президентском послании федеральному собранию РФ еще в мае 2006г. Тогда было сказано, что с переменами начала 1990-х гг. были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд[31]. Именно после этого в официальных документах, научных публикациях все чаще заявляется о необходимости изменения модели экономического развития с целью усиления факторов инновационного роста, значительного увеличения инвестиционной активности, обеспечения нового качества развития экономики; при этом главнейшим приоритетом государства на деле должно стать развитие человеческого капитала, опирающийся на качественный подъем системы образования, всемерную поддержку науки, новаторства и изобретательства[32].

Мировой опыт показывает, что наибольших успехов в хозяйственном развитии в последние десятилетия добиваются инновационно ориентированные предприятия. К таким структурам в первую очередь можно отнести многие корпорации и фирмы США,

Японии, Великобритании, Германии; в этих государствах стержнем экономической стратегии является не просто развитие высокотехнологичных производств, а достижение инновационной сбалансированности- оптимизации роли и величины инновационного компонента. Такой подход формирует особое, отношение бизнеса и общества к развитию наукоемких технологически сложных производств и широкомасштабному проведению НИОКР, что и предопределяет развитие экономики по инновационному пути[33].

Реализация целей построения общества и экономики, основанных на знаниях и высоких технологиях, ставит перед Россией масштабные задачи. Между тем нынешней реальностью все еще являются «общество и экономика трубы», функционирующие в качестве сырьевого придатка не только развитых, но и развивающихся стран, таких как Китай, Индия, Турция и т.д.[34]

Наука и образование как и прежде финансируются по остаточному принципу; все также квалифицированные специалисты и ученые уезжают за рубеж, работают на конкурентов России, укрепляя тем самым экономику других стран[35].

Очевидно, что ответ на вызовы настоящего и будущего в образовании и науке России должны произойти кардинальные перемены, направленные на повышение конкурентоспособности, увеличение вклада в решение стратегических задач развития, основанных на знаниях и их высокотехнологичной материализации. Первостепенной задачей является повышения качества высшего образования[36]. Для этого необходимо во- первых, развивать и базировать высшее образование на основе научных исследований; во- вторых, вернуть и повысить престиж научного и педагогического на основе значительного повышения его оплаты и существенного

увеличения финансирования; в- третьих, радикально обновить материально- техническую и технологическую базу науки и образования, что позволит использовать современные образовательные технологии, внедрится в систему транснационального образования и успешно конкурировать на глобальном образовательном рынке, а не только на сырьевом, как сейчас; в- четвертых, в целях востребованности науки и образования важно организовать реализацию стратегии не просто диверсификации экономики, а создания экономики неиндустриальной эпохи[37]. Это и есть единственный пропуск в 21в. и шанс на выживание в новом глобальном рынке. К сожалению, пока Россия по многим параметрам отстает от развитых стран: и по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) и по уровню социально- экономического развития. Весьма значительно ее отставание по показателю доли расходов на НИОКР в ВВП. У нас эта доля составляет 1,3%, в Швеции-4; Япония-3,1; США и Корею-2,6; Германия-2,3; Англии и Канаде-1,9%. Еще хуже обстоят дела с показателем доли расходов на образование в ВВП[38]. Он не превышает 3,5% ВВП. По этому показателю Россию опережают страны не только с высоким уровнем развития человеческого потенциала, но многие со средним но и с низким уровнем развития[39]. Думается, не случайно Россия делит места 30-33 по индексу образования, одному из трех, с помощью которых строится ИРЧП. По этому важному показателю мы находимся в седьмом десятке стран. В определяющей мере это обусловлено низкой долей расходов консолидированного бюджета страны на здравоохранение и образование-4,7 и 9,5% соответственно; в то время как эти показатели составили, в Англии- 17 и 12,5; Германии- 13,3 и 8,5; Португалии- 14,8 и 15,1; во Франции- 15,4 и 12,3; в Финляндии-12,6 и 13,1%[40].

Также не велики наши государственные расходы на образование и здравоохранение по отношению к ВВП- 3,5 и 2,2% соответственно. Проблема развития на основе знаний, новых технологий и высокой квалификации людей для России актуальна, поскольку страна находится лишь на 67-м месте по развитию человеческого потенциала, делит 114-115-е места по индексу продолжительности жизни; 30-33-е места по индексу образованию, находится на 76-м месте по ВВП на душу населения[41]. Все это предопределяет то, что в стране недостаточны расходы на здравоохранение, образование, НИОКР и другие сферы, определяющие уровень развития человеческого потенциала и социально-экономических показателей. С другой стороны, отличительной особенностью современного этапа выступают ускоренные инновации, борьба за лидерство в производстве нового, передового, компьютеризованного[42]. Пока же страна находится в самом начале процесса формирования инновационной экономики. Основным источником машин, образования по-прежнему является импорт, а не отечественное производство. Проблема диверсификации, производства и его технологического обновления остается одной из важнейших, без решения которой невозможно повысить национальную конкурентоспособность[43].

Переход к инновационному развитию предполагает создание новой технологической базы. Поэтому в концепции министерства проблема формулируется так: отставание в развитии новых технологий последнего поколения может резко снизить конкурентоспособность Российской экономики и отбросить ее на периферию мирового развития, выходу из подобной ситуации будет способствовать решение следующих задач: формирование комплекса высокотехнологичных отраслей и расширение позиций на мировых рынках наукоемкой

продукции; модернизация традиционных отраслей экономики, в том числе глобально ориентированных специализированных производств[44]. Для Российской промышленности исключительно остро стоит проблема конкурентоспособности, в частности на внутреннем рынке. Чрезвычайно важно обеспечить конкурентоспособность отечественной продукции на региональных рынках. Вследствие достаточной масштабности внутреннего и доступных России внешних рынков по наукоемким товарам и услугам освоения их позволит обеспечить высокий статус страны в мировом масштабе[45].

Целесообразно реорганизовать и структурировать основные отрасли промышленности в виде множества комплексов высокотехнологичных отраслей. России необходимо создавать собственные мощные корпоративные фирмы с наукоемким и высокотехнологичным производством аналогично Китаю, Финляндии, Швеции и др.[46].

В концепции Минэкономразвития приведены качественные и количественные показатели инновационного социально ориентированного типа роста. В ней говорится, что в структуре экономики ведущая роль переходит к отраслям науки, высокотехнологичным отраслям промышленности. Доля высокотехнологичного производства и «экономики знаний» в ВВП должна составлять не менее 17-20% (2007г.- 10,7%), вклад инновационных факторов в годовой прирост ВВП – не менее 2-3% (2007г. -1,3%)[47].

Необходим выбор новой экономической модели экономического развития, и прежде всего инновационной модели, в которой экономический рост основан на масштабном увеличении притока

инвестиций в приоритетные направления развития научно-технического прогресса[48].

Несмотря на то, что переход России к построению национальной инновационной системы уже начался, уровень развития инновационной деятельности в стране остается по-прежнему низким. Удельный вес инновационной продукции составляет лишь 4%, в то время как его пороговое значение должно достигать 15%, для сравнения в промышленно развитых странах удельный вес инновационной продукции держится на уровне 30%[49].

Конечно, необходимо создание национальной инновационной системы, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ. Кроме того, национальная система – это и комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационные процессы[50].

Национальная инновационная система объединяет усилия государства, организаций научно-технической и образовательной сфер, предпринимательского сектора экономики, финансово-кредитной сферы, структур государства и негосударственных институтов инновационной сферы в интересах ускоренной реализации интеллектуальной деятельности на рынке высокотехнологичной наукоемкой продукции на основе формирования между субъектами инновационной деятельности равноправных партнерских отношений [51].

Национальная инновационная система формируется под влиянием множества объективных для данной страны факторов, например, таких как наличие ресурсов (природных, трудовых,

климатических и т.д.), особенности исторического развития институтов государства, преобладание определенных форм предпринимательской деятельности, характер и направления межгосударственного сотрудничества и др. Эти факторы выступают долгосрочными детерминантами направления и скорости эволюции инновационной активности в стране [52].

Таким образом, целостная структура национальной инновационной системы должна включать, во-первых, предпроеизводственную сферу инноваций, то есть научные и управленческие подразделения, во-вторых, производственную сферу, которая внедряет, осваивает производство и эксплуатацию нововведений и тем самым фактически меняет структуру национального потребления[53].

Основные трудности в реализации инновационного потенциала связаны с нехваткой собственных средств у организаций, ограниченностью бюджетного и внебюджетного финансирования, в том числе заемных и привлеченных средств. Спад производства почти во всех отраслях промышленности, постоянный дефицит денежных средств у организаций не оставляют ресурсов для инновационной деятельности[54].

Перелом сложившейся ситуации возможен только на основе активизации инновационной деятельности на различных уровнях (от уровня региона до макроуровня), посредством реализации на практике эффективной инновационной политики, являющейся составной частью государственной социально-экономической политики[55].

В свою очередь инновационная политика выступает в качестве совокупности форм, методов и направлений воздействия государства на производство с целью выпуска новых видов продукции и

технологий, а также расширения на этой основе рынков сбыта отечественных товаров. Итак, считаем, что для успешной реализации программных показателей экономики России, во-первых, необходимо сформировать федеральную инновационную систему и разработать инновационную политику[56]. Федеральная инновационная система представляет собой совокупность институтов, занимающихся производством и трансформацией научных идей в новые виды конкурентоспособной продукции и услуг. Между тем инновационная политика – это долгосрочный план и система продуманных действий по развитию инновационной деятельности. Организационное обеспечение функционирования такой системы и разработка инновационной политики, по нашему мнению, должен осуществлять Минэкономразвития Российской Федерации. Эти функции он может успешно выполнить, создав механизм постоянного привлечения вузов страны к разработке и реализации федеральных инновационных программ[57].

Успешная реализация инновационной стратегии позволит осуществить подъем производительных сил и социальной сферы, создать реальные предпосылки для углубления интенсификации экономики России, повышения ее эффективности[58].

В современных условиях роль основного фактора, определяющего качественные параметры общественного воспроизводства, перешла к конкурентоспособности. Формирование конкурентоспособности как важнейшего направления стратегии комплексного экономического развития современных субъектов мирового хозяйства связано с качественными характеристиками инвестирования, степенью его инновационности, реальными

возможностями перехода на более высокие технологические уровни[59].

Одним из лидеров по конкурентоспособности стран мирового хозяйства остаются США, опыт которых полезен для многих участников мирового рынка, в том числе и для России. Американская экономика конкурентоспособна, прежде всего, благодаря использованию инноваций и потреблению значительных инвестиционных ресурсов. Важное значение в 1990-е гг. имели накопленные высокие качественные характеристики системы управления и технологий. В то время уровень жизни в США был выше, чем в странах «большой семерки»[60].

С другой стороны, в недрах экономики США созревали тревожные с точки зрения будущей конкурентоспособности тенденции. Норма сбережений значительно уступала аналогичному показателю в Японии, Франции, Германии, Италии. Инвестиции в промышленные предприятия США по отношению к ВВП стали относительно низкими. При этом азиатские страны (Сингапур, Южная Корея, Тайвань) накапливали капитал вдвое быстрее, чем США, хотя по абсолютному объему инвестиции в экономику США продолжали быть крупными[61].

Экономика любой страны как составляющая мирового хозяйства конкурирует с различными экономическими конструкциями национального и международного характера по отдельным направлениям хозяйственной деятельности в различных сегментах мирового рынка. Результаты конкуренции и соответственно оценка конкурентоспособности в определенной мере зависят от состояния, возможностей и особенностей той внешней конкурирующей системы, с которой эта экономика взаимодействует[62]. Иначе говоря, основу

национальной экономики составляет конкурентоспособность ее хозяйствующих субъектов (предприятий, корпораций, фирм и т.п.), а также основных инфраструктурных образований (инновационной, финансовой, производственной инфраструктуры, качества человеческого потенциала и др.). Учитывая ограниченные возможности России по ряду параметров, и в первую очередь по инвестиционному, ее конкурентоспособность должна формироваться по принципу приоритетности, учитывающему связь с мировым инвестиционным процессом и национальными интересами государства[63].

Нынешние и будущие вызовы развития порождают социально значимую проблему инновационных капиталовложений, императивно требуя формирования государства нового типа, способного адекватно, своевременно и компетентно реагировать на уже проявленные вызовы, а также предугадывать и предотвращать потенциальные. Другими словами, качество власти в новых условиях определяется способностью государственных институтов разрабатывать и проводить политику развития в единстве всех ее составляющих, в целях суверенного развития страны[64].

В сложившихся условиях выход на траекторию устойчивого роста экономики благосостояния общества возможно только на основе концентрации имеющихся ресурсов на прорывных направлениях формирования нового технологического уклада, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, улучшения качества государственного регулирования, подъема трудовой, творческой и инновационной активности людей[65].

Для обеспечения качественного экономического роста необходимы не только радикальные перемены в экономической

политике, но и в самой идеологии экономических преобразований: качественный экономический рост должен стать приоритетной задачей теории и экономической политики. Должна быть выработана и реализована государственная программа роста экономики на основе ее модернизации с соответствующим ресурсным обеспечением. При этом экономический рост должен быть непосредственно связан с социально-экономическим развитием общества[66].

РФ имеет достаточный человеческий, научный и ресурсный потенциал, который обязан лечь в основание результативной национальной экономики. Но брошенный взгляд на отечественную финансовую действительность указывает на потребность формирования условий комплементарности данных факторов и механизмов, приводящих в действие производство благ, что требует мобилизации усилий со стороны всех субъектов финансовой системы. В свою очередь данные фундаментальные механизмы реализуются в рамках отечественного машиностроения, который больше прочих хозяйственных отраслей пострадал в период последнего финансового кризиса[67]. Машиностроительный сектор, являясь основой промышленной производственной деятельности Российской Федерации, требует к решению своих проблем основательного и взвешенного подхода, что определено целым рядом факторов[68]:

- машиностроительная отрасль, выступая в качестве катализатора научно-технического прогресса в разнообразных отраслях народного хозяйства, является по сути одной из немногих отраслей обрабатывающей промышленной сфере, развитие которой оказывает самое непосредственное воздействие на техническую оснащенность всех секторов экономики, насыщая их главными факторами большого технического уровня[69];

- машиностроительного комплекса без преувеличения принято считать самой трудной отраслью промышленной сфере, производящей широко дифференцированную изделия: от наиболее динамичной части главных фондов (орудий труда) до привычных всем бытовых приборов и автомобилей[70];

- многие машиностроительные компании работают на оборонный комплекс, по этой причине развитие данной отрасли обуславливает обороноспособность государства[71];

- большинство отечественных компаний машиностроения, выпуская больше 75% изделий своей специализации, достигли монополистического положения в занимаемом секторе экономики, что обуславливает необычайную финансовую и социальную значимость данных субъектов хозяйствования[72];

- по числу занятых (порядка 35% от трудоспособного населения) и по стоимости выпускаемых товаров машиностроительная отрасль, который насчитывает тысячелетнюю историю величайших научных побед, до сих пор занимает первое место среди всех отраслей промышленной производственной деятельности[73];

- в среднем 15% ВВП РФ, порядка 20% производимой отечественными промышленными отраслями изделий и 25% стоимости их главных фондов приходится на часть машиностроения[74].

Все перечисленное подтверждает существенность рационального управления компаниями машиностроительного комплекса РФ, занимающего в системе экономической областях отношений поистине уникальное положение[75].

Следовательно, картина финансового состояния, как в общем отечественного машиностроения, так и некоторых его отраслевых составляющих, представляет большой научный интерес, в чем

выражается актуальность темы данного изучения[76]. Сегодня машиностроительная отрасль РФ объединяет в себе 12 значительных отраслей, образованных сотнями дифференцированных под отраслей, изделия которых принято подразделять на: предназначенную для гражданских потребителей и идущую на нужды ВПК. Но, принимая в расчет фактор закрытости информации о функционирования компаний ВПК РФ, данная статья посвящена анализу проблем компаниям машиностроительного комплекса РФ, удовлетворяющим гражданские потребности юридических и физических лиц[77]. Современная отечественная промышленность, продолжает тяготеть в сторону добывающего сектора экономики, который в течение последних 4 отчетных лет увеличил свои масштабы на 36,20% против 25,58% со стороны обрабатывающих отраслей и на общем фоне прироста объемов отгруженной промышленными компаниями изделий на 31,39%. В данном аспекте наиболее информативным, на наш взгляд, является тот факт, что за последние 20 лет часть машиностроения в структуре российского промышленного выпуска уменьшилась с 22,90% до 12,93%, а та же характеристика топливной промышленной сфере напротив увеличилась с 12,30% в 1990 г. до 31,84% в 2010 г. и до 34,74% по итогам января-июня 2011 г.[78]. Как отмечается ранее машиностроительная отрасль – наиболее пострадавшая в период кризиса 2008 года отрасль промышленной сфере РФ. Данное положение дел определено первоначально тем, что итоги хозяйственной функционирования компаний машиностроительного комплекса находятся в значительной зависимости от платежеспособности отраслей, на спрос которых они ориентируются[79]. Так, неся потери в экономической устойчивости, субъекты разнообразных отраслей отечественной промышленной

сфере были вынуждены с конца 2008 года существенно уменьшить объемы заказов машиностроительных товаров[80]. Что же касается последнего отчетного года, то, на первый взгляд, прекрасные показатели прироста объемов производства по всем направлениям машиностроения – лучшие итоги среди всех отраслей обрабатывающей промышленной сфере – не выносят критики докризисного периода. Таким образом, успех машиностроения в 2010 году во многом определен фактором низкой базы для сравнения[81]. В свою очередь в сопоставлении индекса производства по главным машиностроительным направлениям за первое полугодие 2011 г. с итогами за тот же период 2010 г. показательным является факт некоторого замедления темпов роста объемов производства, которые лишь в выпуске транспортных средств и оборудования смогли достичь докризисного уровня, что объясняется запуском программы утилизации изношенных автомобилей[82]. Итак, подводя результат анализу условий функционирования компаний отечественного машиностроения, было выявлено, что на в данное время по оценкам большинства аналитиков для отечественной экономики характерна тенденция устойчивого роста потребности в изделиях машиностроительных отраслей[83]. Несомненным представляется и механизм взаимного воздействия уровня развития науки и техники в стране на структуру её машиностроения и наоборот роль машиностроительного комплекса нашей страны, как локомотива научно–технического прогресса во всех отраслях экономики.

References

1. Фадеев А.С. Перспективы развития автомобилестроительного подкомплекса машиностроения РФ на основе нанотехнологий. В

сборнике: научные основы современного прогресса. Сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 184-188.

2. Фадеев А.С. Современное состояние и особенности размещения тяжелого машиностроения в РФ. В сборнике: Научные основы современного прогресса. Сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 188-194.

3. Пшава Т.С. Планирование концентрации производства в промышленном комплексе. В сборнике: Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2016. С. 145-152.

4. Женжебир В.Н. Отраслевая структура комплекса машиностроительного комплекса РФ. В сборнике: Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2016. С. 94-99.

5. Женжебир В.Н. Исследование проблем современного машиностроения. В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. Сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 40-46.

6. Женжебир В.Н. Современные проблемы торговли машинами и оборудованием. В сборнике: Инновационные процессы в научной среде. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2016. С. 82-89.

7. Филатов В.В., Шестов А.В. Современные тенденции развития отраслей легкой промышленности: региональный, стратегический, инновационный аспект. Москва, 2013.

8. Шестов А.В. Методология формирования ассортимента и конкурентоспособности кожаной обуви. Курск, 2017.

9. Машиностроительный комплекс РФ: отраслевые, региональные и стратегические аспекты развития. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Шленов Ю.В., Воробьев Д.И., Дорофеев А.Ю., Долгова В.Н., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Фёдоров Б.К., Шестов А.В. Курск, 2017

10. Шестов А.В., Мамедов Ф.А., Мамедова Х.Ф. Современные тенденции развития текстильной и легкой промышленности в РФ и за рубежом. Курск, 2017.

11. Шестов А.В. Совершенствование производственного менеджмента кожевенных заводов обувной промышленности РФ. Курск, 2014.

12. Шестов А.В., Мамедова Х.Ф. Перспективы развития производства изделий текстильной и легкой промышленности. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 2-3 (31). С. 180-185.

13. Теоретические основы проектирования систем менеджмента производственных предприятий в условиях экономической нестабильности. Филатов В.В., Дорофеев А.Ю., Деева В.А., Князев В.В., Кобулов Б.А., Кобиашвили Н.А., Мухина Т.Н., Паластина И.П., Руденко О.Е., Осинская Т.В. Москва, 2008.

14. Интеграция образования, науки и производства: модель Бауманского университета. Фадеев А.С., Герди В.Н., Балтян В.К., Федоров В.Г. Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 55-63.

15. Филатов В.В. Промышленная политика и направления реструктуризации машиностроительного комплекса. В сборнике: Инновационные механизмы решения проблем научного развития.

Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2016. С. 245-251.

16. Воронина М.В., Филатов В.В. Управления рынком инновационных технологий в АПК. // Научно-практический журнал «Качество. Инновации. Образование», №6, 2013

17. Воронина М.В., Филатов В.В. Экономическое регулирование инновационно-инвестиционных процессов в АПК. // Научно-практический журнал Вестник Университета (Государственный университет управления). № 2, 2014

18. Филатов В.В., Воронина М.В. Анализ современных тенденций, способствующих реализации инновационной модели развития АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления), № 1, 2014

19. Методология управления экономической интеграцией и концентрацией на примере организации вертикально-интегрированного холдинга. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Диброва Ж.Н., Денисов М.А., Трифонов Р.Н., Медведев В.М., Фадеев А.С., Князев В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Галицкий Ю.А., Борисова Т.А., Подлесная Л.В., Шестов А.В. Курск, 2016.

20. Женжебир В.Н. Современные проблемы торговли машинами и оборудованием. В сборнике: Инновационные процессы в научной среде. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2016. С. 82-89.

21. Организационно-экономические подходы к повышению конкурентоспособности хозяйственной деятельности предприятия. Кобиашвили Н.А., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Фадеев А.С., Медведев В.М., Шестов А.В., Кобулов Б.А. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 3 (28). С. 41.

22. Филатов В.В. Механизм взаимодействия участников рынка инноваций пищевой промышленности на основе технологических платформ. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 4. С. 57-62.

23. Филатов В.В., Дорофеев А.Ю. Диагностика факторов нарушения инвестиционно- инновационной привлекательности регионов. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 14-1. С. 97-103.

24. Актуальные проблемы инвестирования инновационной деятельности в России на современном этапе развития. Филатов В.В., Миргородская М.Г., Тарасов А.А. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 14-1. С. 149-155.

25. Филатов В.В. Развитие промышленного комплекса России на основе регулирования рынка инноваций отраслевых экономических систем. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5-4 (46). С. 126-132.

26. Методология ценообразования инновационных проектов и научно- исследовательских работ, выполняемых по госзаказу органов исполнительной власти. Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Женжебир В.Н., Дорофеев А.Ю., Денисов М.А., Маёрина Е.С., Положенцева И.В., Фадеев А.С. Коллективная монография / Москва, 2016.

27. Европейский бизнес и энергетическая безопасность в свете мирового кризиса. Новицкий И.Ю., Алексеев А.Е., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Шестов А.В. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31). С. 70.

28. Региональные аспекты управления ипотечными кредитными рынками в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Филатов В.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В. Москва, 2014.

29. Научно-техническое развитие как инновационный фактор экономического роста. Ашальян Л.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Медведев В.М., Паластина И.П., Положенцева И.В., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Коллективная монография. Москва, 2014.

30. Галицкий Ю.А., Женжебир В.Н. Внешние факторы, влияющие на эффективность инновационной деятельности. В сборнике: Наука, образование и инновации. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции : в 3 ч.. 2017. С. 90-94.

31. Инновационный менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2018

32. Филатов В.В. Методология формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. Монография / Москва, 2016.

33. Методология управления экономической интеграцией и концентрацией на примере организации вертикально - интегрированного холдинга. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Диброва Ж.Н., Денисов М.А., Трифонов Р.Н., Медведев В.М., Фадеев А.С., Князев В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Галицкий Ю.А., Борисова Т.А., Подлесная Л.В., Шестов А.В. Курск, 2016.

34. Филатов В.В. Методологические модели формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы пищевой промышленности. Монография / Москва, 2016.

35. Совершенствование стратегического управления предприятия на основе ситуационного анализа и сбалансированной системы показателей. Филатов В.В., Диброва Ж.Н., Медведев В.М., Женжебир В.Н., Князев В.В., Кобулов Б.А., Паластина И.П., Положенцева И.В.,

Кобиашвили Н.А., Фадеев А.С., Шестов А.В. Коллективная монография / Москва, 2015.

36. Управление хозяйственными связями предприятия с поставщиками и потребителями. Филатов В.В., Медведев В.М., Князев В.В., Фадеев А.С., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В., Подлесная Л.В. Москва, 2015.

37. Филатов В.В., Царев А.А. Эффективность формирования и регулирования отраслевого рынка инноваций. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6-1 (49). С. 159-162.

38. Филатов В.В. Концептуальные вопросы активизации инновационной деятельности в Российской Федерации. Москва, 2013.

39. Проблемы фирмирования инновационной экономики. Баранников А.А., Бузу О.В., Гусар С.А., Дорофеев А.Ю., Михайлушкин П.В., Ноздрин В.В., Сафаргалиев М.Ф., Соколов С.Н., Филатов В.В., Чабанюк О.В., Черкасов М.Н., Чернов С.С. Под общей редакцией С.С. Чернова. Новосибирск, 2012.

40. Филатов В.В. Управление инновационными рисками. Учебно-методический комплекс дисциплины. Направление подготовки магистров: 080200.68 – "Общий и стратегический менеджмент" / Курск, 2012.

41. Инновационный менеджмент. Филатов В.В., Кобулов Б.А., Положенцева И.В. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2011.

42. Государственное и муниципальное управление. Филатов В.В., Долгова В.Н., Деева В.А., Князев В.В., Бачурин А.П., Медведева Т.Ю., Паластина И.П., Положенцева И.В., Женжебир В.Н. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2010.

43. Стратегия диверсификации системы управления на основе выделения бизнес-единиц. Кобиашвили Н.А., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Фадеев А.С., Медведев В.М., Шестов А.В., Немцев И.В. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 3 (28). С. 40.

44. Организационно-экономические подходы к повышению конкурентоспособности хозяйственной деятельности предприятия. Кобиашвили Н.А., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Фадеев А.С., Медведев В.М., Шестов А.В., Кобулов Б.А. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 3 (28). С. 41.

45. Повышение эффективности системы менеджмента качества предприятия на основе оптимизации функциональной подсистемы. Кобиашвили Н.А., Женжебир В.Н., Осинская Т.В., Фадеев А.С., Медведев В.М., Шестов А.В., Кретов М.И. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 3 (28). С. 42.

46. Международная глобализация и трансформация понятия энергетической безопасности. Алексеев А.Е., Новицкий И.Ю., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Шестов А.В. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31). С. 2.

47. Энергетическая безопасность в европейском союзе: проблемы «зависимости» и развития. Алексеев А.Е., Новицкий И.Ю., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Дадугин М.В. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31). С. 3.

48. Энергетическая безопасность как фактор международного развития. Новицкий И.Ю., Алексеев А.Е., Пшава Т.С., Женжебир В.Н., Шестов А.В. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31). С. 69.

49. Дилеммность политической элиты стран европейского союза в сфере энергетики. Положенцева И.В., Алексеев А.Е., Новицкий И.Ю., Женжебир В.Н., Пшава Т.С. Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31). С. 78

50. Филатов В.В. Поставщики инновационной продукции на отраслевом рынке инноваций. В сборнике: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики. Сборник научных трудов 3-й Международной научно-практической конференции. 2017. С. 259-268.

51. Менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017

52. Филатов В.В. Анализ возможности использования в России зарубежного опыта развития рынков инноваций отраслевой экономической системы на примере пищевой промышленности. сборнике: Современные научные исследования: теоретический и практический аспект Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2016. С. 123-131.

53. Актуальные проблемы осуществления управленческих нововведений на предприятиях малого бизнеса. Мухина Т.Н., Минайченкова Е.И., Филатов В.В. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 4. С. 245-257.

54. Филатов В.В. Организационно - экономические инструменты регулирования инфраструктуры рынка инноваций отраслевой экономической системы. В сборнике: Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сборник статей Международной научно - практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2016. С. 163-170.

55. Филатов В.В. Промышленная политика и направления реструктуризации машиностроительного комплекса. В сборнике: Инновационные механизмы решения проблем научного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2016. С. 245-251.

56. Филатов В.В. Модель развития промышленного комплекса России на основе регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. Инновации и инвестиции. 2016. № 12. С. 208-211.

57. Коваленко А.В., Филатов В.В. Стратегические аспекты страхового маркетинга инноваций на региональном рынке услуг в современных условиях. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. № 11. С. 56-61.

58. Филатов В.В. Риск- факторы, препятствующие формированию и регулированию рынка инноваций пищевой промышленности ЦФО. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 3. С. 75-78.

59. Филатов В.В. Механизм взаимодействия участников рынка инноваций пищевой промышленности на основе технологических платформ. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 4. С. 57-62.

60. Филатов В.В., Симонова В.А. Предпосылки повышения инновационного потенциала участников основных продуктовых групп пищевой промышленности ЦФО. Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 5 (36). С. 64.

61. Филатов В.В. Анализ факторов, определяющих состояние развития рынка инноваций отраслевой экономической системы. Управление инновациями: теория, методология, практика. 2016. № 15. С. 35-47.

62. Филатов В.В. Управленческая логика бизнес- поведения предприятий на рынке инноваций отраслевой экономической системы пищевой промышленности. Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2016. № 5. С. 121-142.

63. Актуальные проблемы управления инновационной активностью предприятий. Мухина Т.Н., Минайченкова Е.И., Филатов В.В. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 2. С. 184-193.

64. Филатов В.В. Организационно-экономическая модель формирования и регулирования рынка инноваций пищевой промышленности ЦФО. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 2 (7). С. 279-295.

65. Филатов В.В. Современные подходы к управлению инновационной деятельностью промышленных предприятий. В сборнике: Наука сегодня: теория, методология, практика, проблематика. Сборник научных докладов. Sp. z o.o. «Diamond trading tour». 2014. С. 34-39.

66. Влияние инноваций на конкурентоспособность российских предприятий. Мухина Т.Н., Минайченкова Е.И., Филатов В.В. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 3. С. 359-374.

67. Аналитический инструментарий стратегического менеджмента. Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017

68. Контроллинг инноваций на региональных рынках страховых услуг. Денисова Н.А., Колосова Г.М., Филатов В.В. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 10-1. С. 25-33.

69. Информационное обеспечение и форсайтные исследования инновационной деятельности предприятий. Колосова Г.М., Денисова Н.А., Ашальян Л.Н., Филатов В.В. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 13-1. С. 17-25.

70. Женжебир В.Н. Механизмы и функции рынка отраслевых инноваций. Сб. науч. тр. по мат. X междунар. междисц. фор. мол. уч. «Научные исследования и разработки: приоритетные направления и проблемы развития», Калининград: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.40-74

71. Пшава Т.С. Регулирование потребительского рынка отраслевых инноваций. Сб. науч. тр. по мат. X междунар. междисц. фор. мол. уч. «Научные исследования и разработки: приоритетные направления и проблемы развития», Калининград: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.75-107

72. Фадеев А.С. Роль рынка отраслевых инноваций в развитии малого предпринимательства. Сб. науч. тр. по мат. X междунар. междисц. фор. мол. уч. «Научные исследования и разработки: приоритетные направления и проблемы развития», Калининград: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.113-142

73. Филатов В.В. Организационно-экономические механизмы формирования портфеля инноваций и стратегии развития производства. X междунар. междисц. фор. мол. уч. «Научные исследования и разработки: приоритетные направления и проблемы развития», Калининград: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.143-177

74. Женжебир В.Н. Управление лицензионной деятельностью инновационных предприятий. Сб. науч. тр. по мат. III междунар. междисц. фор. мол. уч. «Экономика, управление и финансы:

современные теории и практические разработки», Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.21-57

75. Пшава Т.С. Методы и особенности прогнозирования рынка отраслевых инноваций. Сб. науч. тр. по мат. III междунар. междисц. фор. мол. уч. «Экономика, управление и финансы: современные теории и практические разработки», Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.114-149

76. Фадеев А.С. Управление инновационной деятельностью промышленных предприятий. Сб. науч. тр. по мат. III междунар. междисц. фор. мол. уч. «Экономика, управление и финансы: современные теории и практические разработки», Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.150-185

77. Филатов В.В. Организационно-экономические механизмы инновационного предпринимательства. X Сб. науч. тр. по мат. III междунар. междисц. фор. мол. уч. «Экономика, управление и финансы: современные теории и практические разработки», Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017, С.186-221

78. Женжебир В.Н. Рыночные направления развития машиностроительного комплекса. Сб. науч. тр. по мат. I междунар. междисц. фор. мол. уч. «Наука и технологии - ключевой фактор развития стран и регионов», Екатеринбург: НОО «Профессиональная наука», 2017

79. Пшава Т.С. Факторы, определяющие отраслевое развитие машиностроительного комплекса. Сб. науч. тр. по мат. I междунар. междисц. фор. мол. уч. «Наука и технологии - ключевой фактор развития стран и регионов», Екатеринбург: НОО «Профессиональная наука», 2017

80. Фадеев А.С. Государственное регулирование экономического роста в промышленности. Сб. науч. тр. по мат. I междунар. междисц. фор. мол. уч. «Наука и технологии - ключевой фактор развития стран и регионов», Екатеринбург: НОО «Профессиональная наука», 2017

81. Женжебир В.Н. Повышение конкурентоспособности продукции и развитие экспортного потенциала АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

82. Пшава Т.С. Организационно- экономические проблемы инновационного развития АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA Smashword, Inc., 2017

83. Филатов В.В. Организационно- экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

UDC 332.146.2

Filatov V.V. The organizational and economic problems of restructuring industry and agricomplex

Организационно- экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК

Filatov Vladimir Vladimirovich,
Candidate of technical Sciences, associate Professor,
Department of Management, state and municipal management
Moscow state University
technology and management. K. G. Razumovsky (PKU)
Филатов Владимир Владимирович,
Кандидат технических наук, доцент кафедры «Менеджмента,
государственного и муниципального управления»,
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

Аннотация. В работе рассмотрены организационно-экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК. Показано, что наличие сырьевых ресурсов позволяет определить прогрессивные направления экономической политики на базе инновационных процессов в АПК. Развитие специализации, кооперации и концентрации дает возможность участия в транснациональных компаниях, интегрированных и финансово-промышленных бизнес-группах.

Ключевые слова: организация, механизмы, функции, рынок, машиностроительный комплекс, производство, машины, оборудование.

Abstract. The paper discusses the determinants of industry development of machine-building complex. It is shown that the presence of natural resources enables you to define a progressive economic policies on the basis of innovation processes. The development of specialization, cooperation and concentration gives the possibility of participation in multinational companies, an integrated financial-industrial business groups.

Keywords: organization, mechanisms, functions, market, machine building, manufacturing, machinery, equipment.

Агропромышленный комплекс традиционно является государственно регулируемой отраслью со значительными объемами ежегодных капиталовложений, большая часть которых осуществляется

за счет средств государственного бюджета. Наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции требует соответствующего развития материально-технической базы отрасли[1]. Увеличение размеров производственных фондов осуществляется за счет дополнительных вложений материальных и денежных средств направленных на расширение производственного потенциала сельского хозяйства. Устойчивое развитие отраслей агропромышленного комплекса в условиях становления рыночных отношений нуждается в инвестиционной активности, в предоставлении предприятиями необходимых денежных и материальных ресурсов[2].

От состояния агропромышленного комплекса во многом зависит развитие экономики страны, ее национальная безопасность, жизненный уровень населения. В сельском хозяйстве и пищевой промышленности работает каждый пятый, занятый в сфере материального производства, удельный вес этих отраслей в ВВП составляет около 9%, на долю продовольственных товаров приходится 46% общего объема розничного товарооборота. В сельской местности проживает 27% населения страны. Сельское хозяйство является потребителем продукции многих отраслей промышленности и сферы услуг, обеспечивая занятость миллионов трудоспособного населения[3].

В создание конечной продукции агропромышленного комплекса на различных стадиях производства и обращения прямо или косвенно участвует более 70 отраслей народного хозяйства. В состав АПК входят только отрасли, технологически и экономически взаимосвязанные и непосредственно участвующие, как в процессе производства, так и в доведении конечной продукции до потребителя. Соотношение отраслей, участвующих в производстве продуктов питания и

непродовольственных предметов потребления, составляет отраслевую структуру агропромышленного комплекса[4].

Структурная перестройка промышленности осуществляется в соответствии с Программой развития промышленного комплекса РФ до 2020 гг., которая предусматривает приоритетное развитие наукоемких и энергосберегающих подотраслей промышленности, экспортоориентированных и импортозамещающих производств[5].

Основными социально-экономическими целями развития АПК являются: достижение устойчивого роста сельскохозяйственного производства; решение продовольственной проблемы страны и приближение уровня потребления продуктов питания к научно обоснованным нормам; удовлетворение спроса населения на непродовольственные товары из сельскохозяйственного сырья; перестройка агропромышленного производства на преимущественно интенсивную форму развития, обеспечение опережающего роста производства конечной продукции; улучшение использования ресурсного потенциала и повышение на этой основе эффективности производства; изменение структуры внешнеторгового оборота в целях постепенного превращения страны в экспортера продовольственной продукции[6].

Конечная цель АПК кратко может быть сформулирована так: наиболее полное удовлетворение потребностей населения в продовольствии и других товарах, вырабатываемых из сельскохозяйственного сырья, при минимальных затратах труда и средств производства[7].

Главная цель структурных преобразований в промышленности – создание конкурентоспособной высокотехнологичной продукции на основе внедрения современных ресурсосберегающих и экологически

безопасных технологий. Для перехода к устойчивому развитию в промышленности предусматривается эффективное использование всех видов ресурсов на основе применения экологически чистых технологий[8].

Агропромышленный комплекс включает в себя три основные сферы. Первая сфера состоит из отраслей, обеспечивающих агропромышленный комплекс средствами производства, а также занятых производственно-техническим обслуживанием сельского хозяйства. Во вторую сферу АПК входят предприятия и организации, непосредственно занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции. В третью сферу АПК включаются отрасли и предприятия, обеспечивающие заготовку, переработку сельскохозяйственной продукции и доведение ее до потребителя[9].

В первую сферу АПК включаются: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение для животноводства и кормопроизводства, продовольственное машиностроение, производство специализированного автотранспорта, мелиоративной техники, производство минеральных удобрений и химических средств защиты растений, микробиологическая промышленность, капитальное строительство в агропромышленном комплексе, ремонт сельскохозяйственной техники[10]. Отрасли, входящие в первую сферу агропромышленного комплекса, призваны обеспечивать ресурсами процесс производства, создавать базу для индустриализации сельского хозяйства и способствовать нормальному функционированию всех звеньев комплекса. От их деятельности во многом зависит ритмичность, поточность и массовость производства сельскохозяйственной продукции и конечного продукта в целом[11].

На долю первой сферы агропромышленного комплекса приходится почти 15% общего объема произведенной продукции, 13% производственных фондов и 22% численности работников[12].

Главной составной частью второй сферы АПК является непосредственно сельскохозяйственное производство, в котором выделяют две основные отрасли — растениеводство и животноводство. Внутри самих отраслей растениеводства и животноводства существуют также отраслевое деление[13]. В растениеводстве выделяют: овощеводство, садоводство, зерновое производство, хлопководство, льноводство и др. В составе животноводства выделяют отрасли по видам животных: скотоводство, свиноводство, овцеводство, птицеводство. Наряду с этим выделяются животноводческие отрасли по характеру производимой продукции: молочное скотоводство, мясошерстное овцеводство и т.д.[14].

Сельское хозяйство дает 95-96% производимого в стране продовольствия, остальные 4-5% — продукция морей, рек, озер, лесов. Кроме того, сельское хозяйство поставляет натуральное сырье — шерсть, льноволокно, масло-семена различных культур, сахарную свеклу и др. Продукция сельского хозяйства не может быть воспроизведена в других сферах или заменена другими видами продукции[15].

Вторая сфера агропромышленного комплекса производит почти 48% конечной продукции. В ней задействовано свыше 68% производственных фондов и 60% численности работников[16].

В результате аграрной реформы, в соответствии с действующим Гражданским кодексом Российской Федерации и другими законодательными актами, основными хозяйствующими субъектами в стране и в аграрном секторе экономики, в частности, являются такие

новые формирования, как общества, товарищества, кооперативы и другие предприятия[17].

Приоритетное развитие получит выпуск наукоемких, экспортоориентированных и импортозамещающих видов продукции, а также потребительских товаров и продукции, изготавливаемой на основе собственных сырьевых ресурсов (деревообработка, фармацевтика и др.). На период до 2020 гг. ставится задача перехода к эффективному функционированию промышленного комплекса в условиях его экологизации[18]. Целевые ориентиры этого этапа – это систематическое наращивание объема продаж; выпуска продукции, соответствующей мировым стандартам; обеспечение уровня рентабельности не ниже 20% по промышленности в целом. Для этого потребуется:

- систематическое качественное обновление производственного, научно-технологического и кадрового потенциала[19];
- создание и функционирование системы маркетинга, располагающей информацией о текущей и перспективной конъюнктуре мирового рынка промышленных товаров[20];
- вхождение промышленности, прежде всего наукоемких отраслей, в мировую хозяйственную систему на основе сформированных межгосударственных корпораций и предпринимательских образований[21];
- разработка и внедрение информационно-интеллектуальных систем, переход на информационные технологии разных сфер деятельности, включая экологичность производства[22].

В третьей сфере АПК сосредоточены пищевкусовая, мясная и молочная, рыбная, мукомольно-крупяная, комбикормовая промышленности. В данную сферу частично включена легкая

промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья. Отрасли третьей сферы агропромышленного комплекса обеспечивают первичную промышленную доработку сельскохозяйственного сырья, ее заготовку и хранение, а также вторичную переработку сырья и доведение его до готовности для реализации населению[23]. Они осуществляют и доставку готовой продукции к местам хранения и реализации. Уровень жизни населения страны зависит от состояния и темпов развития агропромышленного комплекса и особенно третьей сферы — пищевой и перерабатывающей промышленности. На долю отраслей и предприятий третьей сферы агропромышленного комплекса приходится 38% от общего объема производства продукции, 19% всех производственных фондов и 18% численности работников[24].

Таким образом, помимо сельского хозяйства в АПК входят отрасли, которые либо поставляют ему средства производства и оказывают услуги, либо заготавливают, перерабатывают его продукцию, производят готовые к потреблению продукты питания и непродовольственные товары из сельскохозяйственного сырья и доводят их до потребителя[25].

По характеру произведенного конечного продукта агропромышленный комплекс можно подразделить на продовольственный комплекс и комплекс непродовольственных продуктов. В продовольственный комплекс входят отрасли сельского хозяйства и переработки, которые поставляют населению продукты питания, а также предприятия, снабжающие средствами производства первые, занимающиеся заготовкой и транспортировкой продовольственных товаров[26].

По отраслевому признаку в продовольственном комплексе выделяют ряд продуктовых подкомплексов. Они представляют собой

совокупность предприятий и организаций как по производству сырья и получению готовой продукции, так и обслуживающих подкомплекс. В стране функционируют такие продуктовые подкомплексы, как зерновой, свеклосахарный, картофелепродуктовый, плодоовощной, мясной, молочный, масложировой, рыбный и др.[27]. Продуктовые подкомплексы имеют свою специфику, и в то же время они тесно связаны между собой, а иногда и взаимозависимы один от другого. Например, тесная взаимозависимость наблюдается при производстве молока и мяса крупного рогатого скота, а продукция этих отраслей входит в два продуктовых подкомплекса: мясной и молочный. Наиболее крупными подкомплексами в России являются зернопродуктовый, мясной и молочный[28].

Совершенствование структуры АПК должно быть направлено на обеспечение сбалансированного развития его сфер и отраслей с целью роста производства конечной продукции. Для примера и сравнения коротко охарактеризуем агропромышленный комплекс США. АПК США ныне производит продукции на сумму свыше 1,4 трлн. долларов. Причем сельскохозяйственная сфера в нем не превышает 8%. Зато сфера переработки, хранения, транспортировки и реализации создает более 62% стоимости продукции[29]. Потому-то из каждого доллара, который потребитель платит за продукты, до фермера доходит менее 20 центов. Существует известный миф, что два миллиона американских фермеров кормят страну. На фермах действительно трудится 2,6 млн. фермеров, членов их семей и наемных работников. Но в АПК их результативную работу и доведение продукта до прилавка обеспечивают еще около 21 млн. человек. В целом же в комплексе занято около пятой части всех трудящихся страны[30].

Современный уровень научно-технического прогресса позволяет одному человеку, непосредственно занимающемуся сельскохозяйственным производством, производить продукцию для 60-70 человек. В России на одного среднегодового работника сельского хозяйства приходится 15 жителей страны, это следствие довольно низкой производительности труда в сельском хозяйстве, а также недостаточного развития третьей сферы и инфраструктуры АПК[31].

Направления структурной перестройки межотраслевых комплексов и отраслей промышленности характеризуются следующим образом. Топливо-энергетический комплекс. Основной целью развития является надежное и безопасное обеспечение потребностей страны в топливно-энергетических ресурсах с учетом их рационального использования[32].

Приоритетными направлениями его развития, исходя из требований экологии и обеспечения потребностей страны являются:

- обеспечение энергетической безопасности и повышение энергетической независимости РФ на основе оптимизации структуры топливно-энергетического баланса (увеличение доли вторичных энергетических ресурсов, местных видов топлива, нетрадиционных и возобновляемых источников энергии), диверсификации первичных топливно-энергетических ресурсов как по их видам, так и по источникам поставок, создания стратегических запасов основных видов энергоносителей, превалирующих в энергетическом балансе (подземные газовые хранилища, нефте- и мазутохранилища)[33];

- расширение электрификации при стабильном потреблении первичных энергоресурсов;

- реконструкция и модернизация действующих и замена выбывающих мощностей с использованием новых технологий;

- развитие прогрессивных технологий в нефтепереработке, повышающих ее глубину и качество нефтепродуктов;
- увеличение объема транзитных услуг – транзит нефти и нефтепродуктов, газа, электроэнергии;
- снижение энергоемкости ВВП на основе реализации технологического, структурного и организационного потенциалов энергосбережения. При этом, снижение энергоемкости предусматривается осуществить на две трети за счет реализации технологического потенциала энергосбережения и на треть путем структурных и организационных трансформаций экономики в направлении увеличения доли малоэнергоемких отраслей[34];
- гармонизация взаимоотношений ТЭК с окружающей средой в соответствии с принципами устойчивого развития. Структурная перестройка в черной металлургии будет направлена как на совершенствование организационной структуры и внедрение прогрессивных технологий и оборудования, так и на увеличение номенклатуры, расширение ассортимента, повышение качества выпускаемой продукции, углубление степени переработки черных металлов[35].

Приоритетными направлениями структурной политики в химической и нефтехимической отрасли должны стать развитие производств и технологий, которые обеспечивают экологизацию всех сфер жизнедеятельности человека и которые должны осуществляться с учетом специфики подотраслей[36].

В машиностроительном комплексе основной целью структурных преобразований должно стать повышение уровня его конкурентоспособности как основы устойчивого развития отрасли и

повышения производственного потенциала всех секторов экономики страны[37].

Для этого предусматривается:

- опережающее развитие наукоемких и высокотехнологичных подотраслей и производств: микроэлектроники, приборостроения, точного машиностроения, промышленности информационных технологий[38];

- расширение выпуска потребительских товаров, прежде всего различных видов бытовой техники и электроники, испытывающих меньшие среднесрочные и долгосрочные колебания спроса, имеющих более высокую скорость оборачиваемости оборотных средств[39];

- увеличение удельного веса экспортоориентированных производств в рамках единого рынка со странами СНГ в целях развития экспорта в дальнее зарубежье. Приоритетными, по данному критерию, в белорусском машиностроении являются кроме указанных выше отраслей, автобусное и троллейбусное производства, станкостроительная и инструментальная промышленность автомобилестроение[40];

- повышение комплексности машиностроения и увеличение создаваемой в отрасли валовой добавленной стоимости путем расширения кооперации внутри подотраслей, развития производств, технологически сопряженных с существующими[41].

Устойчивое развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности должно базироваться на принципах рациональности, комплексности и неистощительности лесопользования в интересах живущих и будущих поколений людей. С этой целью предусматривается совершенствование ее внутриотраслевой структуры на основе обеспечения приоритетного

развития производств по химической (целлюлоза, газетная бумага, картон) и химико-механической переработке древесного сырья (древесная масса, древесноволокнистые плиты средней плотности), базирующихся на экологически безопасных и высоких технологиях[42].

Приоритетное развитие должны получить также производства новых конкурентоспособных материалов и изделий – большеформатной фанеры, столярно-строительных изделий высокого уровня заводской готовности, обоев, высокохудожественных наборов элитной мебели с фасадными элементами из массива древесины, а также качественной мебели массового спроса[43].

Обеспечение агропромышленного производства всеми видами техники в необходимом количестве играет решающую роль в достижении производства намеченных объемов сельскохозяйственной продукции, обеспечении продовольственной безопасности и стабильного развития страны. Поэтому проблемы оснащенности сельскохозяйственной техникой и эффективности ее использования имеют особую значимость[44].

Современные экономические и организационные условия, диспаритет цен сделали невозможным процесс простого и тем более расширенного воспроизводства основных фондов и технической базы в частности[45].

Одно из конкурентных преимуществ страны - природный, демографический, экономический и историко-культурный потенциал сельских территорий, рациональное и эффективное использование которого способно обеспечить устойчивое многоотраслевое развитие, полную занятость, высокие уровень и качество жизни населения, проживающего в сельской местности[46]. Повышение роли сельских

территорий в осуществлении стратегических социально-экономических преобразований требует применения комплексного интегрального подхода к развитию села как социально-территориальной подсистеме общества, выполняющей ряд важнейших народнохозяйственных функций, в том числе производственную, демографическую, социально-культурную, природоохранную, рекреационную[47]. Одним из существенных условий комплексного устойчивого развития сельских территорий является повышение уровня знаний и информации, доступных для сельского сообщества. В этих целях необходимо всемерно поддерживать и развивать региональные сельские консультационные службы и центры, способные, как показывает зарубежный и отечественный опыт, обеспечить оптимальную организацию деятельности муниципальных образований с целью устойчивого развития всей охватываемой их деятельностью территории[48]. Стратегические цели работы таких центров могут выражаться в содействии развитию малого и среднего сельского бизнеса, разработке и реализации стратегического плана развития муниципального образования, поддержке инициатив и оказанию информационно-консультационной помощи субъектам предпринимательства и гражданам[49].

Необходимость достижения в перспективе рациональной структуры потребления товаров легкой промышленности требует соответствующей структурной перестройки производства с учетом эффективности внешнеэкономических связей[50].

Совершенствование структуры производства намечается по следующим направлениям: ориентация на максимально возможное использование накопленного потенциала; ускоренное развитие приоритетных конкурентоспособных производств, опережающие

темпы роста экспортоориентированных и импортозамещающих производств (трикотажная, швейная и обувная промышленность); проведение согласованной со странами СНГ единой структурной политики в легкой промышленности[51].

В прогнозируемом периоде развитие фармацевтической промышленности будет направлено на увеличение производства основных лекарственных средств, повышение качества и конкурентоспособности медикаментов, в том числе за счет внедрения в производство норм и правил, соответствующих международным стандартам[52]. Реконструкция и техническое перевооружение предприятий позволит организовать выпуск новых эффективных видов продукции, внедрить экологически безопасные технологии. Следует создать новые производства на основе высокоочищенных аминокислот, медицинской глюкозы[53].

Проблемы развития российского АПК, требующие комплексного, системного решения множества производственно-экономических, организационных, эколого-экономических, социальных и правовых вопросов, сложны и многогранны[54]. Вместе с тем, при всем многообразии освещаемых в отечественной экономической литературе проблем развития АПК они в подавляющем большинстве затрагивают отдельные стороны функционирования агропромышленного производства, в них недостаточно уделяется внимание теории и практике функционирования аграрного сектора экономики в целом, с учетом специфических особенностей и тенденций его формирования и развития в изменившихся условиях хозяйствования, а также как приоритетному объекту государственного регулирования[55].

Недостаточно разработан и не апробирован на практике комплекс вопросов, охватывающий регулирование АПК, включая взаимоотношения государства с субъектами аграрного рынка, государственное регулирование спроса и предложения товаров на продовольственном рынке, бюджетное финансирование сельского хозяйства, государственную поддержку производителей сельскохозяйственной продукции, содействие государства развитию производственной и рыночной инфраструктуры, мер ценового, налогового и финансового регулирования агропромышленного производства и др.[56]. Требуют освещения вопросы оптимального соотношения государственного и негосударственного регулирования аграрных рынков, формирования финансовых механизмов и инструментов продовольственных рынков, информационного обеспечения продовольственного рынка и рынка ресурсов в АПК[57].

Широкомасштабное формирование и развитие агропродовольственных рынков различных видов определяет необходимость комплексной оценки их современного состояния, определения стратегии и тактики развития, усиления позитивного воздействия на стабилизацию и рост эффективности основных отраслей сельскохозяйственного производства[58].

Основной проблемой сельского хозяйства является неэффективное производство. Первостепенной задачей аграрного сектора на первом этапе является повышение экономической эффективности производства, обеспечение экономического роста. Для этого необходимо:

- всемерное содействие развитию научных исследований по приоритетным направлениям и существенное усиление работы по их использованию в производстве[59];

- развитие конкурентных преимуществ АПК, базирующихся, прежде всего, на использовании природно-климатических факторов (молочное и мясное скотоводство, льноводство, картофелеводство и др.)[60];

- укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, его техническая модернизация и переход на этой основе на современные высокопроизводительные, ресурсосберегающие технологии[61];

- эффективное использование производственного потенциала и ресурсов[62];

- концентрация ресурсов и средств на приоритетных направлениях и на высокоокупаемых видах производства[63];

- значительный рост урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных[64];

- совершенствование ценовой политики, устранение ценового диспаритета[65];

- трансформация неэффективных предприятий АПК в новые рыночные структуры[66];

- создание условий, в которых могут эффективно работать как коллективные предприятия, так и индивидуальный сектор[67];

- реализация целевых программ поддержки сельского хозяйства за счет госбюджета[68];

- стимулирование экспорта продукции.

Оценка деятельности сельскохозяйственных предприятий в результате экономического анализа отдельных объектов, направлений многогранной работы не дает в полной мере общее представление об эффективности работы хозяйств в целом, поскольку все процессы производства взаимосвязаны между собой и в различной степени

оказывают влияние на общие результаты работы сельскохозяйственных предприятий. В связи с этим анализ деятельности сельскохозяйственных предприятий по основным результативным экономическим показателям имеет важное значение[69].

В условиях рыночной экономики основой государственной агропродовольственной политики должно быть обеспечение стимулов для эффективного производства сельскохозяйственной продукции — главного фундамента экономического роста АПК, устойчивого развития сельских территорий и повышения качества жизни сельского населения, поддержания продовольственной безопасности страны[70]. Поэтому основными целями на нынешнем этапе следует считать создание условий, во-первых, для повышения конкурентоспособности отечественной продукции агропромышленного комплекса и рыболовства на внутреннем и внешнем рынках, обеспечения населения страны качественными продовольственными товарами; во-вторых, для устойчивого развития сельских территорий, обеспечения занятости, улучшения жизненного уровня сельского населения; в-третьих, для сохранения и воспроизводства используемых сельским хозяйством и рыболовством природных ресурсов[71].

Исходя из такого подхода и в соответствии с поручениями Президента Российской Федерации, Министерством сельского хозяйства Российской Федерации разработан приоритетный национальный проект «Развитие АПК», поддержанный правительством страны и Федеральным Собранием. В сфере агропромышленного производства определены три основных направления: ускоренное развитие животноводства; стимулирование

развития малых форм хозяйствования; обеспечение жильем молодых специалистов на селе[72].

Проектом предусматривается увеличить за два года производство молока на 4,5%, мяса — на 7%. Для реализации этих целей намечено в первую очередь повысить доступность кредитных ресурсов для финансирования строительства и модернизации животноводческих комплексов и ферм за счет дополнительного выделения из федерального бюджета ассигнований на субсидирование процентных ставок по привлекаемым кредитам; увеличить поставки техники, оборудования, племенного скота на условиях аграрного лизинга; сохранить действующий режим ограничения импорта мяса и мясопродуктов, стимулировать импорт технологического оборудования для животноводства и первичной переработки продукции, не имеющего отечественных аналогов[73].

Чтобы привлечь в животноводство инвестиционные ресурсы, предусмотрено выделить дополнительно 6600 млн. руб. бюджетных ассигнований на субсидирование процентных ставок по кредитам (на срок до восьми лет), предназначенным для финансирования строительства именно животноводческих комплексов и ферм. Это позволит ежегодно направлять по 40 млрд. руб. инвестиционных кредитов в сельское хозяйство[74].

Привлекаемые и собственные средства сельскохозяйственных товаропроизводителей с учетом поставок оборудования и скота по лизингу дадут возможность осуществить модернизацию и перевооружение ряда животноводческих комплексов и ферм на 370 тыс. скотомест, закупить до 100 тыс. голов высокопродуктивного племенного крупного рогатого скота, свиней, овец для селекции имеющегося стада и создания соответствующего племенного ядра[75].

Для технологического перевооружения животноводческих предприятий и закупки племенного скота запланировано выделить бюджетные средства на увеличение уставного капитала «Росагролизинга» в сумме 8 млрд. руб.; установлены более льготные условия поставок по лизингу машиностроительной продукции и особенно племенного скота[[76].

Развитию производства мяса и мясопродуктов в России также должно способствовать обоснованное регулирование импорта указанных видов продукции. Утвержден механизм тарифного квотирования на четыре ближайших года, что позволит прогнозировать ситуацию на рынке. Для повышения конкурентоспособности отечественной продукции требуется оснащение российских предприятий современным оборудованием. Наша промышленность, к сожалению, не удовлетворяет эти потребности, поэтому для облегчения закупок по импорту зарубежной техники и оборудования, аналоги которых не производятся в нашей стране, на них будут отменены ввозные таможенные пошлины[77].

Стабилизация и дальнейшее развитие АПК невозможны без коренного изменения социальной политики на селе. В любой цивилизованной стране — это исключительная прерогатива государства. В России социальные проблемы села придется решать особым образом, но в любом случае на основе государственной федеральной программы, требующей существенного перераспределения бюджетных потоков. Вместе с тем, достойный уровень жизни сельского населения можно обеспечить только на базе эффективного функционирования АПК республики в экономическом пространстве страны и рационального использования имеющегося потенциала[78].

Главные условия динамичного и эффективного развития АПК — обеспечение пропорциональности и сбалансированности всех его составляющих, укрепление связей между сферами комплекса. При отсутствии адекватной рыночной инфраструктуры перерабатывающие предприятия в большинстве случаев использовали свое монопольное положение для занижения закупочных и завышения реализационных цен. В результате на селе развернулось массовое строительство мелких цехов по переработке мяса, молока, семян масличных культур и др.[79]. Строительство небольших перерабатывающих мощностей потребовало от сельских товаропроизводителей значительных капиталовложений, а отсутствие возможностей комплексной переработки приводило к неоправданным потерям сырья. Перерабатывающие предприятия теряли сырьевые зоны и не загружали свои производственные мощности, коэффициент использования которых колеблется от 20 до 35%. Это вызвало удорожание переработки сырья, снижение конкурентоспособности производимых продовольственных товаров и, как следствие, привело к засилью импортной продукции на рынках[80].

Важный фактор эффективного развития АПК — интеграция между сельским хозяйством и переработкой, что создает благоприятные условия для согласованной экономической и научно-технической политики добровольно в нее входящих, но юридически самостоятельных предприятий. Преимущество крупного предприятия проявляется в более низкой себестоимости продукции, высокой экологической безопасности, глубокой комплексной переработке, минимальной потере сырья и устойчивом высоком качестве продукции. А малые предприятия находят свое место там, откуда трудно поставлять скоропортящуюся продукцию[81].

Побудительным мотивом для объединительных процессов в экономике служит эффект, достигаемый за счет расширения масштабов производства, соединения разрозненных звеньев единого технологического процесса. В результате возникает мотивация к организации единого управления всеми стадиями производства хозяйствующих субъектов, участвующих в совместном процессе. Разумная кооперация и интеграция открывают дополнительные источники роста производительности труда, возможностей сбыта, и, таким образом, помогают более эффективно осуществлять совместный производственный процесс по выпуску различных видов готовой продукции. Резкое падение покупательной способности сельхозтоваропроизводителей диктует необходимость реформирования инженерной сферы АПК[82].

Следует подчеркнуть, что российский агропродовольственный сектор имеет огромные потенциальные возможности и большие перспективы. Располагая 9% мировых сельхозугодий (правда, не самых лучших) и 2,5% населения Земли, Россия может не только обеспечить себя качественной агропродукцией, но и поставлять ее на мировой рынок. Конечно, для этого нужны другие экономические условия, использование достижений научно-технического прогресса, хорошо подготовленные кадры. На современном этапе за счет инновационного развития обеспечивается 2/3 прироста сельскохозяйственной продукции. Поэтому комплексные меры по восстановлению и росту агропромышленного производства должны на деле улучшить положение российского крестьянства, определить по справедливости его место в экономике страны, обеспечить продовольственную безопасность и достаточный уровень питания всех слоев населения России[83].

Агропромышленный комплекс, являясь составной частью экономики страны, подчиняется общим законам экономического развития и в то же время отличается специфическими чертами, обусловленными высокой социальной значимостью производимой продукции[64].

Трансформация аграрного сектора экономики, проведенная без глубокого научного обоснования и в достаточно сжатый период, обусловила возникновение ряда проблем перманентного характера как на макро-, так и на микроуровне функционирования АПК[65].

Помимо общеэкономических проблем (нестабильность в финансовом отношении, отсутствие законодательных гарантий в различных областях деятельности и т.п.), агропромышленному комплексу страны присущи особые, специфические проблемы, обусловленные несовершенством производственно-экономических отношений в агропродовольственной сфере[66].

В настоящее время, несмотря на отдельные признаки стабилизации, в целом агропромышленный комплекс России находится в состоянии глубокого системного кризиса, обусловленного накопленными проблемами его функционирования в дореформенный период: наличием структурных диспропорций между различными сферами и отраслями агропромышленного производства, нарушением координационных связей между хозяйствующими субъектами, дисбалансом между всеми продуктовыми сегментами, высокой степенью физического и морального износа основных фондов, нерациональной специализацией сельскохозяйственного производства (территориальной, продуктовой и технологической), недостаточным использованием в производстве достижений аграрной науки, наличием системы активной статистической дезинформации и др.[67].

Указанные проблемы обусловили объективную необходимость реформирования аграрного сектора в целях повышения эффективности его функционирования. В качестве наиболее значимых выделялись проблемы модификации производственно-экономических отношений между экономическими субъектами, создания новых, более совершенных производственных единиц, изменения земельных отношений, формирования специализированной системы кредитования для АПК, правовой регламентации[68].

Сельскохозяйственное производство предприятий всех форм собственности и хозяйствования будет развиваться успешно, если исполнительная и законодательная власть на федеральном и региональном уровнях приложит свои усилия на решение следующих неотложных задач[69]:

1. улучшение финансового положения сельскохозяйственных предприятий, в частности, за счет решения проблемы диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, создания механизма по его устранению[70];

2. укрепление материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий[71];

3. создание условий для социально-экономического развития сельских территорий, устойчивого роста производства сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности[72];

Решение этих задач обеспечит устойчивое развитие производства в АПК. Проблемы развития российского АПК, требующие комплексного, системного решения множества производственно-экономических, организационных, эколого-экономических, социальных и правовых вопросов, сложны и многогранны. Вместе с тем, при всем многообразии освещаемых в отечественной

экономической литературе проблем развития АПК они в подавляющем большинстве затрагивают отдельные стороны функционирования агропромышленного производства, в них недостаточно уделяется внимание теории и практике функционирования аграрного сектора экономики в целом, с учетом специфических особенностей и тенденций его формирования и развития в изменившихся условиях хозяйствования, а также как приоритетному объекту государственного регулирования.

References

1. Инновационный менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2018
2. Менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017
3. Аналитический инструментарий стратегического менеджмента. Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017
4. Управленческое консультирование: менеджмент-консалтинг. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Дорофеев А.Ю., Долгова В.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Положенцева И.В., Лочан С.А., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Курск, 2017.
5. Менеджмент традиционные и современные модели. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Долгова В.Н., Дорофеев А.Ю., Женжебир В.Н., Кобиашвили Н.А., Князев В.В., Лочан С.А., Медведев В.М., Минайченкова Е.И., Мухина Т.Н., Петросян Д.С., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Справочник / Москва, 2017

6. Филатов В.В. Методология формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. Монография / Москва, 2016.

7. Методология управления экономической интеграцией и концентрацией на примере организации вертикально - интегрированного холдинга. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Диброва Ж.Н., Денисов М.А., Трифонов Р.Н., Медведев В.М., Фадеев А.С., Князев В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Галицкий Ю.А., Борисова Т.А., Подлесная Л.В., Шестов А.В. Курск, 2016.

8. Филатов В.В. Методологические модели формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы пищевой промышленности. Монография / Москва, 2016.

9. Методология ценообразования инновационных проектов и научно- исследовательских работ, выполняемых по госзаказу органов исполнительной власти. Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Женжебир В.Н., Дорофеев А.Ю., Денисов М.А., Маёрина Е.С., Положенцева И.В., Фадеев А.С. Коллективная монография / Москва, 2016.

10. Совершенствование стратегического управления предприятия на основе ситуационного анализа и сбалансированной системы показателей. Филатов В.В., Диброва Ж.Н., Медведев В.М., Женжебир В.Н., Князев В.В., Кобулов Б.А., Паластина И.П., Положенцева И.В., Кобиашвили Н.А., Фадеев А.С., Шестов А.В. Коллективная монография / Москва, 2015.

11. Управление хозяйственными связями предприятия с поставщиками и потребителями. Филатов В.В., Медведев В.М., Князев В.В., Фадеев А.С., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В., Подлесная Л.В. Москва, 2015.

12. Научно-техническое развитие как инновационный фактор экономического роста. Ашальян Л.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Медведев В.М., Паластина И.П., Положенцева И.В., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Коллективная монография / Москва, 2014.

13. Роль международных платежных систем в экономике России. Филатов В.В., Трифонов Р.Н., Положенцева И.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Шестов А.В. Коллективная монография. / Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Москва, 2014.

14. Региональные аспекты управления ипотечными кредитными рынками в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Филатов В.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В. Москва, 2014.

15. Управление лицензионной деятельностью: вопросы теории и практики. Ашальян Л.Н., Дадугин М.В., Диброва Ж.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Пшава Т.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Москва, 2013.

16. Филатов В.В., Шестов А.В. Современные тенденции развития отраслей легкой промышленности: региональный, стратегический, инновационный аспект. Москва, 2013.

17. Филатов В.В. Концептуальные вопросы активизации инновационной деятельности в Российской Федерации. Москва, 2013.

18. Проблемы фирмирования инновационной экономики. Баранников А.А., Бузу О.В., Гусар С.А., Дорофеев А.Ю., Михайлушкин П.В., Ноздрин В.В., Сафаргалиев М.Ф., Соколов С.Н., Филатов В.В.,

Чабанюк О.В., Черкасов М.Н., Чернов С.С. Под общей редакцией С.С. Чернова. Новосибирск, 2012.

19. Филатов В.В. Управление инновационными рисками. Учебно-методический комплекс дисциплины. Направление подготовки магистров: 080200.68 – "Общий и стратегический менеджмент" / Курск, 2012.

20. Инновационный менеджмент. Филатов В.В., Кобулов Б.А., Положенцева И.В. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2011.

21. Филатов В.В. Управление государственной инновационной политикой РФ с учетом влияния глобализации на структурную экономику России на современном этапе. Монография; М-во образования и науки РФ, ФБГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Менеджмента", Каф. "Менеджмента". Москва, 2011.

22. Филатов В.В. Региональные аспекты управления инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов СНГ в условиях экономической нестабильности. Монография; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Экономики и бизнеса", Каф. "Менеджмента". Москва, 2010.

23. Государственное и муниципальное управление. Филатов В.В., Долгова В.Н., Деева В.А., Князев В.В., Бачурин А.П., Медведева Т.Ю., Паластина И.П., Положенцева И.В., Женжебир В.Н. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2010.

24. Филатов В.В. Управление венчурным капиталом, инновационным предпринимательством и трансфером инновационных технологий в региональных экономических системах РФ. Монография;

Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономика, бизнеса и права", Каф. "менеджмента". Москва, 2009.

25. Филатов В.В. Управление инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов РФ, инновационными инфраструктурами и экономическим развитием региональных систем. Монография; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономики, бизнеса и права", Каф. "Менеджмента". Москва, 2008.

26. Теоретические основы проектирования систем менеджмента производственных предприятий в условиях экономической нестабильности. Филатов В.В., Дорофеев А.Ю., Деева В.А., Князев В.В., Кобулов Б.А., Кобиашвили Н.А., Мухина Т.Н., Паластина И.П., Руденко О.Е., Осинская Т.В. Москва, 2008.

27. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Аварский Н.Д. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

28. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального федерального округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И., Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

29. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10. С. 8-11.

30. Конкуренентоспособные отечественные технологии в реализации научно-технической политики развития АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 11. С. 11-16.

31. Рост сельскохозяйственного производства как фактор устойчивого развития пищевой промышленности и продовольственного рынка России. Иванова В.И., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 2. С. 8-11.

32. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 4. С. 40-43.

33. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

34. Стимулирование экспорта агропродовольственной продукции - ключ к экономическому росту российского АПК. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Геращенко И.В. Пищевая промышленность. 2016. № 6. С. 28-33

35. The development of specialized storage facilities close to the producer as a prerequisite for the effective operation of a national network of wholesale distribution centers of agricultural products. Ivanova V.N., Grubyj V.A., Pizengolts V.M., Saurenko T.N. Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-1 (77-1). С. 1049-1051

36. Инновационные технологии для развития пищевой и перерабатывающей промышленности. Аксенова Л.М., Андреев Н.Р., Белозеров Г.А., Горлов И.Ф., Егорова М.И., Иванова В.Н., Косован

А.П., Лисицын А.Н., Лисицын А.Б., Мелешкина Е.П., Мокшанцева И.В., Никифорова Т.А., Оганесянц Л.А., Петров А.Н., Поляков В.А., Свириденко Ю.Я., Симоненко С.В., Харитонов Д.В. МГУТУ имени К.Г.Разумовского (ПКУ). Москва, 2015.

37. Реализация агропродовольственной политики ЕАЭС - платформа для решения продовольственной безопасности. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Байгот М.С. Пищевая промышленность. 2015. № 10. С. 8-11.

38. Агропромышленный комплекс ЦФО: проблемы экономического роста. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 5. С. 8-13.

39. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 7. С. 8-14.

40. Новые возможности решения продовольственной проблемы в условиях евразийской интеграции. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Сахар. 2015. № 1. С. 14-20.

41. Зоны свободной торговли - основной вектор расширения внешней торговли ЕАЭС. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Сахар. 2015. № 12. С. 15-19.

42. Рост производства продукции АПК и ценовая конъюнктура на продовольственном рынке: в поисках компромисса. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 4. С. 26-34.

43. Новые возможности роста производства продукции АПК России в условиях санкций. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Сахар. 2015. № 7. С. 13-20.

44. Формирование современной инфраструктуры агропродовольственного рынка: проблемы выбора направлений

развития. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 9. С. 15-22.

45. Евразийская интеграция: новый формат взаимодействия для решения проблемы продовольственного обеспечения. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 3. С. 5-11.

46. Развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Переработка молока. 2015. № 11 (194). С. 40-42

47. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 10 (154). С. 78-80.

48. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 9 (153). С. 68-73.

49. Иванова В.Н. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России. Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 23. С. 5-10.

50. Партнерство субъектов АПК и сферы образования. инновации в управлении. Иванова В.Н., Девяткина Т.В. Москва, 2014.

51. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального Федерального Округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И., Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

52. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Аварский Н.Д. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

53. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10. С. 8-11.

54. Риски в АПК. Факторы непроизводственной инфраструктуры. Иванова В.Н., Беглова Н.В. Москва, 2014

55. Пищевая промышленность России: проблемы развития. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Пищевая промышленность. 2014. № 10. С. 20.

56. Инновации: потенциал экономического роста для импортозамещения на рынке продовольствия. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Пищевая промышленность. 2014. № 11. С. 12-16.

57. Реструктуризация продовольственного комплекса. Иванова В., Гончаров В. Экономист. 2014. № 3. С. 52.

58. Повышать эффективность использования энергетических ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. АПК: Экономика, управление. 2012. № 7. С. 24-29.

59. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

60. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика и управление. 2012. № 11. С. 55.

61. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономические науки. 2012. № 96. С. 55-59.

62. Методические подходы к оценке экономических рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Вопросы экономики и права. 2012. № 46. С. 95-99.

63. Формирование рациональной структуры трудовых ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2012. № 4. С. 20.

64. Язев Г.В. Совершенствование государственной поддержки развития производственной структуры АПК РФ. Монография. Москва, 2017. С.192

65. Инновационное развитие рыбной промышленности Орловской области. Язев Г.В., Зайнутдинов И.А. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 31-39.

66. Векторы повышения продуктивности молочной отрасли в Орловской области. Язев Г.В., Здир О.В. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 40-51.

67. Язев Г.В. Направления совершенствования государственной поддержки мясной промышленности России. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 136-140.

68. Язев Г.В. Тенденции развития производства рыбы и продуктов переработки в региональных комплексах. Международные научные исследования. 2017. № 2 (31). С. 273-278.

69. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного опыта. В сборнике: Концепции фундаментальных и прикладных научных

исследований сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-117.

70. Язев Г.В. Возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. В сборнике: Материалы и методы инновационных исследований и разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 197-202.

71. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 278-282.

72. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. В сборнике: Наука и инновации в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 91-95.

73. Язев Г.В. возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2016. № 134. С. 105-108.

74. Язев Г.В. Российская сахарная отрасль: проблемы и перспективы развития. Экономические науки. 2016. № 137. С. 82-85.

75. Язев Г.В. Проблемы обеспечения экспорта масличных культур в современном российском АПК. Экономические науки. 2016. № 143. С. 43-45.

76. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2015. № 133. С. 65-68.

77. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного опыта. Вопросы экономики и права. 2015. № 89. С. 145-150.

78. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. Вопросы экономики и права. 2015. № 90. С. 99-102.

79. Воронина М.В., Филатов В.В. Экономическое регулирование инновационно- инвестиционных процессов в АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 2. С. 81-91.

80. Филатов В.В., Воронина М.В. Анализ современных тенденций, способствующих реализации инновационной модели развития АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 1. С. 67-73.

81. Пшава Т.С. Организационно- экономические проблемы инновационного развития АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

82. Фадеев А.С. Влияние инновационной и промышленной политики на развитие отраслей машиностроительного комплекса. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

83. Филатов В.В. Организационно- экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

UDC 332.146.2

Pshava T.S. Organizational-economic problems of innovative development of agribusiness

Организационно-экономические проблемы инновационного развития АПК

Pshava Tatiana Stanislavovna

The candidate of pedagogical Sciences, associate Professor,
Department of Management, state and municipal management
Moscow state University
technology and management. K. G. Razumovsky (PKU)

Пшава Татьяна Станиславовна,

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмента,
государственного и муниципального управления»,
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

Аннотация. В работе рассмотрены организационно-экономические проблемы инновационного развития АПК. Таким образом, можно констатировать, что уровень предметной специализации машиностроительных предприятий за последнее десятилетие значительно снизился и произошло изменение самой структуры производства, которое заключается в снижении доли выпуска машин и увеличении удельного веса запасных частей.

Ключевые слова: организация, механизмы, функции, рынок, экономический кризис, машиностроение, легкая и пищевая промышленность.

Abstract. The paper considers the impact of economic crisis on engineering, light and food industries. Thus, we can say that the level of subject specialization engineering companies over the last decade has declined significantly and there has been a change to the structure of production, which is the decline in the share of manufacture of machinery and increase the proportion of spare parts..

Keywords: the organization, mechanisms, functions, market, economic crisis, mechanical engineering, light and food industries.

Проблемы отечественного АПК охватывают широкий спектр - от технической отсталости до проблем социальной инфраструктуры села. У предприятий особенно остро ощущается нехватка средств на модернизацию производства. Вместе с тем ресурсопроизводящие

отрасли АПК во многих случаях продолжают выпускать морально устаревшие средства производства, предполагающие в свою очередь использование упрощенных технологий как в самом сельском хозяйстве, так и в смежных с ним отраслях переработки, хранения и реализации аграрной продукции, что неминуемо ведет к значительному снижению производительности труда по сравнению с лучшими мировыми аналогами[1]. Инновации в человеческий капитал при всей очевидной значимости этого направления осуществляются крайне медленно, что, естественно, осложняет общий подъем аграрного производства и возрождение сельских территорий[2].

В АПК воспроизводство сельскохозяйственной и промышленной продукции опосредствуется сложными взаимоотношениями. В этих взаимоотношениях промышленность играет соответствующую роль в развитии сельского хозяйства, снабжая его основными средствами производства: тракторами, сельскохозяйственными машинами, транспортом, ТСМ, минеральными удобрениями, химикатами. От развития промышленности зависит уровень материально-технической оснащенности и производительности труда в сельском хозяйстве, что становится необходимым условием воспроизводства[3].

С другой стороны большая часть продукции сельского хозяйства проходит стадию промышленной переработки, в результате чего сельское хозяйство становится основным поставщиком сырья для легкой и пищевой промышленности, и теряет непосредственную связь с потреблением. Таким образом, начальная и заключительная стадии воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве формируются вне его. Воспроизводственный процесс сельского хозяйства всецело зависит от эффективного функционирования его межотраслевых связей и эквивалентности межотраслевого обмена[4].

Такая технологическая зависимость предприятий создает экономические связи между ними, определяющие в свою очередь, экономические отношения предприятий в рамках существующей организационно-правовой формы интегрированного формирования. Формы экономических связей агропредприятий с промышленностью определяются множеством факторов исторического, экономического и политического характера. Главными из них являются экономические факторы и, в первую очередь, уровень развития производительных сил[5].

В комплексе мероприятий по улучшению обеспечения сельскохозяйственных предприятий и АПК в целом промышленной продукцией важное значение имеет создание системы оптовых рынков материально-технологических ресурсов, а также рынков разнообразных услуг, видов работ в области снабжения, ремонта и технического обслуживания, энергетики, транспорта и связи при соответствующем регулировании со стороны государства, формирование рыночной инфраструктуры, государственная поддержка товаропроизводителей, оптимизация размещения производства и заготовки молочного сырья, развитие интеграционных процессов, совершенствование системы ценообразования[6].

Вопросы развития и совершенствования межотраслевого обмена сельского хозяйства с другими отраслями АПК являлись предметом многочисленных исследований и дискуссий в экономической литературе, как периода плановой, так и рыночной системы хозяйствования[7].

Развитие экономических отношений в АПК обуславливает необходимость создания такой системы межотраслевых связей, которая бы способствовала взаимовыгодным экономическим связям

между отраслями с ориентацией на высокие конечные результаты и позволила бы увеличить выпуск конечной продукции[8].

Экономические отношения выступают в качестве ключевого момента во взаимодействии процессов общественного разделения труда, концентрации и специализации производства, его интеграции и кооперации. Степень развития экономических отношений служит существенной характеристикой развития производительных сил общества[9].

Сложившаяся на сегодняшний день экономическая система воспроизводственного процесса АПК и всего народного хозяйства функционирует с огромными диспропорциями, что отражается на работе каждой отрасли в отдельности и АПК в целом[10].

Государственное регулирование в АПК предполагает осуществление его преимущественно экономическими методами и включает защиту отечественного продовольственного рынка от импорта, а также аграрного сектора от высокомонополизированных отраслей, производящих средства производства для сельского хозяйства и закупающих его продукцию; сохранение и совершенствование функции государства в качестве заказчика и инвестора применительно к условиям переходного периода; содействие развитию рыночной инфраструктуры; поддержание государственного сектора АПК; развитие социальной сферы села; развитие аграрной науки и подготовка кадров для сельского хозяйства[11].

При этом должны быть приняты во внимание специфические особенности аграрного сектора—сезонность производства, медленный оборот капитала, повышенный производственный риск, связанный с подверженностью стихийным силам природы, с тем, что значительная

часть сельскохозяйственных угодий России находится в зоне рискованного земледелия[12].

Активное воздействие на развитие АПК экономическими методами государство может осуществлять через кредитное и налоговое регулирование, бюджетное финансирование, регулирование условий и уровня оплаты труда, социальное развитие, через государственные программы, госзаказы, эффективную таможенную политику и т.д.[12].

В целом можно выделить три главные причины отсутствия инноваций в АПК. Во-первых, отсутствие спроса на конкретные готовые продукты вузов. Во-вторых, инертность бизнесменов; занятых в АПК, особенно среди мелких производителей, фермеров: Еще одна причина - отсутствие взаимодействия между властью и бизнесом по этим вопросам[13].

При этом для реализации инновационной модели развития АПК есть определенные предпосылки и возможности. За последние годы учеными Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН) создано 258 сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, 24 новых селекционных форм животных и птиц, разработано 280 новых технологий, 137 единиц машин, приборов и оборудования, испытано 77 препаратов защиты растений[14].

Понятие «инновация» отождествляют с понятиями «новшество», «изобретение», «открытие». Особенность инновации состоит в создании дополнительной ценности и связана с внедрением. Таким образом, инновация состоит из таких составляющих как наука, предпринимательство, открытость по отношению к новым идеям, интеллектуальный или венчурный капитал. Таким образом, инновация состоит из таких составляющих как наука, предпринимательство,

открытость по отношению к новым идеям, интеллектуальный или венчурный капитал[15].

Инновация применительно к АПК - это новые технологии, новая техника, новые сорта растений, новые породы животных, новые удобрения и средства защиты растений и животных, новые методы профилактики и лечения животных, новые формы организации, финансирования и кредитования производства, новые подходы к подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров и т.д.[16]

Применительно к АПК инновации представляют собой реализацию в хозяйственную практику результатов исследований и разработок в виде новых сортов растений, пород и видов животных и кроссов птицы, новых или улучшенных продуктов питания, материалов, новых технологий в растениеводстве, животноводстве и перерабатывающей промышленности, новых удобрений и средств защиты растений и животных, новых методов профилактики и лечения животных и птицы, новых форм организации и управления различными сферами экономики, новых подходов к социальным услугам, позволяющих повысить эффективность производства[17].

По предмету и сфере применения в АПК целесообразно выделить четыре типа инноваций: селекционно-генетические; технико-технологические и производственные; организационно-управленческие и экономические; социально-экологические. Первый тип инноваций присущ только сельскому хозяйству[18].

Селекционно-генетические инновации – специфический тип нововведений, присущий только аграрной сфере. К ним относятся как фундаментальные, так и прикладные исследования. Среди других направлений, имеющих фундаментальный характер и

ориентированных на практическое применение, следует отметить генную, клеточную и хромосомную инженерии, молекулярную вирусологию и др.[19].

Селекционно-опытные и семеноводческие учреждения РАСХН проводят прикладные исследования, передают новые сорта и гибриды в производство. Таким образом, инновационные проекты селекционно-генетического характера служат основой для производственно-технологических нововведений[20].

Производственно-технологические инновации – это нововведения, которые, будучи результатами научных, в том числе селекционно-генетических разработок, находят свое практическое применение в производстве новых видов сельскохозяйственной и продовольственной продукции или обеспечивают существенное улучшение качества традиционной продукции. К этому же типу инноваций следует относить принципиально новые технологии проведения сельскохозяйственных работ, применение новых методов содержания скота, технологии хранения и переработки сельскохозяйственного сырья, которые обеспечивают повышение и сохранение биологически ценных качеств продукции, снижение ее ресурсоемкости[21].

Организационно-управленческие инновации включают институциональные нововведения при формировании принципиально новых организационно-правовых структур интегрированного типа (агрохолдинги, агрофирмы, технопарки и пр.), создание информационно-консультационных систем[22]. В практической деятельности хозяйствующих субъектов нововведения включают в область менеджмента, логистики, применения информационных технологий, новых методов маркетинговой деятельности и пр.

Организационно-управленческие нововведения приобретают особое значение в переходные периоды, когда осуществляются структурные трансформации, проводятся аграрные реформы[23].

Экономико-социо-экологические инновации – нововведения в системах экономических и социальных отношений, в регулировании производства и рынка, в комплексном развитии сельских территорий, а также новые методы решения экологических проблем[24].

Все перечисленные типы нововведений имеют множество конкретных форм воплощения. Это результаты фундаментальных и прикладных исследований, патенты на изобретения, лицензии, товарные знаки, документация на новые технологии, инновационные проекты, национальные, региональные и отраслевые инновационные программы[25].

Прикладные технологические исследования в интересах устойчивого развития АПК развиваются в следующих основных направлениях (сферах): земледелие, мелиорация, водное и лесное хозяйство; растениеводство и защита растений; зоотехния и ветеринарная медицина; механизация, электрификация и автоматизация производства; хранение и переработка сельскохозяйственной продукции[26].

Интегральную цель научного обеспечения инновационных прорывов в аграрном секторе можно определить следующим образом: разработка и практическое применение ресурсоэнергосберегающих, экологически безопасных и экономически оправданных технологий на основе повышения генетического потенциала сельскохозяйственных растений и животных, использования прогрессивных методов селекции и разработки интегрированных и специализированных информационных систем[27].

Обеспеченность сельскохозяйственной техникой составляет сейчас главную проблему для реализации концепции устойчивого развития страны, повышения конкурентоспособности российского АПК. Поэтому от уровня научно-исследовательских и проектных работ в области сельскохозяйственного машиностроения и применения интенсивных машинных технологий зависит решение большинства остальных проблем АПК[28]. Для научного обеспечения кардинального изменения ситуации наиболее важны такие направления, как разработка энергонасыщенной техники четвертого поколения и соответствующих ей интенсивных машинных технологий для производства приоритетных видов сельскохозяйственной продукции, определяющих продовольственную безопасность страны; создание концепции и программы интегрированного использования различных энергоресурсов в АПК, включая децентрализованные системы обогрева производственных помещений, реконструкции сельских электрических сетей, моделирования ветросолнечных и ветродизельных установок, получения жидкого и газообразного топлива из древесных и растительных отходов и пр.[29].

Хранение и переработка сельскохозяйственной продукции. Общая цель этого направления инноваций – создание технологических систем хранения и переработки сельскохозяйственного сырья при производстве экологически безопасных конкурентоспособных пищевых продуктов общего и специального назначения[30].

Для достижения этой цели разрабатываются новейшие технологии для каждого вида сельскохозяйственного сырья. Например, разработана отечественная технология получения жировых основ маргарина с низким содержанием трансизомеров, с высокими пластическими и биологическими свойствами[31].

Другой пример – разработанная технология обогащения стерилизованного молока витаминными и минеральными премиксами. Годовой экономический эффект при соответствующем объеме производства составляет 44 млн. руб.[32].

Большие перспективы имеют разработки системы ресурсосберегающих технологий, минимизирующих потери пищевой ценности продукции в процессе хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции[33].

Явно возрастает внимание к разработке специальных рецептов продукции и технологических схем ее производства для различных возрастных категорий населения[34].

Одна из важных в экологическом отношении разработок – технология применения биоутилизуемых композиционных материалов с регулируемым сроком службы[35].

Рассмотренные направления инновационного развития могут быть реализованы в реальной практике АПК при условии полноценного и своевременного финансирования, в том числе, и даже прежде всего, за счет государственной поддержки науки и производства, связанного с инновациями[36]. Однако органы управления, научные учреждения и производственные организации, разрабатывая конкретные инновационные проекты, должны объективно оценивать риски, сопровождающие нововведения, особенно в такой сложной сфере как сельское хозяйство[37].

Все инновации в аграрной сфере имеют такие отраслевые особенности, которые прямо отражаются на причинах возникновения инновационных рисков и возможностях управления ими. Эти особенности порождены биологической природой сельскохозяйственного производства, его зависимостью от природно-

климатических и погодных факторов. Технологии в любой отрасли сельского хозяйства строятся на использовании биологических факторов: процессов почвообразования, развития растений и применении продуктивных свойств животных[38]. Климатические и погодные факторы оказывают самое непосредственное влияние на рост и развитие растений, возможности своевременного проведения технологических операций. Хранение, транспортировка, переработка сельскохозяйственной продукции также сопряжены с биологическими процессами, направлены на сохранение ценных свойств продукции в течение возможно более длительного периода. Все это придает вероятностный характер получению желаемых результатов как в текущем производстве, так и при осуществлении инновационных проектов[39].

При неблагоприятных условиях инновационный проект реализуется с меньшим, чем ожидалось, экономическим эффектом. Сказанное в равной мере относится ко всем типам инноваций. Но кроме объективных источников рисков существуют специфические факторы рисков для отдельных типов инноваций[40].

Риски в области селекционно-генетических инноваций возникают как неизбежное следствие объективно существующей неполноты знаний генетиков и селекционеров о законах развития растительных и животных организмов, о влиянии на них неблагоприятных условий внешней среды, о процессах клеточного и молекулярного уровня. Поэтому всегда есть риск после многих лет исследования получить результат, не отвечающий потребностям практики[41].

Риски в производственно-технологических инновациях порождают: удорожание оборудования и материалов, связанных с

освоением новых технологий; недостаточное качество инвестиционных проектов; неблагоприятное изменение рыночной конъюнктуры для вновь осваиваемой продукции; ухудшение в процессе реализации проекта условий его финансирования и другие подобные факты[42].

В кризисные 90-е годы подавляющее большинство сельскохозяйственных предприятий России не могли осуществлять инновационные проекты, прежде всего, по финансовым причинам. Отсутствие собственных источников финансирования, большие размеры просроченной кредиторской задолженности и непосильные банковские проценты при кредитовании стали жесткими барьерами на пути любых инноваций в предприятия АПК. Положение несколько изменилось в последние два года. Тем не менее, названные выше источники возникновения рисков ситуаций для реализации инновационных проектов пока сохраняются[43].

В сфере организационно-управленческих инноваций существуют следующие источники рисков: недостаток (неполнота или отсутствие) необходимой законодательной базы, неразвитость рыночной инфраструктуры, в частности, информационных систем; инфляция; общая экономическая нестабильность. С другой стороны, в период реализации инновационных проектов часто проявляются и внутренние факторы: слабая подготовленность специалистов и особенно менеджеров в хозяйстве, недостаточная мотивация работников для освоения ими нововведений и другие. По экспертным оценкам в современной России внутренние факторы формируют 1/3 инновационных рисков, а внешние – 2/3. В стабильных рыночных системах это соотношение противоположное[44].

Управление инновационными рисками является неотъемлемой частью инновационного менеджмента и должно осуществляться на всех стадиях реализации проекта[45].

На стадии разработки инновационного проекта необходимы следующие мероприятия: прогнозирование негативных факторов, способных породить риски и отрицательно повлиять на инновационный процесс в целом или на его отдельные фазы; оценка характера и размеров риска, установление зон риска для основных инновационных мероприятий; разработка методов предупреждения инновационных рисков или смягчения их последствий в случае проявления; включение в документацию инновационного проекта специального раздела по оценке рисков и неопределенности условий осуществления проекта, включая рекомендации по организации риск-менеджмента, страхованию рисков, использованию венчурного капитала[46].

На стадии реализации инновационного проекта необходимыми являются: проведение мониторинга инновационной деятельности по критериям оценки рискованных ситуаций; принятие и осуществление управленческих решений по снижению уровня риска или его отрицательных последствий для наиболее полного достижения расчетной эффективности проекта[47].

В инновационном менеджменте особенно важным является обеспечение своевременного и непрерывного финансирования всех этапов разработки и реализации инновационного проекта. Особо значимые проекты, связанные с селекционной деятельностью, несомненно, должны финансироваться из федерального и региональных бюджетов. Проекты производственно-технологического и организационно-управленческого характера для отдельных

предприятий, как правило, финансируются за счет собственных средств и кредитов[48].

Для аграрной сферы необходимо привлечение венчурного капитала, который по своей природе предназначен для работы в условиях повышенного риска. В России пока еще мало венчурных компаний. Но их число увеличится, если для этого будут созданы законодательные и экономические условия. Венчурные компании, реализующие принципиально новые разработки, должны пользоваться государственной поддержкой для частичной компенсации потерь от неосуществленных, но потенциально прогрессивных научных идей и инновационных проектов[49].

Наряду с этим предстоит модернизировать техническую базу фундаментальных и прикладных исследований аграрного профиля, усовершенствовать методики проведения экспериментальной работы. Это позволит улучшить качество результатов, повысить их надежность, следовательно, снизить риски инновационной деятельности[50].

В организационно-управленческом направлении основными тенденциями будут формирование вертикально-интегрированных систем по все большему количеству видов сельскохозяйственной продукции. Большинство фермерских хозяйств будет встроено в крупные продовольственные системы, в рамках которых фермеры будут обязаны выращивать по контрактам продукцию в определенном количестве и стандартного качества. Таким образом, процесс разработки и внедрения новых технологий, обеспечивающих выполнение таких контрактов, будет происходить в рамках крупных корпоративных структур[51].

Все большее значение на протяжении всего прогнозного периода будут приобретать проблемы сбалансированного развития сельхозпроизводства и сельской местности, а также экологические аспекты производства сельскохозяйственной продукции. Следует ожидать инновационных прорывов, которые обеспечат стабильное выращивание определенного количества сельхозпродукции, и при этом будет формироваться благоприятная среда для проживания все большего количества людей в сельской местности[52].

Инновационные прорывы сопряжены с достижением трех взаимосвязанных целей АПК: обеспечение продовольственной безопасности; ресурсосбережение; экологическое и социальное благополучие сельских территорий[53].

Восстановление и развитие потенциала агропромышленного сектора является одним из ключевых направлений экономической политики. Недостаток новых технологий, современного оборудования, финансовых ресурсов, отсутствие эффективного механизма государственного регулирования в значительной степени затрудняют процесс реформирования аграрного сектора России. Характер существующих проблем требует серьезных мер государственного вмешательства и поддержки заинтересованных зарубежных финансово-производственных структур для того, чтобы преодолеть препятствия, тормозящие развитие агропромышленного производства в стране[53].

Одним из источников финансирования и инвестиционных вложений в АПК является участие крупных российских и зарубежных компаний в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции. Зарубежные компании, создавшие перерабатывающие производства в России, осуществляют товарное кредитование и

финансовые вложения в предприятия, являющиеся поставщиками с/х сырья для них. Среди российских крупных корпораций можно выделить три категории предприятий, осуществляющих инвестиции в АПК[54]:

- предприятия пищевой перерабатывающей промышленности (прежде всего крупные мясокомбинаты);
- предприятия перерабатывающих отраслей промышленности, включая предприятия топливно-энергетического комплекса;
- предприятия, входящие в состав крупных промышленных холдингов и специализирующиеся на производстве и глубокой переработке с/х сырья.

Основными направлениями реализации инновационной политики в АПК являются:

- формирование инновационной системы АПК, включающей весь научно-технический потенциал отрасли, функционирующей на основе единой научно-технической политики государства[55];
- разработка и совершенствование нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, механизмов стимулирования защиты интеллектуальной собственности в инновационной сфере и введение ее в хозяйственный оборот[56];
- развитие инфраструктуры инновационного процесса, включая системы информационного обеспечения, сертификации и продвижения разработок, подготовки и переподготовки кадров; дальнейшее развитие деятельности аграрной науки по приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований и разработок[57];
- совершенствование конкурсной системы отбора инновационных проектов и программ[58];

- ускорение освоения в производстве достижений науки и техники и передового опыта[59];
- стимулирование развития инновационных процессов в отрасли и совершенствование управления этими процессами[60];
- государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей с целью восстановления их платежеспособности и повышения возможности осуществлять инновационную деятельность[61].

Для повышения интереса инвесторов к инновационным проектам, в том числе и в агро-продовольственной сфере, роста доходности от венчурных инвестиций и продвижения на международный рынок отечественной наукоемкой продукции в эти же годы создана Российская венчурная компания[62]. Предполагается, что в дальнейшем с ее участием будет сформирована целостная система отраслевых и региональных фондов и компаний, что станет своеобразным катализатором стимулирования и поддержки нововведений в различных регионах и отраслях, включая АПК[63]. Кроме того, еще одной важной формой реализации национальной инновационной стратегии выступают государственные корпорации, действующие по наиболее важным и актуальным направлениям народного хозяйства. Например, «Объединенная зерновая компания», задачей которой состоит в закупке зерна от лица государства у аграрных производителей по объявленным ценам, продажа его на внутреннем и внешнем рынках, строительство новых элеваторов и т.д.[63].

Проблему с финансированием инноваций смогут решить венчурные фонды - это коммерческие организации, занимающиеся так называемым рискованным финансированием. Они отбирают

перспективные инновационные проекты и обеспечивают их деньгами для развития. Когда предприятие начинает приносить прибыль, фонд, получает часть доходов. Такие венчурные фонды уже давно и успешно работают во всём мире, а в последние годы появляются и в России. Приток капитала сможет запустить многие потенциально прибыльные проекты[64].

Важной составляющей является и уменьшение налоговой нагрузки, что в определенном смысле способно компенсировать недостаток инвестиций. Процентное субсидирование процентных ставок по кредитам на развитие приоритетных подотраслей аграрного производства - мясного и молочного скотоводства, а также возмещение 80% ставки рефинансирования Банка России по кредитам на развитие остальных подотраслей АПК также поспособствуют внедрению инноваций[65].

Одним из главных условий динамичного развития АПК является пропорциональность, сбалансированность всех трех сфер. Особое внимание уделяется реальным связям между подсистемами, возможности регулировать эти связи[66]. В качестве основных рассматриваются экономические методы управления, выявление экономических параметров, воздействие (изменение) на которые и позволит достичь желаемого состояния системы в целом. В качестве основных причин кризиса сельского хозяйства отмечаются[67]:

- непоследовательность политики государства в области сельского хозяйства. Неоднократные попытки административного решения проблем без должного обоснования и обеспечения[68];

- диспаритет цен между различными сферами экономики далеко не в пользу сельского хозяйства. Цены на необходимые для сельского хозяйства товары промышленного производства (ГСМ, корма,

удобрения, электроэнергию) за последние годы существенно повысились, а цены на основные виды сельхозпродукции (молоко, мясо) увеличились незначительно[69];

- отсутствие научно-обоснованного подхода к перспективам развития сельского хозяйства с учетом конкретных климатических условий[70];

- значительные потери сельхозпредприятий при хранении продуктов в непригодных для этого хранилищах или в случае продажи продукции по заведомо заниженным ценам[71];

- несовершенство системы кредитования сельхозпредприятий. Необоснованно высокие процентные ставки при предоставлении краткосрочных кредитов[72];

- отсутствие на селе достаточного количества квалифицированных кадров, способных к принятию ответственных решений в конкретных условиях реформирования экономики[73].

В процессе общественного разделения труда происходит образование новых самостоятельных отраслей народного хозяйства и их специализация. В результате этого промышленность отделилась от земледелия, что явилось предпосылкой возникновения объективно необходимых связей между ними. В результате частного разделения труда происходит обособление разнообразных видов деятельности внутри них. От сельскохозяйственного производства отделились перерабатывающая промышленность, комбикормовое производство, материально-техническое обслуживание и т.д. Формирование новых отраслей промышленности, расширение ассортимента влечет за собой усложнение межотраслевых связей сельского хозяйства с другими отраслями. Появление множества отраслей в промышленности, сельском хозяйстве влекут за собой развитие производственной и

социальной инфраструктуры; этот процесс расширяет межотраслевые связи в АПК.

Государство должно выполнить свои функции - создать такой экономический механизм межотраслевых экономических отношений, при котором были бы обеспечены условия для функционирования всех составляющих аграрного рынка, а для его основного сегмента – сельского хозяйства возможности получения прибыли на авансированный капитал с учетом стоимости земли и срока оборачиваемости капитала[76]. Это возможно осуществить двумя путями: первый - совершенствование ценообразования, при котором наряду со свободным ценообразованием предприятия учитывают затраты и прибыли в пределах нормы, которая существует в стране; второй -поддержка доходов отраслей, которые получают прибыли, при норме, ниже, чем в среднем по народному хозяйству страны, для чего должен быть создан специальный государственный фонд[77].

В настоящее время реализуется Государственная программа по развитию сельского хозяйства до 2020 гг. Прирост валовой продукции сельского хозяйства по итогам года прогнозируется на уровне 14%. Объем государственной поддержки отрасли из федерального бюджета в текущем году со всеми дополнительными субсидиями составил 168 млрд. рубл.[78].

Более чем в 2 раза (к первоначально заложенному в бюджет объему) - до 8 млрд. 200 млн. рублей увеличено софинансирование экономически значимых региональных программ – средства направлены на мясное и молочное скотоводство, а также на развитие переработки, логистики, традиционные для субъектов отрасли сельского хозяйства[79].

Министерством разработан уже проект Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013-2020 годы. Приоритетными направлениями станут: развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка, модернизация пищевой и перерабатывающей промышленности, развитие фермерства и малых форм хозяйствования, поддержка экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, реализация комплекса стратегических мер, направленных на снижение рисков неблагоприятных природно-климатических условий в сельском хозяйстве (мелиорация и страхование)[80].

В современных быстроменяющихся условиях многократно возрастает и значение информационной компоненты инновационного развития АПК, своевременного и качественного оповещения сельскохозяйственных производителей о новейших достижениях аграрной науки и возможностях их использования в практической деятельности на конкретной территории[81].

Мировой опыт свидетельствует, что распространение новшеств в аграрной сфере наиболее успешно осуществляется именно на основе организации региональных служб сельскохозяйственного консультирования, взаимосвязанных с органами управления АПК, научными и учебными центрами, опытными и передовыми хозяйствами. Служба аграрного консультирования выступает, таким образом, связующим и передаточным звеном инновационной системы АПК, доводящим нововведения до конкретного товаропроизводителя на определенной сельской территории, существенно повышая тем самым его потенциальную конкурентоспособность[82].

В целях обеспечения поддержки бизнес инициатив и развития инновационного потенциала целесообразным является создание

региональных сельскохозяйственных кластеров. Большинство ученых отмечают, что все кластеры в той или иной степени способствуют ускорению инновационного процесса, а некоторые из них специализируются на выполнении данной задачи. Это обусловлено тем, что кластерный подход усиливает стремление предприятий к интеграции и нововведениям[83].

Успешное инновационное развитие предполагает существенную государственную поддержку и регулирование. Качественно новым направлением государственной политики в области поддержки сельского хозяйства выступают так называемые институты развития, создающиеся специально для обеспечения долгосрочных вложений в приоритетные наукоемкие сферы народного хозяйства. В нашей стране к ним, в частности, можно отнести учрежденный в 2007 г. Банк развития, деятельность которого ориентирована на повышение конкурентоспособности российской экономики, ее диверсификацию, включая развитие инфраструктуры, инноваций и особых экономических зон, а также организованный в 2006 г. Инвестиционный фонд РФ, реализующий особо крупные и значимые инфраструктурные и инновационные программы на принципах частно-государственного партнерства.

References

1. Менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017
2. Инновационный менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2018

3. Аналитический инструментарий стратегического менеджмента. Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017

4. Управленческое консультирование: менеджмент-консалтинг. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Дорофеев А.Ю., Долгова В.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Положенцева И.В., Лочан С.А., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Курск, 2017.

5. Менеджмент традиционные и современные модели. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Долгова В.Н., Дорофеев А.Ю., Женжебир В.Н., Кобиашвили Н.А., Князев В.В., Лочан С.А., Медведев В.М., Минайченкова Е.И., Мухина Т.Н., Петросян Д.С., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Справочник / Москва, 2017

6. Филатов В.В. Методология формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. Монография / Москва, 2016.

7. Методология управления экономической интеграцией и концентрацией на примере организации вертикально - интегрированного холдинга. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Диброва Ж.Н., Денисов М.А., Трифонов Р.Н., Медведев В.М., Фадеев А.С., Князев В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Галицкий Ю.А., Борисова Т.А., Подлесная Л.В., Шестов А.В. Курск, 2016.

8. Филатов В.В. Методологические модели формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы пищевой промышленности. Монография / Москва, 2016.

9. Методология ценообразования инновационных проектов и научно- исследовательских работ, выполняемых по госзаказу органов исполнительной власти. Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Женжебир В.Н., Дорофеев А.Ю., Денисов М.А., Маёрина Е.С., Положенцева И.В.,

Фадеев А.С. Коллективная монография / Москва, 2016.

10. Совершенствование стратегического управления предприятия на основе ситуационного анализа и сбалансированной системы показателей. Филатов В.В., Диброва Ж.Н., Медведев В.М., Женжебир В.Н., Князев В.В., Кобулов Б.А., Паластина И.П., Положенцева И.В., Кобиашвили Н.А., Фадеев А.С., Шестов А.В. Коллективная монография / Москва, 2015.

11. Управление хозяйственными связями предприятия с поставщиками и потребителями. Филатов В.В., Медведев В.М., Князев В.В., Фадеев А.С., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В., Подлесная Л.В. Москва, 2015.

12. Научно-техническое развитие как инновационный фактор экономического роста. Ашальян Л.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Медведев В.М., Паластина И.П., Положенцева И.В., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Коллективная монография / Москва, 2014.

13. Роль международных платежных систем в экономике России. Филатов В.В., Трифонов Р.Н., Положенцева И.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Шестов А.В. Коллективная монография. / Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Москва, 2014.

14. Региональные аспекты управления ипотечными кредитными рынками в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Филатов В.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В. Москва, 2014.

15. Управление лицензионной деятельностью: вопросы теории и практики. Ашальян Л.Н., Дадугин М.В., Диброва Ж.Н., Женжебир

В.Н., Колосова Г.М., Пшава Т.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Москва, 2013.

16. Филатов В.В., Шестов А.В. Современные тенденции развития отраслей легкой промышленности: региональный, стратегический, инновационный аспект. Москва, 2013.

17. Филатов В.В. Концептуальные вопросы активизации инновационной деятельности в Российской Федерации. Москва, 2013.

18. Проблемы фирмирования инновационной экономики. Баранников А.А., Бузу О.В., Гусар С.А., Дорофеев А.Ю., Михайлушкин П.В., Ноздрин В.В., Сафаргалиев М.Ф., Соколов С.Н., Филатов В.В., Чабанюк О.В., Черкасов М.Н., Чернов С.С. Под общей редакцией С.С. Чернова. Новосибирск, 2012.

19. Филатов В.В. Управление инновационными рисками. Учебно-методический комплекс дисциплины. Направление подготовки магистров: 080200.68 – "Общий и стратегический менеджмент" / Курск, 2012.

20. Инновационный менеджмент. Филатов В.В., Кобулов Б.А., Положенцева И.В. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2011.

21. Филатов В.В. Управление государственной инновационной политикой РФ с учетом влияния глобализации на структурную экономику России на современном этапе. Монография; М-во образования и науки РФ, ФБГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Менеджмента", Каф. "Менеджмента". Москва, 2011.

22. Филатов В.В. Региональные аспекты управления инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов СНГ в условиях экономической нестабильности. Монография; М-во

образования и науки РФ, ГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Экономики и бизнеса", Каф. "Менеджмента". Москва, 2010.

23. Государственное и муниципальное управление. Филатов В.В., Долгова В.Н., Деева В.А., Князев В.В., Бачурин А.П., Медведева Т.Ю., Паластина И.П., Положенцева И.В., Женжебир В.Н. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2010.

24. Филатов В.В. Управление венчурным капиталом, инновационным предпринимательством и трансфером инновационных технологий в региональных экономических системах РФ. Монография; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономика, бизнеса и права", Каф. "менеджмента". Москва, 2009.

25. Филатов В.В. Управление инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов РФ, инновационными инфраструктурами и экономическим развитием региональных систем. Монография; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономики, бизнеса и права", Каф. "Менеджмента". Москва, 2008.

26. Теоретические основы проектирования систем менеджмента производственных предприятий в условиях экономической нестабильности. Филатов В.В., Дорофеев А.Ю., Деева В.А., Князев В.В., Кобулов Б.А., Кобиашвили Н.А., Мухина Т.Н., Паластина И.П., Руденко О.Е., Осинская Т.В. Москва, 2008.

27. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Аварский Н.Д. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

28. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального федерального округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И., Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

29. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10. С. 8-11.

30. Конкурентоспособные отечественные технологии в реализации научно-технической политики развития АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 11. С. 11-16.

31. Рост сельскохозяйственного производства как фактор устойчивого развития пищевой промышленности и продовольственного рынка России. Иванова В.И., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 2. С. 8-11.

32. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 4. С. 40-43.

33. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

34. Стимулирование экспорта агропродовольственной продукции - ключ к экономическому росту российского АПК. Иванова

В.Н., Серегин С.Н., Геращенко И.В. Пищевая промышленность. 2016. № 6. С. 28-33

35. The development of specialized storage facilities close to the producer as a prerequisite for the effective operation of a national network of wholesale distribution centers of agricultural products. Ivanova V.N., Grubyj V.A., Pizengolts V.M., Saurenko T.N. Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-1 (77-1). С. 1049-1051

36. Инновационные технологии для развития пищевой и перерабатывающей промышленности. Аксенова Л.М., Андреев Н.Р., Белозеров Г.А., Горлов И.Ф., Егорова М.И., Иванова В.Н., Косован А.П., Лисицын А.Н., Лисицын А.Б., Мелешкина Е.П., Мокшанцева И.В., Никифорова Т.А., Оганесянц Л.А., Петров А.Н., Поляков В.А., Свириденко Ю.Я., Симоненко С.В., Харитонов Д.В. МГУТУ имени К.Г.Разумовского (ПКУ). Москва, 2015.

37. Реализация агропродовольственной политики ЕАЭС - платформа для решения продовольственной безопасности. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Байгот М.С. Пищевая промышленность. 2015. № 10. С. 8-11.

38. Агропромышленный комплекс ЦФО: проблемы экономического роста. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 5. С. 8-13.

39. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 7. С. 8-14.

40. Новые возможности решения продовольственной проблемы в условиях евразийской интеграции. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Сахар. 2015. № 1. С. 14-20.

41. Зоны свободной торговли - основной вектор расширения внешней торговли ЕАЭС. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Сахар. 2015. № 12. С. 15-19.

42. Рост производства продукции АПК и ценовая конъюнктура на продовольственном рынке: в поисках компромисса. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 4. С. 26-34.

43. Новые возможности роста производства продукции АПК России в условиях санкций. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Сахар. 2015. № 7. С. 13-20.

44. Формирование современной инфраструктуры агропродовольственного рынка: проблемы выбора направлений развития. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 9. С. 15-22.

45. Евразийская интеграция: новый формат взаимодействия для решения проблемы продовольственного обеспечения. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 3. С. 5-11.

46. Развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Переработка молока. 2015. № 11 (194). С. 40-42

47. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 10 (154). С. 78-80.

48. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 9 (153). С. 68-73.

49. Иванова В.Н. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства

продукции АПК России. Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 23. С. 5-10.

50. Партнерство субъектов АПК и сферы образования. инновации в управлении. Иванова В.Н., Девяткина Т.В. Москва, 2014.

51. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального Федерального Округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И., Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

52. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Аварский Н.Д. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

53. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10. С. 8-11.

54. Риски в АПК. Факторы непроизводственной инфраструктуры. Иванова В.Н., Беглова Н.В. Москва, 2014

55. Пищевая промышленность России: проблемы развития. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Пищевая промышленность. 2014. № 10. С. 20.

56. Инновации: потенциал экономического роста для импортозамещения на рынке продовольствия. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Пищевая промышленность. 2014. № 11. С. 12-16.

57. Реструктуризация продовольственного комплекса. Иванова В., Гончаров В. Экономист. 2014. № 3. С. 52.

58. Повышать эффективность использования энергетических ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. АПК: Экономика, управление. 2012. № 7. С. 24-29.

59. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

60. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика и управление. 2012. № 11. С. 55.

61. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономические науки. 2012. № 96. С. 55-59.

62. Методические подходы к оценке экономических рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Вопросы экономики и права. 2012. № 46. С. 95-99.

63. Формирование рациональной структуры трудовых ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2012. № 4. С. 20.

64. Язев Г.В. Совершенствование государственной поддержки развития производственной структуры АПК РФ. Монография. Москва, 2017. С.192

65. Инновационное развитие рыбной промышленности Орловской области. Язев Г.В., Зайнутдинов И.А. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 31-39.

66. Векторы повышения продуктивности молочной отрасли в Орловской области. Язев Г.В., Здир О.В. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 40-51.

67. Язев Г.В. Направления совершенствования государственной поддержки мясной промышленности России. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 136-140.

68. Язев Г.В. Тенденции развития производства рыбы и продуктов переработки в региональных комплексах. Международные научные исследования. 2017. № 2 (31). С. 273-278.

69. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного опыта. В сборнике: Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-117.

70. Язев Г.В. Возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. В сборнике: Материалы и методы инновационных исследований и разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 197-202.

71. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 278-282.

72. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. В сборнике: Наука и инновации в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 91-95.

73. Язев Г.В. возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2016. № 134. С. 105-108.

74. Язев Г.В. Российская сахарная отрасль: проблемы и

перспективы развития. Экономические науки. 2016. № 137. С. 82-85.

75. Язев Г.В. Проблемы обеспечения экспорта масличных культур в современном российском АПК. Экономические науки. 2016. № 143. С. 43-45.

76. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2015. № 133. С. 65-68.

77. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного опыта. Вопросы экономики и права. 2015. № 89. С. 145-150.

78. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. Вопросы экономики и права. 2015. № 90. С. 99-102.

79. Воронина М.В., Филатов В.В. Экономическое регулирование инновационно- инвестиционных процессов в АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 2. С. 81-91.

80. Филатов В.В., Воронина М.В. Анализ современных тенденций, способствующих реализации инновационной модели развития АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 1. С. 67-73.

81. Пшава Т.С. Организационно- экономические проблемы инновационного развития АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

82. Фадеев А.С. Влияние инновационной и промышленной политики на развитие отраслей машиностроительного комплекса. Сб.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

83. Филатов В.В. Организационно- экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

UDC 01

Zheleznova I. Strategic capital planning of Russian companies based on the analysis dynamics of buyback abnormal returns

Zheleznova Irina

Postgraduate Student, Department of Economics and Finance,
Perm National Research Polytechnic University

Abstract. The article is about strategy of capital planning. The analysis investigates the period of time when shareholders can maximize their value during buyback procedures.

Keywords: Event study, buyback shares, abnormal returns, equity, capital planning.

The scientific controversy in the field of share repurchases by companies has become active in 2016, in connection with changes in legislation [1]. Among the scientists working in this field it is worthwhile to mention A. N. The Zadorozhnaya [2, C. 13-26], N. M. Sibova [4, C. 3] K. E. Kuzmichev [3, C. 20-24], who note in their scientific works, the practical aspect of buyback of shares by companies. Solopchenko, V. A. considers the repurchase of shares of the company as a tool of value management [5, C. 319].

The author of this article have previously dealt with the motives to repurchase shares of Russian companies [6, p. 195-204] and characteristics of share repurchase companies in Russia [7, p. 165-178]. To foreign scientists particularly active in studying the problems of share repurchases, include: G. Grullon, R. Michaely [8, p. 1649-1684], Hua Yang [9].

The article is dedicated to the dynamics of the abnormal returns during buy-back shares. The analysis is based on the following assumptions:

For the analysis event study is used as a method of investigation. An event study performs a statistical method to estimate the influence of the

event on the shares price [10]. The main idea is to find the excess return belonging to the studied event by adjusting for the return attributable to the price fluctuation of the market.

The event window includes 10 days before the event and 10 days after the event, a total time period equals 21 days.

Data on the stock prices of the companies is taken from website www.finanz.ru [11]. The calculations use the closing price because the closing price is the result of the day, expressing expert point of view. Moreover, professionals usually enter in quiet market prior to the strong price movements in and leave it at the end of this movement. Unprofessional participants often are subject to mass psychosis or panic during fast price movements. Thus closing price at the end of the day rarely matches to the quick movements of prices, which also confirms the importance of this price as a completed by professionals.

Actual return on shares is calculated according to the formula [10]:

$$R_t = \frac{P_t - P_{t-1}}{P_{t-1}} = \frac{P_t}{P_{t-1}} - 1,$$

Where R_t – actual return;

P_{t-1} – stock price on the previous day.

The required rate of return amount is calculated according to capital asset pricing model (CAPM) [10]:

$$ER_t = R_f + \beta * (R_m - R_f),$$

where ER_t – required return on equity in current day;

R_f – stock price on the previous day.

The required rate of return was calculated on the basis of MICEX index growth rate in order to exclude the impact of currency fluctuations on the share price.

Model "The Dynamics of abnormal returns in shares buyback" describes the dynamics of companies' excess returns which bought back shares during 10 days before and 10 days after the event. There are 4 types of events:

- 1) Buyback announcement date in the media
- 2) Buyback commencement date,
- 3) Buyback completed date,
- 4) Closure of register for dividend.

According to statistics sixteen Russian industrial companies repurchased shares in the period from 2005 to 2017.

Table 1

Period of buyback and dividend payout in Russian companies

Company	Industry	Completed buyback amount	Dividend payout amount	Buyback period	Dividend payout period
Novatek	Gas production	41	9	2012-2017	2012-2016
Uralkali	Agricultural Chemicals	15	10	2012-2016	2008-2014
Norilsk Nickel	Metal-Diversified	23	7	2005-2015	2013-2016
Avtovaz	Auto-Cars/Light Trucks	1	3	2007	2006-2008
Bashneft	Oil production	1	6	2014	2012-2016
Cherkizovo	Food-Meat Products	1	5	2012	2014-2016
Dorogobush	Chemicals-Diversified	1	3	2015	2008-2016
Evrax	Steel-Producers	1	0	2015	-
Irkutskenegro	Electric-Integrated	1	10	2008	2006-2016
Kamaz	Auto-Cars/Light Trucks	1	2	2007	2013-2014

Company	Industry	Completed buyback amount	Dividend payout amount	Buyback period	Dividend payout period
Pharmstandard	Medical- Generic Drugs	4	0	2011-2013	-
Polus Gold	Gold Mining	2	8	2006-2016	2007- 2012
Ros Agro	Food- Misc/Divers ified	1	4	2012	2015- 2016
T Plus	Electric- Generation	1	0	2008	-
TGK-14	Electric- Integrated	1	0	2008	-
Total:		95	67	2005-2017	2006- 2016

The model shows the market's reaction to the significant event in the company. Figure 1 shows the main trends of the considered 4 events with 16 considered companies' abnormal returns in order to form a unified view.

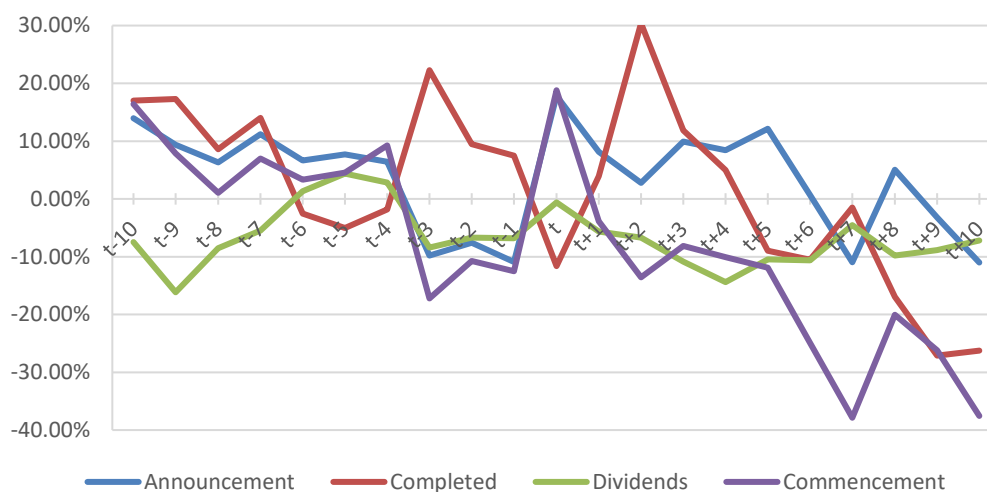

Figure 1. Trends of excess returns of buyback announcement date, commencement date and completed date.

According to the model, the excess return at the announcement of the news about the repurchase of shares decreases during the 8 days before the

event and becomes negative in the period from 3 to 1 day before the event. On the buyback announcement day, the excess return of the stock reaches maximum, after that a downtrend has a positive value until the 6th day after the announcement.

The observed trend shows that before the announcement the stock price has declined steadily, confirming the hypothesis of shares undervaluation at buyback announcement date. Reaching maximum on the announcement day, price returns to its original level.

The trend of the abnormal returns at buyback commencement dates repeats the trend of the abnormal returns at buyback announcement dates, although in general the magnitude of the abnormal returns at buyback commencement dates is lower than at the announcement dates. In the period from 3 to 1 day before the event, the excess return becomes negative, at the date of the event abnormal returns reaches its maximum, and the next day after the event it becomes negative.

The excess return for buyback completed dates has two peak position: 3 days before the event and 2 days after the event. However, in the day of the event the excess return is negative. After the 4th day of completed event the excess return becomes negative.

According to paid dividends dates, the excess return is consistently negative, which makes buyback procedure more attractive.

The dynamics of abnormal returns allows to draw the following conclusions:

1. The peak level of abnormal returns and therefore shares price falls on the day of buyback announcement in the media. Positive excess returns persist until the sixth day after the event. The same result follows from the analysis of the abnormal returns of each analyzed companies separately, namely, 9 out of 16 companies show positive excess return in the

day of an event, in other days more than 50% of the surveyed companies demonstrate a negative excess return of stock.

Время	t-10	t-9	t-8	t-7	t-6	t-5	t-4	t-3	t-2	t-1	t	t+1	t+2	t+3	t+4	t+5	t+6	t+7	t+8	t+9	t+10
Анонс																					
+	10	8	8	8	7	8	5	7	7	6	9	5	5	6	7	8	7	6	7	5	4
-	6	8	8	8	9	8	11	9	9	10	7	11	11	10	9	8	9	10	9	11	12

The conclusion suggests that the market has an instant reaction on the appearing information, and the cumulative positive effect holds about six days. In this case, three days before the buyback announcement abnormal returns were negative. Therefore, signal theory of buybacks is confirmed by Russian data.

2. The level of abnormal returns of buyback commencement dates is maximum at the event day. This is also illustrated by the analysis of the individual abnormal returns of each analyzed company: 11 out of 16 companies have a positive excess return in buyback commencement date.

Время	t-10	t-9	t-8	t-7	t-6	t-5	t-4	t-3	t-2	t-1	t	t+1	t+2	t+3	t+4	t+5	t+6	t+7	t+8	t+9	t+10
Начало																					
+	7	6	5	6	7	8	6	6	5	5	11	4	4	6	7	7	6	5	6	5	3
-	9	10	11	10	9	8	10	10	11	11	5	12	12	10	9	9	10	11	10	11	13

3. The level of abnormal returns upon completion of the redemption procedure reaches its peak on the second day after the completion of the repurchase and dropping below zero after the fourth day from the date of buyback completion. The analysis of the individual abnormal returns showed that 8 and 9 of the 16 researched companies show a positive market reaction to the event in the period from 3 days before the event until 4 days after the event.

Время	t-10	t-9	t-8	t-7	t-6	t-5	t-4	t-3	t-2	t-1	t	t+1	t+2	t+3	t+4	t+5	t+6	t+7	t+8	t+9	t+10
Завершение																					
+	8	7	10	9	9	7	7	10	8	9	8	9	8	9	8	7	7	8	6	6	6
-	8	9	6	7	7	9	9	6	8	7	8	7	8	7	8	9	9	8	10	10	10

The presented result confirms the previously mentioned hypothesis that the majority of Russian companies during the buyback are mainly interested in financial performance following the repurchase, than in the signaling of

undervaluing its shares. So 86 % of the reported transactions were completed.

4. Opposite to buyback results, the excess return from taking a decision on dividends payment is consistently negative. This means that on average only 4 out of 11 companies (36% of all companies) show a positive excess return, that puts share repurchase in a more advantageous position.

Время	t-10	t-9	t-8	t-7	t-6	t-5	t-4	t-3	t-2	t-1	t	t+1	t+2	t+3	t+4	t+5	t+6	t+7	t+8	t+9	t+10
Дивиденды																					
+	5	4	5	5	5	6	5	4	5	5	5	5	5	3	2	3	2	3	2	5	5
-	6	7	6	6	6	5	6	7	6	6	6	6	6	8	9	8	9	8	9	6	6

References

1. Federal Law of 26.12.1995 № 208-FZ (ed. From 7.3.2016, the "On Joint Stock Companies" (rev. And ext., Joined. Into force on 09.01.2016, the) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (date accessed: 28.09.2017).
2. Zadorozhna A.N. Practice repurchase shares of Russian companies. Financial analytics: problems and solutions. 2016. Number 42 (324). S. 13-26.
3. Kuzmichev K.E. Repurchase shares of Russian companies Study. Questions of the new economy. 2012. № 4 (24). S. 20-24.
4. Sibova N.M. Practice buyback. economic systems management: an electronic scientific journal. Number 2013. 4 (52). C.3.
5. Solopchenko A.V. Reverse repurchase of shares of Russian joint stock companies as a cost management tool: the legislative aspect. Young scientist. 2016. Number 15 (119). Pp 319.
6. Zheleznova I.V. Motives for repurchase of shares of Russian companies. Economics and Management: Problems and Solutions. 2016. № 4. P. 195-204.

7. Ponomareva S.V., Zheleznova I.V. The features of the share repurchase in Russian companies. Vestnik of Perm national research polytechnic university. Socio-economic science. 2017. № 2. P. 165-178.

8. Grullon G., Michaely, R. Dividends, Repurchases, and the Substitution Hypothesis // Journal of Finance, 2002, pgs. 1649-1684.

9. Hua Yang. A Re-examination of Stock Repurchase in USA // Doctor of Philosophy. Old Dominion University, August 2010.

10. Event Study Methodology [Electronic resource] – access Mode to article: <https://eventstudymetrics.com/index.php/event-study-methodology> (date accessed: 28.09.2017).

11. Financial news: articles, assessment, analysis of the global financial market, currency rates and stock quotes in real time [Electronic resource] – access Mode to article: <http://www.finanz.ru/aktsii/realnom-vremeni-spisok/RTS> (date accessed: 28.09.2017).

UDC 332.146.2

Zhenzhebir V.N. Improving the competitiveness of products and development of export potential of agribusiness

Повышение конкурентоспособности продукции и развитие экспортного потенциала АПК

Zhenzhebir Viacheslav Nikolaevich,
Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Department of
Management, state and municipal management
Moscow state University
technology and management. K. G. Razumovsky (PKU)

Женжебир Вячеслав Николаевич,
Доктор педагогических наук, профессор кафедры «Менеджмента,
государственного и муниципального управления»,
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

Аннотация. В работе рассмотрены рыночные направления повышения конкурентоспособности продукции и развитие экспортного потенциала АПК. Дана общая характеристика машиностроительного комплекса, рассмотрено производство машин и оборудования

Ключевые слова: организация, механизмы, функции, рынок, машиностроительный комплекс, производство, машины, оборудование.

Abstract. The paper discusses the market trends of development of machine-building complex in the modern conditions. A General characteristic of machine-building complex, considered manufacture of machinery and equipment.

Keywords: organization, mechanisms, functions, market, machine building, manufacturing, machinery, equipment.

Агропромышленный комплекс (АПК) - это совокупность отраслей экономики, включая сельское хозяйство и отрасли промышленности, тесно связанные с аграрным сектором, осуществляющие производство средств аграрного производства, производство, переработку, упаковку, транспортировку, заготовку,

хранение сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а также доведение этой продукции до конечного потребителя[1].

Можно смело утверждать, что агропромышленный комплекс производит жизненно важную для общества продукцию, кроме того, в нем сосредоточен огромный экономический потенциал, что делает АПК важнейшей составной частью экономики. Следовательно, развитие агропромышленного комплекса, в значительной мере, определяет состояние всего народнохозяйственного потенциала, уровень продовольственной безопасности государства и социально-экономическую обстановку в обществе[2].

Сельское хозяйство является важнейшим звеном агропромышленного комплекса. Оно по праву занимает особое место не только в агропромышленном комплексе, но и во всем народном хозяйстве, так как спрос населения на товары народного потребления примерно на 75 % покрывается за счет сельского хозяйства. Другими словами, чем выше эффективность функционирования сельского хозяйства, тем стабильнее экономика страны в целом[3].

Развитие сельского хозяйства призвано решить, прежде всего, проблему восстановления продовольственной независимости страны. Перспективное значение аграрной сферы для экономики определяется тем, что по качеству сельскохозяйственных земель РФ занимает первое место в мире. Важную роль играют сельскохозяйственное производство и вся сельская инфраструктура при хозяйственном и социальном освоении огромных территорий, природных богатств[4].

Приоритетным направлением развития сельского хозяйства становится интенсификация производства на основе модернизации производственно-технической базы и внедрения достижений научно-технического прогресса. Необходимо обеспечить переход на новые

технологии, способные снизить производственную нагрузку на природную среду. Системно-комплексное переоснащение отрасли высокопроизводительными машинами и агрегатами нового поколения обеспечит значительный рост производительности труда и экономию материальных ресурсов, что будет способствовать сохранению биологического равновесия[5].

Предусматриваются новые подходы к социальному развитию села. В стратегическом плане село рассматривается не только как агропромышленная сфера, но и как социально-территориальная подсистема, выполняющая широкий спектр народнохозяйственных функций (демографических, культурных, рекреационных, природоохранных и др.)[6].

Главная цель развития перерабатывающей промышленности – более полное и надежное обеспечение населения продуктами питания и достижение рациональных норм потребления, рост экспорта продукции, укрепление продовольственной безопасности[7].

Развитие перерабатывающей промышленности должно быть ориентировано на полное удовлетворение потребности населения страны в продуктах питания и увеличение экспортного потенциала, снижение издержек, повышение эффективности производства на основе внедрения ресурсосберегающих технологий, комплексного использования материально-сырьевых ресурсов[8].

В ближайшей перспективе необходимо: повысить уровень самообеспечения сахаром, маслом растительным, улучшить структуру питания населения за счет увеличения производства и потребления белковых продуктов (мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, рыбы и рыбопродуктов), а также овощей, фруктов, растительного масла[9].

Вместе с тем начавшийся кризис в мировой продовольственной системе и неутешительные прогнозы на ближайшую перспективу вызывают необходимость принятия дополнительных, более радикальных мер по защите населения страны от потрясений в мировой экономике[10].

РФ имеет значительные возможности экспорта сельскохозяйственной продукции. Уже в настоящее время агропромышленный комплекс входит в четверку составляющих национальной экономики, на которые приходится 70% товарного экспорта страны. Поэтому развитие экспортного потенциала АПК РФ должно стать главным элементом государственной структурной политики[11].

Успеха можно достичь только в случае ориентации АПК и его предприятий на выпуск тех видов конкурентоспособной продукции, которые смогут найти свои "ниши" на внешних рынках. Важность экспорта как главного источника притока валюты и фактора стимулирования отечественного производства - это очевидный постулат. Таким образом, проблема повышения конкурентоспособности продукции приобретает особенной актуальности в связи с активным развитием внешнеэкономической деятельности в АПК РФ и активизацией участия нашего государства в мировых интеграционных процессах[12].

В современных условиях глобализации реализация ресурсного потенциала АПК, достижение в полной мере выгод от мировой торговли требуют как повышения эффективности сельскохозяйственного производства, обновления его материально-технической базы, оптимизации производственных процессов, так и формирования соответствующего организационно-экономического

механизма нормирования его конкурентоспособного экспортного потенциала[13].

Факторы, определяющие эффективность агропромышленного комплекса, подразделяются на две группы: внешние и внутренние. К внешним факторам относятся факторы, не зависящие от хозяйственной деятельности предприятия, такие как кредитование, ценообразование, налогообложение, субсидирование, инфляционные процессы, аграрное законодательство и др. К внутренним факторам относится урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность животных, себестоимость продукции, специализация, технология и организация производства и т. д. Эффективность сельскохозяйственного производства во многом зависит от факторов первой группы[14].

Следовательно, говорить об уровне экономической эффективности можно только при условии отлаженного экономического механизма в целом. Остановимся более подробно на одном из составляющих первой группы факторов, а именно на субсидировании. Данный выбор обусловлен существенными отличиями сельскохозяйственного производства от других секторов экономики и заключается в том, что сельское хозяйство менее эффективно по сравнению с ними[15].

Это объясняется тем, что вложенный в него капитал приносит меньшую прибыль, и поэтому сельское хозяйство не в состоянии на равных, по сравнению с промышленностью, участвовать в межотраслевой конкуренции без внешней поддержки[16].

Кроме того, в силу своих особенностей сельское хозяйство не в состоянии оперативно реагировать на изменения рынка. При повышении спроса на сельхозпродукцию хозяйства не могут быстро отреагировать на изменения рынка и увеличить выпуск продукции, так

как существует ряд ограничений по увеличению темпов роста сельхозпроизводства. Нельзя быстро увеличить площадь обрабатываемых земель, даже при условии увеличения инвестиций[17].

Также не возможен мгновенный рост поголовья скота, особенно маточкою, который связан с довольно длительным сроком выращивания. Ситуация аналогична и при падении спроса на продукцию сельского хозяйства. Так, например, невозможно сократить площади и производство сельскохозяйственных культур, если уже произведены посевные работы, без ущерба для хозяйства[18].

Или существенно сократить производство молока и мяса без сокращения поголовья скота. Следовательно, сельскохозяйственное производство сможет отреагировать на изменения рынка только через определенный промежуток времени. Кроме того, из-за описанных особенностей сельское хозяйство теряет привлекательность для инвесторов[19].

Сезонный характер производства и высокая фондоемкость: зависимость от природно-климатических условий: нестабильность в получении доходов; неэластичность спроса на многие продукты сельского хозяйства; разница во времени между произведенными затратами и получением продукции и другие особенности приводят к неконкурентоспособности отраслей АПК. Указанные особенности сельского хозяйства еще раз подтверждают необходимость постоянного вмешательства и поддержки государства[20].

Результаты государственной поддержки проявляются в повышении рентабельности, продуктивности, эффективности сельского хозяйства. Действующая политика государственной

поддержки снижает конкурентоспособность сельского хозяйства. Чтобы правильно понять происходящее в аграрном секторе, нужно различить понятия "агропромышленный комплекс" и "сельское хозяйство". С точки зрения рынка, агропромышленный комплекс состоит из производства сельскохозяйственного сырья и предприятий, его перерабатывающих[21].

Между тем экономические возможности аграрного сектора РФ используются не полностью, а проведенные экономические реформы не обеспечили решение проблем связанных с ключевыми задачами правительства[22]:

развитие инфраструктуры рынка, наращивание производства и повышение экспортной конкурентоспособности продукции аграрного сектора[23];

формирование целостной системы финансово-кредитного обеспечения АПК, прозрачных механизмов функционирования ипотечного рынка и страхования рисков в сельском хозяйстве[24];

создание условий для развития социальной сферы села;

переоснащение аграрного сектора, активизация по научному обеспечению и техническому перевооружению аграрного сектора[25];

экономическое стимулирование производства конкурентоспособной продукции в наиболее благоприятных природно-климатических зонах и наращивание экспортного потенциала[26].

Нынешнее положение, в котором находится сельское хозяйство, не обеспечивает конкурентоспособности и эффективности использования экспортного потенциала отрасли. Основные причины, повлекшие за собой кризисное состояние аграрного сектора экономики[27]:

недооценка властными структурами мирового опыта в отношении необходимости начинать перестройку с сельского хозяйства как приоритетного и наиболее важного сектора экономики РФ[28];

отсутствием эффективных структур хозяйствования;

высокий уровень монополизации предприятий, особенно в таких отраслях как сельскохозяйственное машиностроение, перерабатывающая и топливная промышленности[29];

отсутствие приоритетного внимания к вопросу инновационного развития, без которого любая страна обречена на неизбежное отставание[30];

нарушение эквивалентного сбалансированного межотраслевого обмена между промышленностью и сельским хозяйством[31];

недостаточная наукоемкость продукции экспортно-ориентированных отраслей[32];

непривлекательность инвестиционного климата, обусловленная макроэкономической нестабильностью, что привело к недостаточной обеспеченности аграрного сектора высокоэффективной техникой и т.д.[33].

В РФ накоплен большой аналитический материал о причинах кризиса в аграрном секторе и путях выхода из него. Несомненно, процесс изменений заключается, прежде всего, в поэтапном осуществлении стратегически сориентированной новой государственной аграрной политики. От эффективности ее проведения зависят действенность экспортного потенциала, продолжительность процесса интегрирования в общеевропейскую сельскохозяйственную политику, создание новых рыночных условий для отечественного

товаропроизводителя, конкурентоспособность продовольственного сектора РФ[34].

В 1990-2008 гг. аграрная политика была направлена на рыночную трансформацию аграрного сектора, остановку аграрного кризиса и стабилизацию сельскохозяйственного производства. Новая аграрная политика должна иметь интеграционное направление, обусловленное вступлением РФ в ВТО. Применение такой системы в РФ - необходимое условие обеспечения конкурентоспособности отечественного аграрного сектора на европейском рынке. Однако система государственной поддержки и регулирования сельского хозяйства в РФ отстает от европейских стандартов[35].

В тоже время, начиная с 2002 г., расходы Государственного бюджета РФ на поддержание аграрного сектора постоянно увеличиваются и составляют 5-6% бюджетных расходов. Поэтому справедливо и то, что государственная поддержка отрасли является достаточно весомой, исходя из возможностей государственного бюджета. Логично встает вопрос: почему такие существенные различия между нуждами отрасли и возможностями государства. Основная причина этого - деформированная структура государственной помощи отрасли[36].

В РФ деформировано соотношение государственной поддержки производителей и отрасли в целом (финансирование развития инфраструктуры, аграрного образования, науки и т.п.). Финансирование общих услуг отрасли в пять раз превышает государственную поддержку производителей. В ЕС государственное финансирование общих услуг отрасли составляет лишь 10% государственной поддержки фермеров, в США - 45, в России 50%[37].

Балансировка всех составных частей государственной поддержки аграрного сектора РФ в международном сравнении дает возможность сделать два принципиально важных вывода: ценовая поддержка аграрных производителей в РФ очень существенна (45%), что в значительной степени обесценивает общую государственную поддержку отрасли[38].

В ЕС и России ценовая поддержка производителей, напротив, позитивна и очень существенна (50%); бюджетная поддержка аграрных производителей в РФ в структуре их общей поддержки фактически приводит к чрезмерной нагрузке на бюджет страны. В ЕС бюджетная поддержка не превышает 50% общей поддержки отрасли[39].

Отсюда очевидны два приоритетных направления новой аграрной политики на ближайшую перспективу:

усовершенствование ценовой политики, которая восстановила бы паритетность цен и обеспечила позитивную ценовую поддержку сельскохозяйственных производителей[40];

усовершенствование бюджетной поддержки аграрного сектора. В обоих направлениях систему государственной поддержки необходимо усовершенствовать в направлении приведения в соответствии к требованиям ВТО[41].

Таким образом, новая аграрная политика РФ должна обеспечить адаптацию системы государственной поддержки и регулирования сельского хозяйства к стандартам ВТО, прежде всего в сфере ценообразования и бюджетного финансирования[42].

Для усовершенствования ценовой политики в последнее время было много предложений, большая часть которых сводилась к государственному регулированию цен на сельскохозяйственную продукцию, в том числе установлении параметров цен (минимальных,

средних, максимальных). Однако это не рыночный способ решения проблемы, а скорее вынужденное реагирование на ее обострение. Преодоление ценового диспаритета возможно за счет усовершенствования рыночных отношений, обеспечения прозрачности аграрного рынка. Именно из-за непрозрачности аграрного рынка в настоящее время наблюдается вакханалия с ценами. Есть многочисленные факты, когда одну и ту же продукцию разные предприятия в одной области, и даже в одном районе, продают по ценам, которые колеблются в 2-3 раза, в то время как в мировой практике допустимым считается отклонение на 10-20% [43].

В РФ практически не применяются рыночные механизмы прозрачного рынка. Часть сельскохозяйственной продукции, которая продается через биржи, колеблется в пределах 1-3%, тогда как она должна составлять не меньше 10%, как это практикуется в странах с цивилизованным рынком. Такие прогрессивные методы биржевой торговли как форвардные, фьючерсные и опционные контракты, ярмарочные торги в системе оптовой торговли сельскохозяйственной продукцией составляют мизерную часть [44].

Прямые контракты (между сельскохозяйственными и перерабатывающими предприятиями) не благоприятствуют прозрачности рынка и объективности цен, а, наоборот, используются как рычаги давления на аграриев со стороны региональных монополистов-переработчиков. Поэтому возможности усовершенствования ценовой политики в аграрном секторе путем существенного улучшения рыночных отношений очень большие [45].

Усовершенствование бюджетной политики по отношению к селу требует постепенного ограничения государственной поддержки от производства и направления ее на общее развитие сельской

территории. Дело в том, что механизм стимулирования производства (дотации на единицу площади, поголовья животных или продукции) создает новые проблемы: увеличение производства продукции вызывает снижение цен на нее, а дальше - необходимость ценовой поддержки производителей. Так уже было не раз в мировой практике, в том числе и в РФ, а именно в зерновом секторе, в 2004 и 2008 гг., когда из-за стимулирования увеличения производства в результате снизились цены[46].

Без большого потребительского спроса, организованного рынка и системы экспорта продукции любое стимулирование ее производства в РФ оборачивается снижением цен и необходимостью компенсации потерь аграриям. Кроме того, поддержка производства имеет те же недостатки, что и поддержка цен: неравномерность по подотраслям производства и видам продукции, по предприятиям, а также по регионам, районам и годам. Поэтому в ЕС более эффективной признана поддержка развития сельской территории[47].

Экспортный потенциал АПК РФ используется еще очень слабо, либерализация внешней торговли сельскохозяйственной продукцией не подкреплена стимулированием ее экспорта. Как следствие, аграрный сектор недостаточно интегрирован в мировой продовольственный рынок. Об этом свидетельствует маленькая часть экспорта в валовой продукции отрасли, которая составляет 12%, тогда как в Польше и Венгрии этот показатель равен 25%, а в Германии - свыше 50%[48].

В значительной степени это обусловлено низкой конкурентоспособностью отечественной сельскохозяйственной продукции по сравнению с продукцией других стран-экспортеров[49].

Среди основных элементов, которые обуславливают конкурентоспособность аграрной продукции, можно выделить следующие факторы: качество, расходы производства и цена реализации. В свою очередь они зависят от влияния ряда других факторов, которые формируют качественные преимущества продукции и индивидуальный уровень расходов товаропроизводителя. Таким образом, обеспечение конкурентоспособности и повышение ее уровня является многофакторным явлением[50].

Особенности АПК таковы, что сегодня не менее 90% сельскохозяйственного сырья подвергается промышленной переработке. Доля чистой продукции сельского хозяйства не превышает 10—15% стоимости конечного продовольствия, а остальная ее часть создается в несельскохозяйственных секторах[51].

В развитых странах мира наблюдается схожая тенденция, причем именно от перерабатывающих предприятий зависит функционирование сельского хозяйства и рациональное использование его продукции[52].

Перерабатывающие предприятия являются более конкурентоспособными на мировых рынках, чем сырьевые производства. Перерабатывающий сектор в РФ — это сложившийся конкурентный рынок. У нас насчитываются сотни предприятий пищевой переработки, которые активно борются за рынок. Сельское хозяйство же — более монолитно и менее обеспокоено рынком сбыта[53].

Конкуренция между предприятиями сектора отсутствует, поскольку зачастую продукция, выращиваемая сельскохозяйственной отраслью, если не покупается перерабатывающими предприятиями и торговыми посредниками, то скупается государством[54].

Сельское хозяйство РФ является технически и технологически отсталым. Следовательно, чего точно нельзя допустить — так это того, чтобы государственная поддержка консервировала данное состояние[55].

РФ превратило сельское хозяйство в одно из главных направлений социальной поддержки населения, и вывело его за рамки политики экономического роста. Государство относится к сельскому хозяйству как к заведомо убыточной деятельности. Но бизнес в сельском хозяйстве может давать большую прибыль. Есть немало примеров успешных предприятий[56].

Однако их отличительными характеристиками являются наличие частных инвестиций и новые технологии производства и управления. Эти хозяйства появляются как успешная частная инициатива, но не как прямое следствие государственной поддержки. В Европейском Союзе субсидии ориентированы на развитие, у нас - на консервацию отсталости[57].

Инвестиции представляют собой долгосрочные вложения на приобретение основных фондов и оборотных средств в процессе хозяйственной деятельности. Следовательно, инвестиции это не только вложения в расширение основных фондов, но и затраты на пополнение и формирование оборотных средств и предприятий. Долгосрочные вложения капитала в объекты хозяйственной деятельности оправданы только тогда, когда они способствуют получению прибыли и достигается социальный эффект. Рынок инвестиций означает формирование затрат в основные и оборотные средства путем капитальных и финансовых вложений[58].

Прямые инвестиции являются основным фактором повышения эффективности использования капитала, поэтому на предприятиях им

уделяют особое внимание. Основная цель современной инвестиционной политики – перевод экономики на интенсивный путь развития с последующим сокращением затрат на экстенсивный рост производственного потенциала и увеличение вложений в интенсификацию использования уже задействованных основных производственных фондов[59].

Прямые (реальные) инвестиции, или капитальные вложения – это реальные вложения в основной капитал (основные фонды) и на прирост материально-производственных средств, в том числе затраты на новое строительство, на расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий АПК, приобретение машин, оборудования, проектно-изыскательские работы и другие затраты[60].

Формирование инвестиций в сельское хозяйство осуществляется на экономической основе с учетом быстроты возврата вложенных средств. А это возможно лишь при условии увеличения производства высококачественной продукции и снижения ее себестоимости[61].

Инвестиции прямо связаны с получением дополнительного чистого дохода и с сокращением срока окупаемости вложений. Чем меньше срок окупаемости, тем больше стимулов к инвестициям, так как при длительном возврате средств вследствие инвестиционных процессов происходит обесценивание затраченных ресурсов. Кроме того, полученный чистый доход от производства продукции может быть вложен в новое производство[62].

Капитальные вложения определяют развитие материально-технической базы предприятия, они необходимы для увеличения производственных мощностей, ускорения темпов научно-технического прогресса, служат фактором усиления независимости хозяйствующих

субъектов в условиях рынка. Роль капитальных вложений определяется следующими моментами: они являются главным фактором создания основных фондов, реконструкции и расширения предприятий; осуществляют регулирование пропорций и темпов развития основных фондов[63].

В этих условиях особое место уделяют показателям, характеризующим эффективность вложений в производство. В имеющейся литературе существует достаточно много показателей, однако наиболее главным из них является коэффициент эффективности капитальных вложений, который выражает отношение полученной прибыли (или экономии) капитальных вложений к сумме капитальных вложений[64].

На основе этого коэффициента строится инвестиционная политика предприятий и отраслей сельского хозяйства, определяющая наиболее приоритетные направления капитальных вложений. Приоритетным направлением для инвестирования капитальных вложений в отрасли сельского хозяйства является производство и переработка продукции, которая невозможна без механизации, химизации и других процессов, требующих крупных инвестиций[65].

Капитальные вложения – главный источник создания орудий труда, большей части предметов труда, разработки и внедрения принципиально новых технологических процессов, совершенствования организации труда, внедрения средств механизации и автоматизации производства, изготовления и применения быстропереналаживаемой технологической оснастки, нестандартного оборудования, а, следовательно, повышения технического уровня предприятия и качества выпускаемой продукции[66].

Капитальные вложения позволяют предприятиям АПК развивать производство, увеличивать выпуск продукции, пользующейся спросом, сертифицировать ее и выходить на международный рынок. На рост или снижение удельного веса отдельных сельскохозяйственных культур и их групп влияют следующие факторы: объем капитальных вложений на приобретение специализированной сельскохозяйственной техники; объем инвестиций на капитальный ремонт отдельных видов основных средств; отдача капитальных вложений по видам техники; обеспеченность требуемых объемов инвестиций источниками; изменения в структуре рационов кормления сельскохозяйственных животных и др.[67].

Экономический кризис, затронувший все отрасли агропромышленного комплекса России, наиболее серьезно проявился в инвестиционной политике. Разрыв связей в сфере производства и распределения материально-технических ресурсов, потеря координации и отсутствие рыночной инфраструктуры, а также усилившийся диспаритет цен на продукции сельского хозяйства и товары и услуги, поставляемые промышленностью, создали практически невозможным эффективное развитие сельского хозяйства без соответствующих дополнительных капитальных вложений в отрасль[68].

Аграрным предприятиям не хватает современной сельскохозяйственной техники. Изношенность сельскохозяйственных машин велика. Но у предприятий отрасли нет денег на ее обновление, а существующая система кредитования не приспособлена к финансированию развития сельхозсектора[69].

Все, что сейчас есть у сельскохозяйственных предприятий, — это урожай будущего года; другая собственность с высокой залоговой

стоимостью практически отсутствует. А кредиты на развитие требуют многолетнего срока погашения. Следует отметить, что государство не ставило задачу создания условий для долгосрочного кредитования сельскохозяйственных предприятий[70].

И аграрии, и правительство всегда были ориентированы на обеспечение текущих посевной и уборочной; отсюда и появилась схема кредитования под будущий урожай. В настоящее время в РФ основная доля бюджетных расходов на АПК приходится на поддержку текущей деятельности хозяйств. Такая структура поддержки резко отличается от практики подавляющего большинства членов ЕС, где значительная доля затрат на сельское хозяйство приходится на развитие и поддержку рыночной инфраструктуры, аграрной науки и служб консалтинга и внедрения. А в РФ при отсутствии реструктуризации хозяйств бюджетная поддержка попросту "проедается"[71]. Поэтому необходима переориентация программ бюджетной поддержки с текущей на долгосрочную поддержку сельского хозяйства. Приостановление инвестиционного процесса в сельском хозяйстве РФ, возникшее из-за дефицита средств в начале девяностых годов прошлого столетия обусловило катастрофическое уменьшение объемов основных производственных фондов[72].

Темпы ежегодного списания изношенной техники в несколько раз превышают темпы ее обновления, вследствие чего нагрузки на машины увеличиваются более чем в три раза. Это приводит к значительному увеличению сроков выполнения полевых работ, потерям урожая и значительному увеличению себестоимости продукции, и как следствие к снижению эффективности аграрного производства[73].

Ныне организация аграрного бизнеса и рынка на РФ не соответствует мировой практике расширенного воспроизводства. При этом современное состояние государственного регулирования аграрного рынка не адекватно экономическим реалиям - сельское хозяйство, как отмечалось утратило покупательскую способность. Его техническое оснащение достигло критических норм[74]. Поэтому, при нынешних условиях рынок материально- технических ресурсов должен формироваться в условиях поддержания доходности и платежеспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей и создания единой схемы финансирования процесса формирования необходимого количества средств, ресурсов и услуг для АПК[75].

Проблема повышения качества, а следовательно, повышения конкурентоспособности, предусматривает решение таких задач: усовершенствование системы технико-технологического обеспечения зернового производства; применение новых ресурсосберегающих технологий выращивания, хранения и переработки зерна; своевременное проведение агротехнических мер; осуществление контроля за качеством на всех этапах производства и сбыта продукции; развитие селекции и семеноводства[76].

В системе АПК меняется характер социально-экономических отношений, выдвигая на первый план развитие частных форм хозяйствования и агробизнеса, основанного на предпринимательской деятельности всех хозяйствующих субъектов. Агробизнес предопределяет развитие производства, сфер переработки, хранения, транспортировки и доведения до конечного потребителя сельскохозяйственной продукции. Агробизнес является основным структурообразующим фактором АПК, поддерживает высококонкурентный характер экономических отношений в условиях

рынка. Развитие агробизнеса затрагивает интересы обеспечения продовольственной безопасности страны и социального благополучия ее граждан[77].

Рыночные реформы сельского хозяйства российской экономики не обеспечили необходимые институциональные изменения и модернизацию производительных сил, адекватные современной модели национального сельского хозяйства, что во многом обусловлено недооценкой роли агробизнеса как специфической формы координации развития АПК. Развитие агробизнеса должно служить плацдармом для таких процессов как развитие экономики в целом, разных форм собственности, совершенствование агропродовольственной политики, укрепление позиций АПК России на мировых рынках[78].

В целом конкуренция пока остается на довольно низком уровне, в значительной степени это объясняется недостаточным уровнем производства отечественной продукции. Ввиду того, что Россия обладает сравнительными преимуществами в производстве многих видов продукции, следует говорить о низком уровне развития локальных рынков, другими словами рынки еще не достигли того развития, когда конкуренция между производителями приобретает необходимую остроту[79].

Решение основных задач по формированию эффективной рыночной среды должно проходить одновременно с расширением возможностей доступа сельхозпроизводителей к рыночной информации, отсутствие которой свидетельствует об изоляции предприятий от внешней среды[80].

Основой межотраслевых связей сельского хозяйства с другими сферами АПК является общественное разделение и кооперация труда[81].

Таким образом, синтез сельского хозяйства и промышленности стал необходимым, во-первых, из-за разрыва, который возник в результате общественного разделения труда, а во-вторых, на основе материальных предпосылок, которые сделали этот союз действенным[82].

Следовательно, рост производства и экспорта при имеющихся стоимостных соотношениях не позволил сельскохозйственным товаропроизводителям провести технико-технологическое обновление производства, которое способствовало бы повышению производительности производства, переходу его на новый технологический уровень. При природных преимуществах аграрного производства несовершенство российского аграрного рынка привело к двойным потерям от реализации по ценам, не отвечающим эффективным параметрам воспроизводства ресурсного потенциала отрасли[83].

Поэтому для обеспечения ценовой конкурентоспособности продукции показатель себестоимости как базовая величина должен снижаться за счет рациональной внутрихозйственной специализации и концентрации, научно-обоснованного использования производственных ресурсов, соблюдения технологии производства продукции, повышения производительности труда.

Также повышение конкурентоспособности продукции, учитывая опыт США, должно быть связано с развитием крупных товарных сельскохозйственных предприятий.

Для исключения коммерческих посредников, которые контролируют экспортные товаропотоки и основные доходы от реализации продукции на внешних рынках в РФ необходимо строить государственную кооперативную политику, которая должна быть направлена на усовершенствование организации сельскохозяйственного производства, повышение его экономической эффективности, конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках.

Успешная реализация мер по повышению конкурентоспособности продукции создаст благоприятные условия для развития экспортного потенциала АПК и вступления РФ в интеграционные процессы мировой экономики.

References

1. Аналитический инструментарий стратегического менеджмента. Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017
2. Инновационный менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2018
3. Менеджмент Филатов В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Фадеев А.С. и др., Издательство: ЗАО "Университетская книга", Курск, 2017
4. Управленческое консультирование: менеджмент-консалтинг. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Дорофеев А.Ю., Долгова В.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Положенцева И.В., Лочан С.А., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Курск, 2017.
5. Менеджмент традиционные и современные модели. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Долгова В.Н., Дорофеев

А.Ю., Женжебир В.Н., Кобиашвили Н.А., Князев В.В., Лочан С.А., Медведев В.М., Минайченкова Е.И., Мухина Т.Н., Петросян Д.С., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Шестов А.В. Справочник / Москва, 2017

6. Филатов В.В. Методология формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы. Монография / Москва, 2016.

7. Методология управления экономической интеграцией и концентрацией на примере организации вертикально - интегрированного холдинга. Филатов В.В., Алексеев А.Е., Диброва Ж.Н., Денисов М.А., Трифонов Р.Н., Медведев В.М., Фадеев А.С., Князев В.В., Женжебир В.Н., Пшава Т.С., Галицкий Ю.А., Борисова Т.А., Подлесная Л.В., Шестов А.В. Курск, 2016.

8. Филатов В.В. Методологические модели формирования и регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы пищевой промышленности. Монография / Москва, 2016.

9. Методология ценообразования инновационных проектов и научно- исследовательских работ, выполняемых по госзаказу органов исполнительной власти. Алексеев А.Е., Галицкий Ю.А., Женжебир В.Н., Дорофеев А.Ю., Денисов М.А., Маёрина Е.С., Положенцева И.В., Фадеев А.С. Коллективная монография / Москва, 2016.

10. Совершенствование стратегического управления предприятия на основе ситуационного анализа и сбалансированной системы показателей. Филатов В.В., Диброва Ж.Н., Медведев В.М., Женжебир В.Н., Князев В.В., Кобулов Б.А., Паластина И.П., Положенцева И.В., Кобиашвили Н.А., Фадеев А.С., Шестов А.В. Коллективная монография / Москва, 2015.

11. Управление хозяйственными связями предприятия с поставщиками и потребителями. Филатов В.В., Медведев В.М., Князев

В.В., Фадеев А.С., Женжебир В.Н., Галицкий Ю.А., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В., Подлесная Л.В. Москва, 2015.

12. Научно-техническое развитие как инновационный фактор экономического роста. Ашальян Л.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Медведев В.М., Паластина И.П., Положенцева И.В., Пшава Т.С., Фадеев А.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Коллективная монография / Москва, 2014.

13. Роль международных платежных систем в экономике России. Филатов В.В., Трифонов Р.Н., Положенцева И.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Шестов А.В. Коллективная монография. / Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Москва, 2014.

14. Региональные аспекты управления ипотечными кредитными рынками в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Филатов В.В., Князев В.В., Кобулов Б.А., Колосова Г.М., Шестов А.В. Москва, 2014.

15. Управление лицензионной деятельностью: вопросы теории и практики. Ашальян Л.Н., Дадугин М.В., Диброва Ж.Н., Женжебир В.Н., Колосова Г.М., Пшава Т.С., Филатов В.В., Филатов А.В. Москва, 2013.

16. Филатов В.В., Шестов А.В. Современные тенденции развития отраслей легкой промышленности: региональный, стратегический, инновационный аспект. Москва, 2013.

17. Филатов В.В. Концептуальные вопросы активизации инновационной деятельности в Российской Федерации. Москва, 2013.

18. Проблемы фирмирования инновационной экономики. Баранников А.А., Бузу О.В., Гусар С.А., Дорофеев А.Ю., Михайлушкин

П.В., Ноздрин В.В., Сафаргалиев М.Ф., Соколов С.Н., Филатов В.В., Чабанюк О.В., Черкасов М.Н., Чернов С.С. Под общей редакцией С.С. Чернова. Новосибирск, 2012.

19. Филатов В.В. Управление инновационными рисками. Учебно-методический комплекс дисциплины. Направление подготовки магистров: 080200.68 – "Общий и стратегический менеджмент" / Курск, 2012.

20. Инновационный менеджмент. Филатов В.В., Кобулов Б.А., Положенцева И.В. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2011.

21. Филатов В.В. Управление государственной инновационной политикой РФ с учетом влияния глобализации на структурную экономику России на современном этапе. Монография; М-во образования и науки РФ, ФБГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Менеджмента", Каф. "Менеджмента". Москва, 2011.

22. Филатов В.В. Региональные аспекты управления инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов СНГ в условиях экономической нестабильности. Монография; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО "Московский гос. ун-т технологий и упр. им. К. Г. Разумовского", Ин-т "Экономики и бизнеса", Каф. "Менеджмента". Москва, 2010.

23. Государственное и муниципальное управление. Филатов В.В., Долгова В.Н., Деева В.А., Князев В.В., Бачурин А.П., Медведева Т.Ю., Паластина И.П., Положенцева И.В., Женжебир В.Н. Учебное пособие с тестовыми заданиями, с грифом УМО / Москва, 2010.

24. Филатов В.В. Управление венчурным капиталом, инновационным предпринимательством и трансфером инновационных

технологий в региональных экономических системах РФ. Монография; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономика, бизнеса и права", Каф. "менеджмента". Москва, 2009.

25. Филатов В.В. Управление инновационной деятельностью хозяйствующих субъектов РФ, инновационными инфраструктурами и экономическим развитием региональных систем. Монография; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО Московский гос. ун-т технологий и упр. (МГУТУ), Ин-т "Экономики, бизнеса и права", Каф. "Менеджмента". Москва, 2008.

26. Теоретические основы проектирования систем менеджмента производственных предприятий в условиях экономической нестабильности. Филатов В.В., Дорофеев А.Ю., Деева В.А., Князев В.В., Кобулов Б.А., Кобиашвили Н.А., Мухина Т.Н., Паластина И.П., Руденко О.Е., Осинская Т.В. Москва, 2008.

27. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Аварский Н.Д. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

28. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального федерального округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И., Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

29. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10.

С. 8-11.

30. Конкурентоспособные отечественные технологии в реализации научно-технической политики развития АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 11. С. 11-16.

31. Рост сельскохозяйственного производства как фактор устойчивого развития пищевой промышленности и продовольственного рынка России. Иванова В.И., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 2. С. 8-11.

32. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Новосельцева А.В. Пищевая промышленность. 2016. № 4. С. 40-43.

33. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

34. Стимулирование экспорта агропродовольственной продукции - ключ к экономическому росту российского АПК. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Геращенко И.В. Пищевая промышленность. 2016. № 6. С. 28-33

35. The development of specialized storage facilities close to the producer as a prerequisite for the effective operation of a national network of wholesale distribution centers of agricultural products. Ivanova V.N., Grubyj V.A., Pizengolts V.M., Saurenko T.N. Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-1 (77-1). С. 1049-1051

36. Инновационные технологии для развития пищевой и перерабатывающей промышленности. Аксенова Л.М., Андреев Н.Р.,

Белозеров Г.А., Горлов И.Ф., Егорова М.И., Иванова В.Н., Косован А.П., Лисицын А.Н., Лисицын А.Б., Мелешкина Е.П., Мокшанцева И.В., Никифорова Т.А., Оганесянц Л.А., Петров А.Н., Поляков В.А., Свириденко Ю.Я., Симоненко С.В., Харитонов Д.В. МГУТУ имени К.Г.Разумовского (ПКУ). Москва, 2015.

37. Реализация агропродовольственной политики ЕАЭС - платформа для решения продовольственной безопасности. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Байгот М.С. Пищевая промышленность. 2015. № 10. С. 8-11.

38. Агропромышленный комплекс ЦФО: проблемы экономического роста. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 5. С. 8-13.

39. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Пищевая промышленность. 2015. № 7. С. 8-14.

40. Новые возможности решения продовольственной проблемы в условиях евразийской интеграции. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Сахар. 2015. № 1. С. 14-20.

41. Зоны свободной торговли - основной вектор расширения внешней торговли ЕАЭС. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Сахар. 2015. № 12. С. 15-19.

42. Рост производства продукции АПК и ценовая конъюнктура на продовольственном рынке: в поисках компромисса. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 4. С. 26-34.

43. Новые возможности роста производства продукции АПК России в условиях санкций. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Гринько В.С. Сахар. 2015. № 7. С. 13-20.

44. Формирование современной инфраструктуры агропродовольственного рынка: проблемы выбора направлений развития. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Семин Д.В. Сахар. 2015. № 9. С. 15-22.

45. Евразийская интеграция: новый формат взаимодействия для решения проблемы продовольственного обеспечения. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 3. С. 5-11.

46. Развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Переработка молока. 2015. № 11 (194). С. 40-42

47. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 10 (154). С. 78-80.

48. Малое предпринимательство в системе инфраструктуры агропродовольственного рынка. Иванова В.Н., Серёгин С.Н. Мясные технологии. 2015. № 9 (153). С. 68-73.

49. Иванова В.Н. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России. Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 23. С. 5-10.

50. Партнерство субъектов АПК и сферы образования. инновации в управлении. Иванова В.Н., Девяткина Т.В. Москва, 2014.

51. Механизмы повышения эффективности отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности Центрального Федерального Округа. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Атюкова О.К., Никифоров-Никишин А.Л., Иванов С.А., Язев Г.В., Никитин И.А., Валентинова Н.И., Могильный М.П., Смирнов В.Г., Славянский А.А., Битус Е.И.,

Грубый В.А., Пизенгольц В.М., Сауренко Т.Н. Москва, 2016.

52. Производство, переработка, и хранение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: цели и задачи, основные приоритеты развития. Иванова В.Н., Серегин С.Н., Аварский Н.Д. Пищевая промышленность. 2017. № 1. С. 8-12.

53. Новые ориентиры государственной политики по повышению конкурентоспособности АПК России. Иванова В.Н., Серёгин С.Н., Джабаев Ю.А. Пищевая промышленность. 2016. № 10. С. 8-11.

54. Риски в АПК. Факторы непроизводственной инфраструктуры. Иванова В.Н., Беглова Н.В. Москва, 2014

55. Пищевая промышленность России: проблемы развития. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Пищевая промышленность. 2014. № 10. С. 20.

56. Инновации: потенциал экономического роста для импортозамещения на рынке продовольствия. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Пищевая промышленность. 2014. № 11. С. 12-16.

57. Реструктуризация продовольственного комплекса. Иванова В., Гончаров В. Экономист. 2014. № 3. С. 52.

58. Повышать эффективность использования энергетических ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. АПК: Экономика, управление. 2012. № 7. С. 24-29.

59. Повышение качества пищевой продукции - ключевой приоритет реализации государственной политики Российской Федерации в области здорового питания. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 8-14.

60. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика и управление. 2012. № 11. С. 55.

61. Основные пути и методы снижения рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономические науки. 2012. № 96. С. 55-59.

62. Методические подходы к оценке экономических рисков в АПК. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Вопросы экономики и права. 2012. № 46. С. 95-99.

63. Формирование рациональной структуры трудовых ресурсов в АПК России. Иванова В.Н., Гончаров В.Д. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2012. № 4. С. 20.

64. Язев Г.В. Совершенствование государственной поддержки развития производственной структуры АПК РФ. Монография. Москва, 2017. С.192

65. Инновационное развитие рыбной промышленности Орловской области. Язев Г.В., Зайнутдинов И.А. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 31-39.

66. Векторы повышения продуктивности молочной отрасли в Орловской области. Язев Г.В., Здир О.В. В сборнике: Инновационное развитие АПК Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2017. С. 40-51.

67. Язев Г.В. Направления совершенствования государственной поддержки мясной промышленности России. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 136-140.

68. Язев Г.В. Тенденции развития производства рыбы и продуктов переработки в региональных комплексах. Международные научные исследования. 2017. № 2 (31). С. 273-278.

69. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного

опыта. В сборнике: Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-117.

70. Язев Г.В. Возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. В сборнике: Материалы и методы инновационных исследований и разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 197-202.

71. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. В сборнике: Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 278-282.

72. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. В сборнике: Наука и инновации в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 91-95.

73. Язев Г.В. возможности оптимизации производственной структуры рыбной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2016. № 134. С. 105-108.

74. Язев Г.В. Российская сахарная отрасль: проблемы и перспективы развития. Экономические науки. 2016. № 137. С. 82-85.

75. Язев Г.В. Проблемы обеспечения экспорта масличных культур в современном российском АПК. Экономические науки. 2016. № 143. С. 43-45.

76. Язев Г.В. Ориентиры совершенствования государственной поддержки мясной отрасли АПК РФ. Экономические науки. 2015. № 133. С. 65-68.

77. Язев Г.В. Государственная поддержка зерновой отрасли АПК РФ: ключевые проблемы и возможности адаптации зарубежного

опыта. Вопросы экономики и права. 2015. № 89. С. 145-150.

78. Язев Г.В. Возможности адаптации зарубежного опыта для оптимизации развития молочной отрасли АПК РФ. Вопросы экономики и права. 2015. № 90. С. 99-102.

79. Воронина М.В., Филатов В.В. Экономическое регулирование инновационно- инвестиционных процессов в АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 2. С. 81-91.

80. Филатов В.В., Воронина М.В. Анализ современных тенденций, способствующих реализации инновационной модели развития АПК. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 1. С. 67-73.

81. Пшава Т.С. Организационно- экономические проблемы инновационного развития АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

82. Фадеев А.С. Влияние инновационной и промышленной политики на развитие отраслей машиностроительного комплекса. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

83. Филатов В.В. Организационно- экономические вопросы структурной перестройки промышленности и АПК. Сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.- практ. фор. «International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation», Boston, USA: Smashword, Inc., 2017

SECTION 2. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 316.776

Babkova O. M. Philosophical ideas of Alexander Bogdanov in the formation of modern society

Babkova Oksana Mikhailovna

Postgraduate student of the department social sciences and tourism,
Nizhnevartovsk State University

Scientific adviser:

Gutova S. G. PhD, Associate Professor Nizhnevartovsk State University

Abstract. The article deals with topical issues related to solving the main philosophical problems of modern society. The purpose of this study is to reveal the significance of Alexander Bogdanov's ideas for the development of modern culture. Russia. The paper analyzes the ideas of the formation of a new human type in the philosophical legacy of Bogdanov.

Keywords: proletarian culture, new man, Russian culture, state, problems of society, specialization

In culture of modern society, are shown numerous and very inconsistent tendencies. On the one hand destructive, crisis tendencies, helping full submission of Russian culture to standards of the western civilization. On the other hand progressive tendency, fed by ideas of patriotism, collectivism, social justice. Due to the rather long period of the crisis in the cultural space that Russia experienced at the end of the 20th century, most of the problems still need to be solved in the state cultural policy. For example, the weak effectiveness of the actions of the authorities at all levels is noteworthy: the lack of support for reforms, the declaration of development goals that have no real embodiment, the preservation of the principle of "residual" attention in relation to culture, the deterioration of the position of cultural institutions and the state of cultural heritage. "It is obvious today that the development of culture is not directly related to

economic, legal or purely applied research, is not only not mandatory, not necessary, but even burdensome, i.e. "Superfluous" for society "[5, p.1096].

Possibility of "free" cultural development on the basis of low cultural requirements of general enough population, leads to the despiritualization growth, promotion of violence and, as a result — to rise in crime. At the same time, the difference between elite and mass forms of culture, between the youth environment and the senior generation continues to go deep. Therefore in recent years philosophers, politicians turn the looks to theoretical heritage of last historical eras more fixedly. Under review get ideas of different thinkers, the great interest causes also Bogdanov's creative heritage.

Objective of this research is to reveal value of ideas of Alexander Bogdanov for development of modern culture.

At the end of XX – the beginning of the XXI centuries, the understanding of creativity of Bogdanov (1873 — 1928) — the philosopher, the psychologist, the economist, the writer, the scientist-naturalist, in essence, only begins. The complete works of the philosopher don't exist, in recent years are republished his separate works, but after all there are not enough modern publications devoted to the analysis of philosophical works of Bogdanov.

Meanwhile there remains interest to heritage of the thinker. Bogdanov's International institute which task is studying and promotion of his works, understanding of world view of Bogdanov as a whole, his philosophical ideas and views is created. A.A. Bogdanov — one of those Russian Marxists who seriously dealt not only with issues of a social reorganization of society, but also a problem of increase of cultural level of the proletariat. For this purpose he set forward the concept of proletarian culture, and tried to realize it, even before October revolution. Together with

outstanding persons A.M. Gorky and A.V. Lunacharsky, he prepared "The encyclopedia for studying of Russia" (1908) and schools for workers were organized. Bogdanov was convinced that the proletariat is capable to create independent culture, to make the internal cultural revolution in a capitalism subsoil, "socialistically transforming itself in order then to transform all mankind" [1:98]. Bogdanov set forward ideas of democratization of scientific knowledge on the basis of creation of the workers' encyclopedia, the organization of workers' universities, developments of the proletarian art got by spirit of a labor collectivism and friendly cooperation. The purpose of new culture — formation of "new human type, harmonious - complete, free from the former narrowness created by crushing of the person in specialization, free from individual isolation of will and the feeling, created by economic separation and fight. The new culture is born from old, studies at it" [1:99]. For example, concerning questions of an art form, Bogdanov specified that most of all to problems of arising proletarian art correspond simplicity, clarity, purity of forms of the Russian classics of the XIX century. "We had great masters — he wrote — who are worthy to be the first teachers of forms of art for a great class" [2:101].

Despite some discrepancy of the purposes, and doctrine consequences, the concept of culture of A. Bogdanov has much in common with various latest technocratic concepts of culture [3:89]. "Technological optimism" of Bogdanov, being a basis of his concept of culture — is deification of free work of the new person. In novels "Red Star", "Engineer Mannie" the philosopher shows that the technical progress, which author is the proletariat, has to lead to elimination of everything that separates people. Process of stratification of society on classes will stop, and the new stage in the history of mankind, a stage of harmonious development and formation of new

human relations will begin. The picture of the similar relations also was reproduced by the thinker in his novels [4].

A.A.Bogdanov doesn't accept to the end neither idealistic, nor the Marxist concept of culture: in the first — he doesn't agree with culture isolation from social reality, purely spiritual treatment of its creativity; in the second — doesn't accept originality of cultural functions deprived of creative force. Remaining the materialist and the adherent of proletarian ideology, Bogdanov builds the version of the concept of culture [6].

The prime target to which the culture serves, he claims— is universal transformation of all life, proceeding from its ideal of optimum expediency of the organization of Whole . "The culture covers all sum of acquisitions, material and non-material — A.A.Bogdanov writes — which are created by mankind in the course of work and which ennoble, improve its life, giving it the power over the spontaneous nature and over by itself". The culture is "the highest way of the organization" [2:112]. Therefore, to the concept "culture" are applicable value criteria the basis for which is organization level forms , - "all usual human estimates from the point of view of good, beauty, truth... have one general basis: all of them represent organizational estimates. Behind their organized form... there is the question of level of social and vital organization" [2:114].

Irrespective of criticism of bases of an empiriomonizm and the thesis about a cultural autonomy of the proletariat, it should be noted that a number of provisions, statements and Bogdanov's remarks has a certain value. His reasonings on inevitability of deleting of distinctions between intellectual and physical work, about influence of automation of production on formation of the identity of the proletarian of the future are that. The concept of system approach to all set of human activity deserves also attention, than the

scientist anticipated some ideas of cybernetics what has a certain value as well in the field of culture.

Irrespective of criticism of bases of an empiriomonizm and the thesis about a cultural autonomy of the proletariat, it should be noted that a number of provisions, statements and Bogdanov's remarks has a certain value. His reasonings on inevitability of deleting of distinctions between intellectual and physical work, about influence of automation of production on formation of the identity of the proletarian of the future are that. The concept of system approach to all set of human activity deserves also attention, than the scientist anticipated some ideas of cybernetics what has a certain value as well in the field of culture. Besides the destiny of the Bogdanov's doctrine represents considerable value, as some kind of caution since visually shows consequences of the simplified vision of problems of culture as, for example, standardization of behavior of members of collective, absolutization of class nature of culture, the negative relation to a cultural heritage, etc. [2].

The philosopher showed a constructive role of proletarian culture, creative process and especially the personality, urging to approach to it from creative positions. At the heart of his theory of proletarian culture lies the optimistic idea . Its purpose – collecting of forces for the sake of bright future of society, not destruction and not annihilation, but continuity of culture of generations, creativity, and for today, this purpose didn't lose the relevance.

Bogdanov, in his philosophical installations, was thirsty for reorganization of the world on a rational basis, for the purpose of harmonization of the human relations, opening the creative potential of the person. From here comes practical orientation of his philosophical system that often served as a fertile field for the birth of welfare utopias. The philosopher supported creation of the new culture based on traditions of the Russian national culture, democratism and freedom of creativity.

Thus, Bogdanov and his followers saw in the culture not only means, but also the purpose — a perfect form of the organization. Though it belonged only to proletarian culture. At the same time, the subject of culture was presented, as function of general need, only class -concretized. The subsequent practice showed, how utopian ideas of special cultural opportunities of working class are . It appeared that class specifics can touch only certain, most ideologized spheres of culture whereas in moral, esthetic, religious, art, scientific life the culture settles down on the "universal — personal" axis.

References

1. Богданов А. А. О пролетарской культуре (1904-1924). Л.,М.: Книга. 1924. – 344 с.
2. Богданов А. А. Культурная программа // Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М: Политиздат, 1990. – 354 с.
3. Богданов А. А. Новый мир: вопросы социализма. М: КомКнига 2010. – 136 с.
4. Богданов А. Красная звезда: Роман - М: ТЕРРА - Книжный клуб, СПб. : Северо-Запад, 2009. - 224 с.
5. Гутова С.Г. О Будущем отечественной духовной культуры // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-5. С. 1096-1100.
6. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В.. М "философия": СЛОВО; Eksmo, 2003. 672 с.

UDC 114

Ermakova L., Sukhovskaya D. Factors of the destructive impact of urban creative spaces on the formation of an individual's value-based orientations¹

Ermakova Larisa Ivanovna

Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Historical and Socio-philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University"

Sukhovskaya Daria Nikolaevna

Ph.D., Senior lecturer at the Chair of Historical and Socio-philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University"

Let us turn to the examination of the factors of the destructive impact of urban creative spaces on the formation of an individual's value-based orientations:

1. The formation of the values of symbolic consumption. The urban creative spaces promote the formation in an individual of a new type of consciousness and the life-purpose strategy - symbolic consumption. Symbolic consumption is a social institute characterized by the active collective behavior, symbolic consumption is a form of the presentation of an individual to others by means of the consumption of sign-things or pseudo-signs (simulacra) (attributes of prestige, status, fashion).

The creative space is capable of forming in people's behavior, especially young people, a habit and a taste for things, for everything that can become an object of consumption. The need for things in the actors of

¹ The publication is prepared within the research project № 16-33-00035 backed up by the Russian Foundation for Basic Research

creative spaces becomes so strong that it is difficult to satisfy it only through purchases and use of various useful or useless things. The need for consumption takes a mental, emotional rather than physical form – one can consume visual images, emotions, impressions, feelings. The young people’s environment gives rise to the practice of the formation of their image and lifestyle through state-of-the-art technologies when it is much simpler to create an image through some gadgets, intellectual equipment rather than through eccentric clothes, make-up, hair-style accessories. In their turn gadgets enable one to visually consume a wide circle of images and information, from the incessant ascertainment of what is going on in the Twitter to consuming oneself through a “selfie”.

The axiological orientations communicated in the creative spaces, often targeted at the growth of interest of its participants in the acquisition of this or other good, the attraction of interest and popularization of purchasing via the Internet, the demonstrations of the attributes of fashion and prestige assume the status of the highest social and moral value, turning into the principle of the social system, predetermining sociogenesis and mythologizing itself. A highly promoted priority of consumer values transforms the existential characteristics of an individual in the creative space and subsequently in the society: consumption becomes the form of the presentation oneself to others, an individual is what and how she/he consumes. The living space both of an individual and of the society as a whole is built by consumption. On the whole while exercising progressive influence on the life of modern society, consumption simultaneously becomes the cause of its numerous dysfunctions. All this makes the philosophical interpretation of the consumer society and the main directions of its development in creative spaces topical and practically sought after. It seems that the socio-philosophical discourse of this problem may serve as a

theoretical basis for the development of the ways of correcting deviations and dysfunctions of the consumer society.

2. The formation of the values of common-sense existence and mass forms of self-expression. The formation of the urbanistic type of social reality in the creative space of a modern town is provoked by considerable development of the means of mass communication. The market of mass consumption goods, including works of art, has broadened. Thanks to the cinema and television, the role of the visual side of communication realized on the territory of creative spaces has considerably grown. The scientific and technical progress and the active development of the means of mass communication have considerably determined the rise and proliferation of the mass forms of self-expression in the creative spaces of a settlement – the primitive ones, intended to cater to the taste of the undemanding public, to the formation of common-sense psychology. Mass forms of self-expression on the territory of creative spaces exercised influence on the formation of a depersonalized individual – the exponent of mass consciousness.

The modern stage of the development of the creative environment of the space of a settlement is characterized by its oversaturation with the universal forms of communication which emphasize the lack of its individual forms. In the sphere of interpersonal relations conditioned by urbanization there takes place the transformation of personal friendly interrelationships into formal, “communication avoidance” (the opportunity not to communicate with anyone for a long time), the substitution of personal contacts for a telephone call, de-personification of a psychological contact in the conditions of mass communication.

3. The formation of the values of the narcissist individual orientation. The creative urban spaces in their interaction with the means of virtual communication, games, social networks and other technologies by mid-2000

had formed such a phenomenon as “new sociality”, or “new collectiveness”. Unlike the social diagnoses of the 1990s, people (in their own state of consciousness) are no longer automated and divided, on the contrary, they see themselves as a big single family with their like-minded members. Unlike the TV generation, they have already got used to the interactive environment - they themselves create content in the Internet, publish their texts, opinions, videos, present their own viewpoint on the territory of a creative space. The creative space after the technology boom has become not just a field for self-realization of millions but in, addition, “a multiplier of narcissism” [1]. “Cultural narcissism works as a resonating self-spun system – the narcissus-type individuals look for ways “to promote” themselves, and social platforms provoke narcissistic behavior even for the most modest”, - write American researchers G. M. Twenge and W. K. Campbell in their work “The Narcissism Epidemic” [2]. The success of web-technologies is the capitalization of the need to be famous and adored and above all - the need to be conspicuous.

4. The formation of the values of the indirect depersonalized communicative interaction. In modern society the essence of communication, thanks to technical devices, is dramatically shifting from direct, based on the personal experience, to indirect. Thus the computer that has entered the substantive work of a human being, is changing the style of inter-personal communication that takes a utilitarian form, loses emotions, moreover an individual quite often develops a machine-based type of communication with other people. Today such type of interpersonal communication assumes mass proportions, thus ousting the individual forms of the traditional type of communication. The problem is most typical of the overpopulated settlements and the working creative spaces operating on their territories, and, namely, the co-working and loft zones. The working spaces

permeated by communication networks considerably reduce the number of personalized contacts even among its own actors [3].

As a result one can draw the following conclusions: the environment of the creative spaces of urban settlements exercise controversial influence on the process of personality formation, as it creates conditions for the development of the types dissimilar in their value-based preferences. The creative environment of an urban space makes possible the formation of the type with a pro-active attitude as well as the type de-personalized type with common-sense psychology. Thus, on the one hand, the creative space of a settlement offers the broadest opportunities for the development, of an individual, his value-based orientations, creates a universal culture of the present time, on the other hand, a creative space is unable to find a final solution to the problem of group communication. Speaking about the effects of the various growth in the impact of urban creative spaces on an individual and the extension of his space-time borders in a modern residential environment, the scholars distinguish between several essential types of the effects of the impact of creative spaces on people. Such effects are: on the one hand, the increase in the opportunities for an individual's self-actualization in the sphere of creative work, that is the improvement of knowledge, development of an artistic taste, refinement of the moral aspects of the relations, on the other hand, there is a growing concern about the poor quality of the information field of creative spaces resulting in a person's psychological tension and de-humanization of an individual's values. The authors believe that the modern urban environment of creative spaces can promote the proliferation of the mass forms of social behavior that determine the direction of an individual's value-based orientations toward entertainment and pleasures hereby determining the formation in the society of the hedonistic personality type as prevalent.

References

1. Datchenko S.A. Narcissism in the age of information-communication technologies. Philosophical problems of natural science and technical science. Transactions of the international scientific conference. Rostov-on-Don, 2014, pp. 342-345;
2. Twenge J.M., Campbell W.K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. US, 2010.
3. Ermakova L.I., Sukhovskaya D.N. Creative city and creative spaces of its social body: analysis of United States creative spaces (based on the materials of New York co-working zones) // Modern Science: scientific publications journal. – № 8 (August) / Scientific-information publishing center “Strategic Studies Institute”. Moscow, 2016. – pp. 54-56.

UDC 130.2

Khoruzhaya S.V., Salchinkina A.R. Crisis dynamics of culture in the "time of troubles"

Кризисная динамика культуры в «смутное время»

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna,

Doctor of Philosophy, Docent

Professor at the Department of History and Politogy

Salchinkina Angelina Rostislavovna,

PhD in Historical sciences

Associate Professor at the Department of History and Politogy

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Хоружая Светлана Владимировна,

доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии

Салчинкина Ангелина Ростиславовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии

Кубанский государственный аграрный университет

имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье анализируется характер и направленность общественного развития, в частности в периоды «смутного времени», на основе целостного социокультурного подхода. Определяются дефиниции, позволяющими исследовать динамику культуры в период так называемого «смутного времени».

Ключевые слова: кризис культуры, кризисная динамика культуры, социокультурное развитие, социокультурная деградация, смутное время.

Abstract. The article analyzes the nature and direction of social development, in particular during the "time of troubles" on the basis of a holistic socio-cultural approach. Define the definition, which allows to investigate the dynamics of culture during the so-called "time of troubles".

Keywords: the crisis of culture, crisis dynamics of culture, sociocultural development, sociocultural degradation, the time of troubles.

Стремление понять истоки трансформаций, происходящих в глобализирующемся мире, их воздействие на человека, его сознание, особенно в периоды обострения социальных катаклизмов – одна из самых актуальных проблем современной гуманитаристики. Но, несмотря на

исследования многих ученых в различных областях знаний, становится все более очевидным, что современная социокультурная ситуация часто порождает вопросы, на которые в современной науке нет однозначных ответов. А на фоне глобализации, когда для поддержания социокультурного равновесия в обществе провозглашаются основы толерантности в XXI в., способствующей формированию лишь наиболее простых, общих представлений о добре и зле, возникает ситуация нового культурного кризиса, формирующего иную грань социального риска.

Эти процессы потребовали в том числе и философского анализа, который привел к введению в философский дискурс новых понятий и парадигм. Необходимо отметить, что многие из этих понятий «завуалировали» проблему направленности развития. Речь идет о таких терминах, как «трансформация», «транзитивные процессы», «страх» и т.п. Объяснить это можно отказом от прогрессистской модели общественного развития и с действительным «многополюсным» существованием современного социума, что делает проблематичным реальность восходящей линии его развития. На наш взгляд, все процессы изменения состоят из разноуровневых событий, которые условно могут быть подразделены на три категории:

- 1) события, оказывающие влияние на смену состояний лишь в суммарном выражении (пороговые);
- 2) события, не влияющие на характер изменений (допороговые);
- 3) события, имеющие решающее значения в процессах изменения (сверхпороговыми).

Это приводит к тому, что в огромном потоке данных статистического и социологического характера практически невозможно увидеть действительные тенденции, приводящие

общество в новое состояние и отвечающие на вопрос: какова же качественная направленность изменения культуры и ментальности?

Сегодняшнее понимание социокультурного развития и истории определяется парадигмой, методологическим подходом, которые сформировались в предыдущем историческом этапе. Используются сформировавшиеся давно и принявшие стереотипический характер инструменты мышления, образы, понятия, термины и логические приёмы. Исторического развитие в модернистском сознании воспринимается как прогрессивное с элементами регресса индустриального общества. Марксистская концепция мирового исторического развития имеет фаталистически-религиозный оттенок, выражающийся в едином знаменателе всех историко-национальных и культурных особенностей развития в виде коммунистической формация. Классическая теория модернизации для различных цивилизаций и культур нашла новый единый знаменатель – индустриальное общество западного типа. Возникает прогрессивистский фатализм, сочетающий в себе равнодушие к уникальному историческому событию в рассуждениях об общественно-экономических формациях, их неуклонном поступательном движении.

В обществе в условиях «смутности» может возникнуть и стать доминирующим особый тип мышления и сознания - «деградирующий» или «кризисный». «История показывает, что при деграционных процессах возникают различные формы взаимодействия социального и культурного. И если в одних ситуациях главенствуют социальные явления, то в других приоритетными становятся такие взаимопревращения культурных феноменов, которые способствуют изменению в худшую сторону статуса человека, понижению его в

социальной системе связей, потере моральных установок и норм, возникновению уже на уровне общества застоя во всех сферах жизни, расширению влияния маргинальных форм культуры и архаизации как предельной формы деградации общества и культуры» [1, с. 194]. Фиксация возникновения и существования данного социокультурного феномена является одной из приоритетных задач философско-культурологической и социокультурной науки, ибо в данных периодах» смутности» и происходят динамические сдвиги, определяющие прогрессивный или регрессивный путь развития.

Аналитики и социологии указывают на опасно высокий уровень деградирующего сознания в современной России, в том числе и в тех социальных группах, которые призваны обеспечивать модернизацию общества – чиновники, бюрократия, представители бизнеса, интеллигенции, силовых ведомств. Задача данного исследования состоит в том, чтобы не просто зафиксировать негативные социокультурные процессы в современном российском или западном обществе, но и определить их внутренний культурный механизм, описать особый тип смысловой организации, характерный для кризисного сознания.

Понятие «смутное время», возникшее в начале XVII века как объяснение социально-политических событий, в последующем стало использоваться при изучении процессов, связанных с кризисными периодами российской истории. «Смута» регулярно повторяется в том или ином виде и всегда связана с абсолютной непредсказуемостью разрешения исторических противоречий. Можно назвать этот период пограничным, так он содержит в себе и деградацию существующих устойчивых форм социальной культурной жизни и возникновение новых альтернативных форм. Нельзя выстроить четкую внутреннюю

классификацию «смутного времени», это время не поддаётся жёсткому анализу, оно крайне неопределённо, размыто. Методы причинно-следственного анализа, успешно применяющиеся в исследовании устойчивого социума, в отношении «смутного времени» не действует, ибо сознание участников исторических процессов становится «смутным», иначе говоря, иррационализируется. При этом одним из важнейших характеристик Смутного времени является отказ от традиции, которая носит легитимизирующий для данного социума характер [2, с. 96 - 99].

Российское общество начала XXI века обогащено опытом социальной трансформации, преодоления всевозможных кризисов и «смуты». Для нас важно зафиксировать кризисную динамику как целостного явления, связанного с понижением уровня структурированности, развитости социокультурной системы или отдельных её элементов. Основной методологической проблемой в данном контексте оказывается формирование междисциплинарного подхода к определению понятий, характеризующих кризисные и деграционные процессы.

Существует множество подходов к изучению процессов социокультурной деградации, разрушения личности и социума - статистический, историко-описательный, медицинский, психологический, социологический, политологический, юридический, философский и другие. Но в целостном виде изучение проблемы деградации в современной научной литературе не представлено, хотя в мировой и российской науке собрана огромная база информации по вопросам суицида, алкоголизации, наркотизации, проституции, преступности. Эта огромная эмпирическая база подтверждает необходимость междисциплинарного подхода к избранной теме.

В последние десятилетия в российской культурологии активно шел процесс сбора и описания данных, показывающих кризисную динамику происходящих в нашей стране процессов [3, с. 108]. Терминологически культуролог или социолог, фиксируя различные проявления те или иные виды деструкции социального и культурного, пользовался инструментарием, присущим его науке. Философы, культурологи, социологи, историки использовали для описания результатов своих наблюдений термины, которые более соответствовали их исследовательским задачам («архаизация», «деструкция», «саморазрушение», «регресс», «атипичное поведение», «социокультурная дегенерация», «распад», «социальная патология» и т.д.). Для выработки общих принципов современного социокультурного развития России, формулировок гипотез и футурологических прогнозов необходим унифицированный, адекватный глоссарий и именно эта проблема становится в центре культурологического дискурса, поскольку основываясь на «до-дефиниционном знании» сделать это невозможно.

Исходя из идей П. Сорокина, М. Вебера, Р. Мертон, Р. Элиаса, рассматривающих процесс аналитического исследования через целостность, «социальную совокупность», соединённую воедино миром культуры и не существующую вне человека, её актуального и активного носителя, мы видим проблему смысловой деградации в связи с проблемой девиантности как диалектическое единство, взаимосвязь и взаимообусловленность причины и следствия. Действительно, медики и психологи показали, что у людей, регулярно употребляющих наркотики, у алкоголиков и т.п. резко снижается трудовой, духовно-нравственный, интеллектуальный и творческий потенциал. Трудовая деятельность, учеба и выполнение своих

семейных функций становится для них бременем, они уже не могут стать для общества ни защитниками, ни созидателями, ни хранителями культурного наследия.

Мы исходим из того, что взаимосвязанные понятия «кризис», «катастрофа» и «деградация» одновременно тождественны и различаются. Катастрофа воспринимается на уровне субъекта как нечто внешнее, внезапное и разрушающее образ жизни человека. Деградация представляет собой своеобразный «накопительный» процесс, когда количественные изменения, в ходе которых происходит деструкция в социальной, смысловой, ценностной сферах, образе жизни, экономической ситуации и т.д. постепенно приводят к социокультурной катастрофе. Деградационные процессы менее заметны для самих участников этих процессов, хотя они содержат в себе все потенциальные возможности катастрофы. Гибель государства как катастрофа социокультурного института не возникает внезапно, она всегда «подготовлена» длительными деградационными процессами, происходящими во всех сферах жизни общества. Поэтому социокультурный смысл катастрофы не может быть определен только внезапностью. Но в любом случае катастрофа означает деграцию условий, дезорганизацию жизни людей и даже их гибель. Она может быть определена как разрушительное изменение в жизни отдельных людей, групп, обществ, всего человечества, ухудшающее положение данного субъекта, вплоть до гибельных для него последствий. Она может быть представлена и через понятие «дезорганизация». В этом случае катастрофой можно назвать резкую дезорганизацию образа жизни, жизнедеятельности субъекта, включая угрозу его существованию [4, с. 62].

Таким образом, между понятиями «кризис» и «деградация» существует момент тождества, но, одновременно, и элемент содержательного различия. Кризис выступает необходимым периодом в развитии, когда происходит переход от одного качественного состояния к другому, разрушение старого и возникновение нового. Деградация неизбежно сопровождает кризис, однако её всеобщая распространенность может привести к движению вспять и регрессу.

References

1. Хоружая, С.В. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве / С.В. Хоружая, А.Р. Салчинкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5. – С.194 – 196.
2. Аверьянов, В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского / В.В. Аверьянов // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С.96 – 99.
3. Хоружая, С.В. Кризисная динамика смыслов культуры / С.В. Хоружая // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – №2. – С.108 –114.
4. Матвеева, С.Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С.Я. Матвеева, В.Э. Шляпентох. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 179 с.

UDC 31

Kurbanova E. The influence of media evolution on International public relations

Kurbanova Elvina

Student, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Scientific adviser

Novoselova Olga

Senior lecturer of the department of
integrated mass communications and branding,
The Institute of Public Administration and Entrepreneurship,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.
N. Yeltsin

Abstract. Modern technologies change the conditions for international communications every day. This article considers the development of international public relations, the emergence of the first international PR-campaigns, new trends and changes in international PR. A specialist in public relations must constantly develop, seek new creative solutions for his work. The global network opens huge horizons for creativity, and the demanding user requires new and new ideas.

Keywords: international PR, new media, visualization, challenge

As a result of the Internet development the world has become a global community. In this connection, communications began to acquire an international character. The ability to penetrate a complex world community involves some understanding of what people in different countries have in common, but what distinguishes them.

International Public Relations - the area is very complex and specific, it has its own specific characteristics, conditions without which work in this area will not be effective and any, even the most thoughtful PR-campaign, can fail.

International markets evolve rapidly and very often companies struggle to keep up in terms of their strategy. Krishnamurthy Sriramesh (2001) noted that meeting this global demand is not limited to a few large

multinational corporations any more. Much smaller organizations can now compete globally because of communication technologies such as the Internet and satellite communication. Every company or institution are overlooking increased sales, new knowledge and experience and higher profits.

By taking your products or services internationally, you are replicating your business for another set of circumstances, a different locale and culture, with a different market, demands, needs and expectations. Public relations practitioners, working worldwide, should understand cultural, societal and professional differences across cultures in order to implement campaigns with a global reach.

There are significant differences in practicing public relations entirely within one's own country versus across national boundaries (Foster, 1998; Ver_c_i_c, 2003). As Larry Foster (1998) stressed, "Of all the areas of public relations and public affairs, the international sector is the most difficult to manage. It is more complex, more unpredictable, and generates more risk than most domestic-based public relations programs" (p. 1). Nigh and Cochran (1987) added that these "characteristics inherent in the conduct of business across national boundaries" (p. 7) add great complexity in communicating with stakeholders.

The definition given by John Reed (1989), a recipient of the Public Relations Society of America's (PRSA) Atlas Award for lifetime service around the world "International public relations means you do it somewhere else, with audiences different from you cultural, linguistically, geographically (p. 12)" only proves the difficultness of doing public relations worldwide. Especially in the Internet era when everything is developing too fast and new challenges appear. Friedman (2006) explained that these affect "all the businesses, institutions, and nation-states that are now facing the

inevitable, even predictable, changes but lack the leadership, flexibility, and imagination to adapt—not because they are not smart or aware, but because the speed of change is simply overwhelming them” (p. 49).

The rate of change in technology is great. They force specialists to look for new ways of communication. International PR sphere is specific, it is necessary to select content in accordance with the traditions and specificity of each country. But people always try to simplify their lives and first steps in this direction began the company IBM 20 years ago.

PR-campaign "The solution for a small planet" IBM (1994) received full approval. Innovative commercials with actors from different countries and diverse characters - from Czech monks to elderly Parisians who spoke their native language. All the dialogues were accompanied by subtitles.

The creators of the PR campaign argued the idea: «IBM is a global company and we remain united. At the same time, it showed that we have become completely different - capable of me and making vigorous decisions, as was the case with the union, able to move quickly, take risks and take non-standard steps, and also more accessible. The campaign made our brand more human». This campaign was successful because it had an intercultural approach. Videos were not prepared for each country in particular but for all countries at the same time. The difference is only in subtitles.

Following the "Solutions for a small planet", a campaign that gave the term "e-business" started and made IBM the leader of the most important direction in the industry.

PR-campaign then and now. Have they been changed a lot? Certainly. A new generation of people with each year becomes more advanced than the previous one. More and more information flows through us every day.

Changes in societal and cultural practices, in the structure of everyday life and in people's interests and needs, refer to the media users'

side of broader developments. The main drivers here are new cohorts of media users (which refers to differences between consecutive cohorts or generations of media users) and changing societal and cultural contexts (which emphasizes the ways in which the societal and cultural evaluation of digital media is changing—

for example, in the form of pressures to stay connected and to be present on social networking platforms). Social media has already demonstrated the ability to influence such a tool as "by word of mouth" on global networks such as Facebook or Twitter, Youtube. Special mass campaigns, involving participants from different countries in these networks, have recently become relevant and universal for PR professionals working in the international market.

Again, these two factors are obviously interwoven; together they result in changing societal and cultural practices. From a broadly social-constructivist (Berger & Luckmann, 1966) or structuration (Giddens, 1984) perspective, the evolution of patterns of media use is the result not just of what technologies do to people, but also of what individuals, groups, and societies (want to) do with technologies. In this perspective, the relevance and meaning of media and ICTs are continuously negotiated and molded by social actors, in and through their social interactions. Changes in media uses and audience practices must be understood in the context of other societal changes that promote certain technologies and uses rather than others. The rise of more assertive, hedonistic consumers may have privileged qualities of interactivity and choice and, thus, the success of “pull” rather than “push” media, user-generated content, and a bricolage of media input rather than linear media use (Galperin, 2004; see also d’Haenens & Brink, 2001; Lawson-Borders, 2006). Also, new technologies force PR

specialists to penetrate new spheres, master new skills to work in the Internet which generates some kind of cyber-PR work.

One possible conceptualisation applies to cyber-PR a phrase from psychology, ergonomics (and massage) –“dynamic touch”. The idea of communication occurring through the experience of physical touch – “haptics” – is familiar. A dynamic physical touch can convey a range of emotions. But dynamic communicative touch is not limited to the physical. It can be achieved virtually in cyberspace through the creation of experiences – “cyber-haptics” -- stimulating feelings such as connectedness, involvement, appreciation, and meaningfulness that are also available through physical touch. Public relations people may need to design such virtual experiences as a part of building and maintaining relationships with organizations’ modern, mutable, mobile publics, recognizing that “the mobile marketplace merges the virtual and physical marketplaces” (Lindgren et al., 2002, p. 6).

Now users demand more than before they need spectacles. They should be hooked, because there is more information, but less time.

Therefore, increasingly we see in international PR campaigns such tendencies:

1. The themes that are raised during PR campaigns should be common for all countries. Every day people face social problems: alcoholism, smoking, drug abuse, pollution, HIV infection, low birth rate, poverty, social inequality, the list is quite extensive. (Ponomarev N.V, 2008)These problems are common not only in individual countries and in many countries of the world. For example, Ice Bucket Challenge draws the attention of consumers to the disease and the goal is to raise funds for the treatment of patients.

The topic is understandable to any citizen of the planet and is put in such a way as to foster a sense of unity so that the viewer can appreciate and contribute to this event.

2. The second point that characterizes the virtual international projects, is visualization. A well-known fact that through the vision we get from 70-90% of the information. It was found that new generation better perceives the message and content of the information through the static images or videos. It is really effective on many factors: 1) less time watching; 2) bright picture is stored in memory for much longer; 3) eyesight is an organ of senses with which we perceive most of the environmental information.

At this time, we see a trend in the growth of visual communication. This era may be over. 94.4 per cent of the communicators interviewed for the 2017 European Communication Monitor witness a trend from verbal towards visual communication. Seven out of 10 communicators experience rising demand for visual communication from their stakeholders. 89.5 per cent agree that visual communication requires new competencies by practitioners, but only every second believes specific management processes are needed to master the upcoming challenges. (Dejan Verčič&Ansgar Zerfass; 2017).

Looking at the image or human emotions, gestures, movements, people better understand what he/she wants to convey. These primitive methods are available to man, and laid in every childhood, therefore, are effective in the practice of international PR.

3. Most international PR campaigns use the popular media personality, whether it's a fashion blogger or a Hollywood actor. . They represent a kind of tool - opinion leader. Opinion leader acts as a mediator between the brand (product) and the target groups, professional groups where he/she is or which has an impact. Why it is effective to invite well-known stars. Opinion

leaders are more exposed to mass media (as found in Katz, 1957), have greater contact with change agents, have greater social participation, have higher socioeconomic status, and are more innovative compared to their followers in the system (Rogers, 2003).

This method helps to attract followers, increase the publicity and spread the product worldwide.

4. Users demand interesting content. The action in each video is interesting, dynamic, emotional and intriguing. Content should not be simple, it must be filled with emotions (crying, laughter, curse, funny facial expressions, apologies, etc.) and easy to be done by participants from different country. (Ukhova L.V., 2014)

Defining distinctive features of international communication content and the sources of this content dissemination we noticed a kind of value shifts. Thus, this value shifts are challenges to PR sphere as a whole but at the same time they are opportunities for international PR sphere as they contribute to the unification of cultures in the new generation.

As such, shifting technologies, institutions, and uses of media contribute to the socialization of new cohorts of media users, consumers, and citizens with shifting interests and preferences, who represent one more factor in a changing media environment. This leads to new social practices that can be regarded as up to date and appropriate. Thus, by 2017, patterns of media use will have to be interpreted against a background of social practices and meanings that is different than four years earlier. A new survey in 2017 would be based on new cohorts of media users whose (media) socialization will be different from that of the respondents in the 2013 survey.

The world changes every minute, new technologies appear daily, the PR specialist must change, create and generate ideas with the same speed. A

specialist in international PR should monitor not only the technologies, but also the economic, political and social situation in the world. PR-specialist should know the culture, values and traditions of the country in which he works. These conditions greatly complicate the work in the international sphere.

In addition, given the fact that the diffusion process of the Internet is still going on, a new survey that would keep the definition of the relevant population (people 18 years and older who use the Internet) would be based on a different online population. Although this effect is small in those countries that had already reached almost full online coverage in 2013, it will be substantial for those countries where the first survey was based on a sample that represents only about 50% of the population. In as much as the diffusion process is stratified by social position (DiMaggio & Hargittai, 2001) – нет в списке литературы, the composition of the new sample would be quite different from the first sample.

In the end all the factors considered so far interact in a complex process that can be summarized as the societal appropriation of digital media. Compared to a functionalist understanding of media diffusion (Rogers, 2003)-нет в списке литературы, the present analysis gives special attention to the structural and cultural aspects of change: Media use is conditioned by the technical, economic, and political structure of the media system, at a given historical time and in a particular cultural setting. Media use is also anticipated by the interpretations that historically and culturally situated users have of their times, settings, and media. Any work of a public relations specialist in both the international and internal environment with respect on patterns of media use has to reflect these factors of change in order to meaningfully interpret the processes

underlying the empirical observation of changes over time in how people use the media in their everyday lives

References

1. Cochran, p. L., nigh, d. Illegal corporate behavior and the question of moral agency: an empirical examination.//Research in corporate social performance and policy - 1987.
2. d'Haenens & Brink, Guide of methods in media and cultural analysis // London: Hodder Arnold- 2001
3. Dejan Verčič and Ansgar Zerfass. // Monitor. Digital and visual - 2017
4. Everett M. Rogers, Diffusion of Innovations- 2003
5. Foster, I. Atlas award lecture on international public relations. International section monograph, ii. // New york: public relations society of america - 1998.
6. Friedman, t. L. The world is flat: a brief history of the twenty-first century// New york: farrar, straus, and giroux - 2006
7. Giddens Anthony. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. // University of California Press – 1984
8. Jack G. Kaikati, Celebrity Advertising -2015
9. Katz, e. The two-step flow of communication: an up-to-date report on an hypothesis// Political opinion quarterly - 1957 - 21(1) - 61-78.
10. Katz, The two-step flow of communication: an up-to-date report on an hypothesis – 1957
11. Lawson-Borders, Media Organizations and Convergence: Case Studies of Media Convergence Pioneers// Lawrence Erlbaum Associates- 2006

12. Nigh D., & Cochran, P.L, Issues management and the multinational enterprise, *Management International Review* - 1987 -27(1) - 4-12.
13. Paul DiMaggio and Eszter Hargittai, From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use As Penetration Increases-2001
14. [Peter L. Berger Thomas Luckmann](#). *The Social Construction of Reality – A Treatise in the Sociology of Knowledge* // Open Road Media - 1966.
15. Ponomarev N.V., *Public Relations: Socio-Psychological Aspects: Textbook*- 2008.
16. Reed , j. "international media relations: avoid self-blinding,"// *public relations quarterly* (summer) -1989 - 12-15.
17. Rogers, e. M. *Diffusion of innovations*// New york, ny: the free press - 2003.
18. Sriramesh, k. Societal culture and public relations: ethnographic evidence from India. *Public relations review* - 1992 - 18(2) - 201–211.
19. Ukhova L.V., *Effectiveness of advertising text* – 2014
20. Valdivieso, Javier., "Solutions for a small planet: An examination of IBM's global campaign in the context of modern international advertising." *Electronic Theses and Dissertations*. 1996 -3515.
21. Vercic, d. Public relations of movers and shakers: transnational corporations. In k. Sriramesh & d. Vercic (eds.), *the global public relations handbook: theory, research, and practice* - 2003 - pp. 478–489 -

UDC 316.7:316.014

Logunova L.Y. Ethical-subjective school of Russian sociology: subjective method, subjectivity of personality

Этико-субъективная школа русской социологии:
субъективный метод, субъектность личности

Logunova Larissa Y.

Doctor of Philosophy, PhD in Sociology, Associate Professor
Professor of the Chair of Sociology
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

Логунова Лариса Юрьевна

доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент
Профессор кафедры социологических наук
Кемеровский государственный университет (г. Кемерово).

Abstract. Sociologists of the ethical-subjective school outstripped the development of Western European science, anticipating the main theoretical discoveries. Russian sociologists have substantiated an original approach to the study of reality, with a leading tool, the subjective method. Representatives of the subjective school put the person at the center of social development and scientific reflection. The purpose of this article is to study the methodology of the ethical-subjective school, its role in the development of the world social science. The scope of the results of the research is a sociological study of the role of the individual in the modern world and in key historical events. Relying on the techniques of the subjective method, one can study the personality as an object. It is assumed that the personality has the characteristics of self-sufficiency, freedom of choice, is aware of its value and dignity. The relevance of the ideas of the subjective school is confirmed by the importance of modern research in the channel of a qualitative sociological paradigm.

Keywords. Subjective method, sociology of personality, ethical-subjective school, critically thinking person, intelligentsia.

Аннотация. Социологи этико-субъективной школы опередили развитие западноевропейской науки, предвосхитив основные теоретические открытия. Русские социологи обосновали оригинальный подход к исследованию реальности, с ведущим инструментом – субъективным методом. Личность представителями субъективной школы была поставлена в центр общественного развития и научной рефлексии. Представители этико-субъективной школы сформулировали исследовательский принцип моральной ответственности ученого и нравственности науки. Целью данной статьи является исследование

методологии этико-субъективной школы, определение ее роли в развитии мировой социальной науки. Сфера применения результатов исследования – социологическое изучение роли личности в современном мире и в ключевых исторических событиях. Опираясь на техники субъективного метода, можно изучать личность в качестве объекта. При этом предполагается, что личность обладает характеристиками самодостаточности, свободы выбора, осознает свою ценность и достоинство. Актуальность идей субъективной школы подтверждается значимостью современных исследований в русле качественной социологической парадигмы.

Ключевые слова. Субъективный метод, социология личности, этико-субъективная школа, критически мыслящая личность, интеллигенция.

В истории науки есть много несправедливо забытых имен, заслуги которых приписываются тем, кто шел по их стопам. Идеологические оценки выигравших политическую борьбу учений, закрепляли «ошибочность» теоретических взглядов и неуютность новым политическим реалиям их авторов. В каком-то смысле можно сказать, что теоретическое развитие науки есть часть политической борьбы. Такова судьба субъективного метода и социологов, которые имели отношение к разработке этико-субъективного подхода: П. Л. Лаврова, К. Н. Михайловского, С. И. Кареева, С. Н. Южакова.

Западноевропейская наука узнала об этих социологах благодаря еще одному ученому с забытым именем – Джулиусу Фредерику Геккеру. Двенадцать лет работы в России, популяризаторство русских социологов для зарубежной общественности закончились для социолога репрессиями, расстрелом в 1938 г. и практически полным забвением. Имя Дж. Геккера не упоминается ни в одном из российских энциклопедических изданий.

Дж. Геккер – ученик Ф. Г Гиддинса, последовательный критик, систематизатор, популяризатор русского социологического наследия в

Европе и США. Этот уникальный исследователь развития социологической методологии в России в своих работах обращал внимание европейцев на то, что они знакомы с наработками русской социологии поверхностно. Он объяснял причины отсутствия заслуженного признания приоритета многих ценных идей русских социологов, к которым европейские и американские социологи пришли позже «несколько более систематическим путем, нежели более ранние и никому неведомые русские».

Первое издание книги Дж. Геккера «Русская социология» вышло в Нью-Йорке в 1915 г. Работа была положительно оценена С. И. Кареевым, которому понравилось, американский исследователь отнес его творчество к субъективной школе [1, с. 295-303]. По мнению Дж. Геккера, субъективная школа является истинно русской и наиболее значительной по сравнению с другими социологическими школами. Она сложилась из-за уникального умения русских мыслить не только головой, но и сердцем (эмпатически), желания наблюдать реальность и давать ей нравственную оценку. Основатели школы – представители русской интеллигенции, патриоты, публицисты-исследователи. От их имен также в учебниках школьной истории осталась лишь строчка со стигмой «анархисты».

Этико-субъективная школа сформировалась как направление в русской социологии в конце 60-х годов XIX в., благодаря размышлениям о социальных проблемах России. Основатель школы – Петр Лаврович Лавров (1823-1890), полковник русской армии, создатель идеологии народничества. Он был яркой личностью в истории русской общественной жизни XIX в., поражая современников эрудицией, энциклопедичностью знаний, сочетал дар мыслителя с темпераментом публициста и общественного деятеля. П. Л. Лавров

предвосхитил идеи Э. Дюркгейма о функциональной связи между развитием мысли и формированием коллективных представлений, обосновал субъективный метод до появления феноменологической парадигмы. Понятия эмпатического взаимодействия появились в его трудах до исследований Дж. Морено. Задолго до оформления Франкфуртской школы П. Л. Лавров обосновал теорию критически мыслящей личности. К. Мангейм считается автором социологической концепции интеллигенции, но первым поднял проблему интеллигенции и ее роли в развитии общества русский социолог П. Л. Лавров.

Идеи П. Л. Лаврова продолжены в публицистических работах Николая Константиновича Михайловского (1842-1904), которого называли «властителем дум» русской интеллигенции. Его личностное обаяние, дар публициста делал социолога влиятельным и уважаемым человеком в среде русской интеллигенции. Драматичным выглядит то, что западноевропейская публика не обратила внимания на то, что на 8 лет раньше Г. Тарда тезисы об эмоциональном (психическом) заражении толпы отдельной личностью («социальный гипноз», «массовая зараза») сформулировал Н. К. Михайловский. В трудах русского социолога концепция влияния разделения труда была представлена раньше, чем были написаны фундаментальные социологические произведения Э. Дюркгейма.

Н. И. Кареев и С. Н. Южаков, подхватив основные идеи субъективной школы, стали последовательными критиками школы и систематизаторами положений субъективизма. Николай Иванович Кареев (1850-1931), будучи русским историком, разработал концепцию взаимоотношений социологии, истории, философии истории. Среди его регалий профессорство Варшавского и Петербургского

университетов, почетное членство в Академии наук СССР. Он стал одним из фундаментальных разработчиков теоретической методологии будущего развития гуманитарных наук. Н. К. Кареев синтезировал и рационализировал разработки субъективной школы с позиции «субъективного идеализма», первым в социологии стал использовать (хоть и метафорично) понятие «социальная роль».

Сергей Николаевич Южаков (1849-1910) – русский социолог и публицист, определивший школу субъективизма как специфически «русскую социологическую школу». С. Н. Южаков является автором самого названия «этико-субъективного подхода» в социологии. Данный подход стал интересной методологической основой для анализа реальности, объединив три основных теоретических позиции: обоснование субъективного метода, теория личности, идея прогресса.

Влияние «субъективистов» на интеллигенцию было сильным. Идеи, выдвинутые ими, позволили называть П. Л. Лаврова «апостолом критической мысли», Н. К. Михайловского – «титаном индивидуализма». Острый академический ум П. Л. Лаврова демонстрировал убийственно логичные умозаключения, убедительность и сдержанность в изложении мыслей. Н. К. Михайловский не создал стройную теоретическую систему, используя в качестве примеров «исторические анекдоты», но незаурядный литературный дар и страстность изложения сделали его социологические труды впечатляющими, влиятельными, убедительными. Его языком спустя почти сто лет заговорит Чикагская школа социологии и исследования нового направления – феноменологии. П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский предвосхитили методологию феноменологического подхода, разработав субъективный метод как способ познания и описания

действительности, при котором исследовательский акцент ставится на специфике влияния субъективного (личностного) на объективное. Лишь спустя полстолетия в социологической науке «качественники» провозгласили новую перспективу, исследования человека живого, лишённого снисходительно-абстрактного представления о нём, живущего в мире, полном событийности, личных чувств, жизненного опыта переживаний[2].

Первые основополагающие принципы этико-субъективного подхода П. Л. Лавров сформулировал в «Исторических письмах» (1870). Это была новая научная доктрина, парадигмальная модель освоения действительности, соединяющая исторический, социально-философский, этический конструкты с теорией личности. При этом личность рассматривалась как познающий, рефлексивный, действующий центральный элемент концептуальных построений. С таких теоретических позиций исследователю «волей-неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку, т. е., усвоив по степени своего нравственного развития тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу, и на первый план истории выставить по важности те факты, в которых это содействие или противодействие выразилось с наибольшей яркостью»[3].

Создатели субъективного метода выступили в пику позитивистским требованиям устранения оценочных критериев в исследованиях, буквально потрясая сами основы позитивистского объективизма. Они оригинально осмыслили позицию О. Конта, основателя позитивизма, который в «Курсе позитивной политики»

выдвинул идею о недостаточности «объективного метода» и необходимости дополнения его субъективными оценками понимания общественных явлений. П. Л. Лавров назвал этот прием «субъективным методом», обосновывая право ученого на субъективный взгляд в сочетании с первенством объективного анализа действительности. «Все ... судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут»[3]. С ним согласился Н. К. Михайловский, страстно отстаивал позиции субъективного метода, подчеркивая, что ученый не может «общественные явления оценивать иначе, как субъективно».

Сущностный смысл субъективного метода – доверие к личности, познающей реальность. В его основе лежит связь наблюдения с нравственной оценкой. Объективность в исследованиях не отрицается: субъективизма в исследовании быть не должно. По мнению русских социологов, субъективный компонент есть включение нравственно-этических ценностей в предмет социологии, теоретическое обоснование необходимости ценностного отношения человека к действительности, обоснование нравственного суда над действительностью. Поэтому субъективный метод предлагается рассматривать как императив о нравственной мотивации социальной активности личности в истории[4, с. 40].

Мыслители считали важным признать, что «чисто «теоретическое» (безоценочное) восприятие человека и его деятельности не дает всего того материала, который наличествует в социальных фактах»[5, с. 357]. Так, Н. К. Михайловский сформулировал право исследователя на субъективность: «Я вполне удерживаю за собой право критиковать великий Божий мир с точки зрения своего кусочка мозга»[6, с. 151].

Среди функций субъективного метода русские социологи определили значимость гносеологии. Они считали субъективный метод инструментом познания, помогающим понимать историю с позиций нравственности. Они подчеркивали возможность этической мотивации социальной активности личности. Основная идея школы – борьба за индивидуальность личности, за право на человеческое достоинство. Они мечтали, что субъективный метод поможет непротиворечиво соединить «сущее и должное», действительность и идеал. Ценностная, селективная функции дают исследователю право на субъективность в оценке исторических событий, расстановку по степени важности общественных явлений и процессов. Эмпатическая функция определяет основной прием субъективного метода – «позиционный обмен». Это требование мысленного вхождения в жизнь и судьбу наблюдаемого объекта, когда исследователь встает на место «страждущих или ожидающих», делает чужие мысли и чувства исходным материалом для своих теоретических выводов. Субъективный метод, по мнению Н. К. Михайловского, помогает достигнуть «правду-справедливость», если субъект познания сольется с объектом, «переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перестрадает его страдания, переплачет его слезами». Н. К. Михайловский считал, что «высший контроль должен ... принадлежать субъективному методу»[7, с. 138].

Однако исключительно на собственное мнение полагаться недопустимо, что определяется функцией контроля в качестве баланса объективного и субъективного в исследованиях. Так, Н. И. Кареев не поддержал концепцию субъективного метода, но защитил фактор субъективности в качестве важного в жизни общества, подчеркивая, что этот фактор не может быть игнорирован. В самом деле,

субъективного отношения к объекту исследования избежать невозможно. Исследователь не автомат, его опыт резонирует с явлениями и фактами, которые он пережил и которые изучает. Активность жизненного опыта, личные предпочтения в подборе фактов есть смысл субъективизма, по мнению Н. И. Кареева. Однако ограничение, по-возможности, субъективного фактора (перепроверка фактов) – необходимая исследовательская процедура. Н. И. Кареев рационализирует понятие субъективности, формулируя различие «случайного» (недопустимого в виде личностных, политических субъективных предпочтений) и «законного» (правомерного в виде комплекса методик оценивания фактов) элемента в методе [8, с. 681-709]. Элемент «законного» понимался как специфический методический прием переживания фактов и понимания объекта, что с неизбежностью проявляется в любом научном анализе.

Баланс объективного и субъективного в качестве методологической позиции – это тоже переключка с постулатами современной качественной социологии, требующей триангуляции эмпирических данных для перевода субъективной исследовательской точки зрения в объективную картину исследуемой реальности. Это подтверждает мнение Н. К. Михайловского: «... Человеческое сознание испытывает множественные нагрузки. Оно детерминировано унаследованным опытом, содержащим культуру, обычаи, традиционную идеологию; оно зависит от личного опыта, представленного системой индивидуальных переживаний и оценок; оно, наконец, корректируется так называемым сочувственным опытом, включающим способности человека как бы почувствовать жизнь другого, посмотреть на мир чужими глазами. Условием достоверности получаемых в результате исследования мнений является, таким

образом, тщательная проверка их эмпирического содержания и отыскание их источников»[7, с. 132].

За критическими статьями в трудах моих коллег, изучающих достижения субъективной школы, за сухими данными биографий в энциклопедиях практически не заметны личности социологов-субъективистов, так остро болевших за личность человека. Откуда в них столько жертвенности, сострадания? Какие события личной жизни так повлияли на их мировоззрение? Почему П. Л. Лавров, профессор математики артиллерийской академии, полковник стал последовательным защитником достоинства человеческой личности? Почему успешные люди начинали остро сочувствовать страждущим, призывать к сопереживанию, видеть в этом цель научного творчества, провозглашая это в качестве собственной гражданской позиции? «Сострадание живет во мне и жжет мне душу», – писал Н. К. Михайловский. Это акт душевного милосердия, достойный жизненного подвига Франциска Ассизского. В истории такое случается редко среди представителей высших классов. И какая страстность в намерениях сражаться за это достоинство, пусть даже в одиночку! «Теория борьбы за индивидуальность истинна, но именно стоя на точке зрения этой борьбы, я и объявляю, что буду бороться с грозящей поглотить меня высшею индивидуальностью (государственной, социального строя – Л. Л.). ... Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьмет – увидим». (Н. К. Михайловский «Записки профана. Борьба за индивидуальность»).

Поскольку это были свободные личности, обладающие достоинством и здоровым самосознанием, они и писали о таких же личностях с мечтой о новой России. Учение о роли личности в

историческом развитии основано на позициях антропоцентризма и этического персонализма. Личность – это единственно верное мерило исторического процесса, связующее звено общественного процесса. П. Л. Лавров считал, что человек не клетка общественного организма, но центр социального развития общества. Личное достоинство человека требует уважения, самостоятельности. Н. К. Михайловский провозгласил задачей общества – борьбу за индивидуальность.

Личность в центре общественного организма и смысла всех общественных процессов есть универсальный социологический закон, согласно убеждениям субъективистов: «Пусть кто хочет, смотрит на меня, как на часть чего-то, стоящего надо мной..., но я не перестаю видеть в себе полного человека, цельную личность, я хочу жить всей доступной мне жизнью»[6, с. 336]. Н. К. Михайловский провозглашал задачей науки и интеллигенции борьбу за благо человека – «цельность, гармонию» личности, защищая это благо от машины социального строя. «Личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна, и все усилия нашего ума должны быть направлены на то, чтобы самым тщательным образом следить за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать»[6, с. 451].

По мнению Н. К. Михайловского, «высшая индивидуальность» (структуры государственного строя) формирует серое неразвитое массовое сознание, готовое подчиняться героям-гипнотизерам какого угодно толка и уровня нравственности. В основе механизма подчинения «хроническая скудность впечатлений», «однородность» жизни, узость интересов. В результате получается «чудовищно-огромный зал, приспособленный для гипнотических опытов». Это подавляет сознание и волю в направлении подражания и повиновения,

делает из личности раба, жадно ищущего перед кем преклониться, кому отдать в руки свою волю[9]. Из таких рабов, на которых оказало воздействие какое-либо сильное впечатление или полное отсутствие впечатлений, формируется толпа – «масса, способная увлекаться примером, высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным». Эта толпа нуждается в героя, но этот выбор практически не регулируется понятиями «добра» и «зла». Герой – гипнотизер, «человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»[7, с. 451].

Н. К. Михайловский считает, что личность «героя» должна обладать мощной волей, которая склоняет жертвы к нужным ей действиям с помощью однообразных движений, звуков, слов-заклинаний. Этот «герой» может быть просто эмоционально неуравновешенным человеком, страдать психическим расстройством. «Психологическое воздействие личности зависит от восприятия массы, и в принципе любой человек, а не обязательно выдающаяся личность, оказавшись случайно впереди толпы, может сыграть важную роль в определенных событиях»[10, с. 38-39]. И чем выше степень опустошенности сознания, и обессиленности воли, тем быстрее человек станет частью обезличенной толпы, чем неординарнее будет герой, тем сильнее его влияние на толпу. Просматривая телевизионные ток-шоу политического содержания, где гипнотизеры в дорогих пиджаках производят манипуляции жестами и мантрами идеологических слоганов, убеждаешься, насколько прав был Н. К. Михайловский, выдвигая тезис столетие назад. Лишите людей здорового разнообразия жизни, заставьте выживать, регулярно показывайте им по центральным каналам «гипнотизеров», и вы

получаете послушное население, готовое поддержать любые авантюры, не рефлексируя. Таким населением легко управлять в нужном режиме в нужном «гипнотизеру» (или хозяину гипнотизера) направлении.

Н. К. Михайловский в статьях о «героях и толпе» исследует механизм заражения. В его основании – способность любого живого организма мимикрировать и подражать с целью защиты от преследований хищников. Подражание в безвольной толпе, по мнению социолога, очень похоже на жизнь в животном мире с той разницей, что человека к подражанию похлестывают еще и свойственные ему чувства. Особый духовный настрой людей, наблюдающих событие, «симпатические чувствования», страхи определяют готовность толпы повторять навязанные вниманию действия. Неустойчивое психическое состояние «героя» входит в резонанс с симпатическими переживаниями и становится спусковым крючком для заражения с повторяющимся подражательным действием, необремененным рефлексией или критическим осмыслением этих действий. Психически здоровый человек не «заразит» толпу (телевизионную публику). Людей, лишенных рефлексии, никогда не убедят логические разумные аргументы. Только фрустрированный или эмоционально-неустойчивый гипнотизер обладает властью над толпой. Поэтому загипнотизированная («сбалансированная») публика не будет слушать здорового человека. Опустошенной эмоционально и интеллектуально, ей нужны больные эмоции, транслируемые «героями» с неуравновешенным поведением и сознанием. И это не всегда бывают неистовые Савонаролы или страстные Жанны д'Арк. Фанатизм одевается в фигуры более мелкого содержания и достоинства, но действует подобным же образом.

Толпа поглощает индивидуальные черты и особенности человека. Отсюда у Н. К. Михайловского такое сильное стремление защитить людей от потери индивидуальности. Волевые самодостаточные люди защищены от эффекта подражания. Воля воспитывается на почве «разнообразия личной жизни». Самодостаточность – критически осмысленная потребность уважения свободы выборов личности. Достоинство личности есть результат воздействия личности на среду и адаптации среды к личности. Это «идеальная» личность, защищенная от насилия над индивидуальностью. Н. К. Михайловский считал, что это «критически мыслящая» личность из рядов передовой интеллигенции, подготовленная к миссии занять место героя. Отводя заслуженное место такой личности на роль ведущего массы, Н. К. Михайловский попадает в собственный теоретический капкан. Описав явление психического резонанса героя и настроения толпы, он не замечает, что героем толпы может быть лишь страстный человек, а не рационально, критически осмысливающий цели и задачи идеальный герой. Пронзительно возвышенный антропологизм русского мыслителя не включает в себя сокровенные глубины психики, желаний, противоречий человеческой души.

Герой П. Л. Лаврова – главная историческая фигура, личность, увлекающая своим примером толпу (не всегда положительным). Это сознательная органическая особь, которая вступает в связи с другими сознательными особями, создавая социальные общности и формы общественной солидарности. В этом процессе неизбежны противоречия между личностью и обществом. Или у личности не развито чувство собственного достоинства, или устройство общества несправедливо, безнравственно. И если общество не создает условий

для развития личности, то личность обязана перестроить общество на принципах справедливости. Эта личность обладает особыми характеристиками – критическим мышлением.

«Критически мыслящая личность» – базовое понятие в концепции П. Л. Лаврова. Задача такой личности – поднять массы до своего умственного и нравственного уровня развития. В отношениях между личностью и обществом он отдавал приоритет личности, которая может реализовать свои цели только в общественной жизни путем слияния личных интересов с общественными.

Н. И. Кареев рассматривает личность как исходный и ключевой субъект жизни, единственный фактор истории, существующей только через личность. Его объект (в отличие от неоднозначных «героев» Н. К. Михайловского), – «личность», прежде всего, положительная, приносящая пользу, распространяющая новые идеи, служащая развитию общества. Личность в общественно-историческом процессе есть активный элемент, но история есть процесс формирования личности. Понятия «индивидуальность», как способ бытия и «личность», как социальную обусловленность бытия Н. И. Кареев рассматривает в соотношении и взаимосвязи. Индивидуальность проявляется в самореализации, в инициативе, в стремлении к оригинальности. Отсюда формулируются критерии типологии личностей, данных в градации: от «низшего типа», неспособного к индивидуальной инициативе, обреченного быть орудием чужой воли, до яркой индивидуальности, способной к социальной импровизации[11, с. 305, 346-347]. Поведение личности ограничивается нормами и зависит от традиций, бытующих в конкретной среде. «Так, в пределах границ традиции инициатива личности имеет определенную свободу, изменения происходят в

традиционных формах путем коллективной или индивидуальной инициативы»[11, с. 505].

Однако внутреннее стремление личности к независимости и творчеству, имеющее корни в жизненном опыте человека входит в противоречие с традициями культуры. Н. И. Кареев обращает внимание, что условия культуры являются внешним фактором по отношению к личности. Они либо способствуют, либо противодействуют развитию индивидуальности, но никогда не создают его. В теории мыслителя появляется категория «личное начало» в истории. Та категория становится инструментом для определения места героя в общественно-историческом процессе. Масса – это не есть нечто безликое, она тоже состоит из личностей разной величины и разного типа. Личным началом обладают не только герои, но и масса, различие состоит в силе, интенсивности его проявления. По мнению Н. И. Кареева, роль личности вообще нельзя понять, противопоставляя личность и массы. Личности могут играть не только активную, но и пассивную роль. При этом трудно сказать, какой именно тип роли будет иметь больше действенности и эффективности. Не всякая пассивность может быть однозначно расценена, как бездейственность. Например, формы ненасильственного сопротивления могут показаться пассивностью лишь на первый взгляд. Внутреннее решение личности уклоняться от подчинения – это форма активности, востребованная сегодня.

Теорию личности С. Н. Южакова называют «активистской»: он использует центральные понятия для исследования проблем бытия – личность, активность, культура. Личность и культура – одновременно и факторы развития общества, и антагонисты друг другу, «поскольку рост культуры ведет к деградации личности, к превращению ее в

социальный орган, исполняющий какую-либо одну функцию»[12, с. 198-204]. С ним соглашается С. Н. Кареев, считая, что социальная организация есть предел личной свободы. Культурная группа ограничивает возможности развития оригинальности. Личность – активный элемент общества, она есть создатель и продукт социальных условий, благодаря своей активности. Через деятельность личности проявляется любое общественное явление, и через личность же оно оказывает влияние на последующие поколения.

Такая научная позиция обрела сильное гуманистическое звучание, но свидетельствовала о напряженном утопизме русских субъективистов. Создается впечатление, что эти мужественные и талантливые личности с активной гражданской позицией обо всех людях судят по себе, а личность вообще (не конкретную) понимают слишком прямолинейно, упрощенно. Позиции исследования личности, которые в это время начала разрабатывать школа З. Фрейда, в трудах мыслителей не принимаются во внимание. Они не ставят вопрос о противоречивости, слоистости структуры личности. О личностях, воспетых в их трудах, можно судить, как о героях театра классицизма, решающих проблему выбора между чувством и долгом: или позитивный герой, или негативный. Для эмоциональных нюансов, внутренних противоречий, духовных метаний в субъективистской теории личности нет места. Их книги пронизаны единственным наслаждением – «наслаждением нравственной жизнью».

Попробуйте представить личность, которая не может актуализировать потребность в чувственных наслаждениях. Воображение рисует холодный образ «железных Феликсов». Возможно, эти люди были слишком «правильными». Эта духовная правильность, очевидно, породила такие неправильные изломанные

судьбы. В благородном желании сделать мир справедливым, подготовить для такого мира лучших людей передовой интеллигенции, они не просто предлагали мерило «правильности», но начинали «исправлять» мир с себя. Это был логичный путь применения субъективного метода. Так, ведущим способом борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловский признавал не насилие над другими, а совершенствование себя. П. Л. Лавров, желая искупить вину перед народом, благодаря которому существует малая категория людей образованных и богатых, делает заявление: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем» (П. Л. Лавров. «Исторические письма. Цена прогресса»). И он оплачивает всей жизнью и талантом этот долг, разрабатывая и воплощая в собственной жизни постулаты «идеи прогресса»[3].

Это оригинальное понимание сути прогресса подразумевает не развитие науки и техники, как принято считать. Прогресс – это развитие личности человека, без которого развитие технического прогресса становится критически опасным для мира людей. Исходный пункт идеи – «критически мыслящая личность» («орган прогресса», «ведущая сила социального развития»). Она не есть результат истории, так как именно она и делает историю: вырабатывает нравственный идеал, воплощает его в жизнь, что, в свою очередь, становится условием прогресса.

Новая формула прогресса противоречила с теориями, провозглашающими объективный характер прогрессивных процессов. По мнению П. Л. Лаврова, развитие общества возможно через единство солидарности и роста сознания личности. Исторический прогресс

является процессом роста рационального сознания, расширения сферы нравственности и солидарности.

Интеллигенция – социальная группа, из которой формируются личности с критическим типом мышления. Она представлена в трудах мыслителей как самостоятельная нравственная, общественная и политическая сила, оппозиционная к власти, защитница интересов народа. Для П. Л. Лаврова интеллигенция – это еще и философская этическая категория. Представители интеллигенции способны к критическому мышлению. Но прогресс в одиночку не осуществим; выход возможен в объединении критически мыслящих личностей в партию.

Критически мыслящие личности не обязательно должны быть «лидерами прогресса», полностью посвящающими себя пропаганде и реализации идеи прогресса. Это могут быть «незаметные герои человечества», которые, несмотря на обремененность повседневными заботами, поддерживают своими действиями прогресс.

Критерием прогресса декларируется счастье личности. Однако, П. Л. Лавров не объясняет, как человек может быть счастливым, если должен во имя прогресса запретить себе право на реализацию собственных интересов или на «негенеральную» линию понимания смысла счастья? Для П. Л. Лаврова нет противоречия в том, что в процессе достижения счастья и свободы народа, личность теряет собственную свободу, повинувшись партийной дисциплине и требованию солидарности. Критически мыслящая личность волевым решением ограничивает свою свободу, приносит ее в жертву во имя счастья народа. Это звучит вдохновенно, но несколько антигуманно, несмотря на весь гуманизм его теории личности.

Конечно, они были патриотами. Это был не гремящий, словно барабан, патриотизм «говорунов». Они не призывали к баррикадам, но умели понять, что могут сделать больше, влияя через литературу на подрастающее поколение. Это высшее критическое осознание собственной миссии – создание теории, инструмента осмысления исторического процесса и роли человека в истории для будущих поколений. Они предложили концепцию рационального патриотизма, который заключается в «осмыслении естественных требований своей нации критическим пониманием требований общечеловеческого прогресса». Достоинство гражданской позиции представителей русской интеллигенции заключалось в понимании того, что в беспокойное время призывать к бунту антигуманно. Задача – понять и объяснить, почему бунт принципиально возможен, чтобы защитить людей от его «бессмысленности и беспощадности».

Таким образом, социологами субъективной школы русской социологии разработана теория личности как ведущей силы развития общества, предложен метод исследования реальности, который востребован в современных социальных исследованиях. Н. К. Михайловскому принадлежит честь первенства создания теории понимания жизни общества через осмысление проблемы человека. Сверхценность личности, ее свобода, неповторимая индивидуальность – эти идеи актуальны по сей день, они являются основными демократическими ценностями европейской цивилизации. П. Л. Лавров впервые сформулировал проблему социальной значимости интеллигенции, ее миссии в развитии общества. Политические события последних лет доказали актуальность этих идей. Субъективный метод трансформировался в западноевропейской социологии (Чикагская школа) в техники качественного анализа.

Социологи и социальные психологи феноменологического направления обосновали право ученого на субъективное мнение по поводу объекта исследования и социальных процессов, защитили право человека быть единственным экспертом объяснения своей жизни. Так в современной социальной науке понимается методологическая позиция интерсубъективности, в которой субъективность есть право на искренность и правду исследователя (К. Р. Роджерс). Исследователь, заявляющий о своей объективности в исследованиях, лукавит (В. Э. Франкл).

Наглядность судеб и мыслей субъективистов, интеллигентов, патриотов диссонирует с современными теоретиками, разрабатывающими концепции «особого пути развития России». На фоне фундаментальных трудов русской субъективной школы о роли нравственности в науке и личности в истории, ее достоинстве разглагольствования политических фриков и просто неуравновешенных людей о нравственности выглядят, как минимум, несуразно.

References

1. Кареев Н. И. Американская книга о русской социологии // Русские записки. 1916. № 4. С. 295-303.
2. Логунова Л. Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст: монография. Кемерово: ООО «Фирма Полиграф», 2007. 393 с.
3. Лавров П. Л. Исторические письма. СПб. 1905. Режим доступа: <http://www.revkom.com/biblioteka/utopiya/lavrov/lavrov.htm> (дата обращения 5.09.2017).

4. Юдин А. И. Социальная философия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского: историко-сравнительный анализ: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 42 с.
5. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
6. Михайловский Н. К. Сочинения (в 6 томах) / Сочинения Н. К. Михайловского. М.: Книгоиздательство «Русское богатство». Типография Н. Н. Клобукова, 1906, скан. 2700 с.
7. Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии. В 2 т. / ред. В. В. Козловский. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1998. 388 с.
8. Кареев Н. И. О субъективизме в социологии // Юридический вестник: Издание Московского Юридического Общества. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1880. № 4. С. 681-709.
9. Михайловский Н. К. Герои и толпа. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/mihnk001.htm> (дата обращения 18.01.2016).
10. Гринин Л. Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129557/> (дата обращения 7.08.2017)
11. Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. М.: Книга по Требованию. 2013. 586 с.
12. Оганян К. К. Концепции личности в субъективной и органической школах российской социологии. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. № 146. С. 180-187.

UDC 130.2

Popov V.V. The category of “meaning” in philosophy of culture

Категория «смысл» в философии культуры

Popov Victor V.

PhD in Historical sciences, Professor at the Department
of History and Polity
Kuban State Agrarian University named after I.T.
Trubilin

Попов Виктор Васильевич,

Кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и
политологии
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина

Abstract. The article considers the main approaches to interpretation of concepts "sense", "sense of culture" and "meaning culture".

Keywords: the sense, the meaning of culture, cultural values, socio-cultural crisis, the semantic field of culture.

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к трактовке понятий «смысл», «смысл культуры» и «смысловая сфера культуры».

Ключевые слова: смысл, смысл культуры, ценности культуры, социокультурный кризис, смысловая сфера культуры.

В человеческой деятельности многое впервые рождается как обнаружение смыслов, а культура выступает как производство смыслов. Именно поэтому в современном познании проблема смысла является ключевой и дискуссионной. В феноменологической теории Э. Гуссерля термины «значение» и «смысл» равнозначны [1]. Другой подход мы видим у Г. Г. Шпет, который считает, что есть необходимость «сохранить за термином «значение» ... указание на «содержание» «выражения», тогда как термин «смысл» употреблять

для обозначения предмета в его определительной квалификации, как содержания» [2].

Вполне понятен интерес культурологов и философов к данной категории, которую рассматривают через призму культуры. Одну культуру от другой отличает различие в способах полагания смысла. Само понятие культурологии связано прежде всего со смыслом и значением культуры. Мир культуры, вышедший из мира природы, приобрел характеристику, которой природный мир не имел, – смысл.

Понятие «смысл культуры» не может быть выражено однозначно. «Его интерпретация зависит и от методологических установок ученого, и от его принадлежности к той или иной научной школе и традиции» [3, с. 21]. В эпоху перемен и непрерывного технологического, экономического, духовного обновления научная мысль современной гуманитаристики «сосредоточивается прежде всего, в сфере социокультурной динамики, кризисов, инновационного развития» [4, с. 250].

Если вчитаться в само слово, то смысл предстает как содержание мысли, выраженное в идеях, предметах, отношениях, знаково-символических формах. В языковой сфере смысл можно трактовать как синоним совокупности значений знаков данного языка. Самым поверхностным уровнем смысла языка является здравый смысл. Это так называемый рационализированный и общепринятый смысл, проявившийся на уровне сознания. Чаще всего такое понимание смысла совпадает с категорией «значение» и выражается словесным способом.

Более глубоким уровнем смысла является невербальное, непроявленное содержание, которое связывает человека с миром ценностей, знаков, образцов поведения данной культуры. На любом

этапе исторического развития социума смыслы культуры будут определяться не только господствующей ценностно-содержательной картиной мира, но и теми социальными трансформациями, которые определяют состояние общества.

Французский философ Ж. Бодрийяр отмечал: «Критическая мысль оценивает и выбирает, она устанавливает различия и с помощью селекции заботится о смысле» [5, с. 43]. Но общество, находящееся в состоянии социокультурного кризиса, включает «социальные механизмы продуцирования противостоящих друг другу культурных смыслов, различных вариантов иерархического упорядочивания ценностей, идеалов, символических ориентаций и предпочтений... В зависимости от того, что признается высшей ценностью в данной структуре, происходит ли отказ от универсальных, в определенной степени трансцендентальных культурных ориентиров, вся остальная система культурных концептов претерпевает существенные изменения. Кризисная динамика смысла ведет, прежде всего, к разрушению основы для взаимопонимания людей, каковое возможно только через поиск единых мотивов и целей в коммуникативном акте» [6, с. 108].

Таким образом, смысл и смысловая сфера представляет собой систему, «определяющую восприятие, понимание и истолкование ценностей, идеалов, значений и концептов, которые организуют и направляют человеческую деятельность» [7, с. 12]. Это сложный и многомерный объект, где наряду с обыденным уровнем понимания, существует понимание смысла как совокупности ценностей и значений, находящихся в непрерывном движении, включающем в себя, в том числе и моменты деградации, кризиса.

References

1. Гуссерль, Э. Логические исследования / Э. Гуссерль. – Ч.1. – СПб.: Книгоизд-во «Образование», 1909. – 224 с.
2. Шпет, Г.Г. Явление и смысл / Г. Г. Шпет. – Томск: Водолей, 1996. – 192 с.
3. Харитонов, Е.М. Образность смысла и смысл образа в культуре / Е.М. Харитонов, С.В. Хоружая // Культурная жизнь юга России. – 2008. – №3. – С.21 – 24.
4. Хоружая, С.В. Смысловая сфера культуры в контексте кризисных и деградиционных процессов / С.В. Хоружая / Кубанские исторические чтения: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / Отв. редакторы Курусканова Н.П., Улезко Б.В. – Краснодар: Издательство Краснодарского ЦНТИ, 2012. – С. 249-254.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. – Екатеринбург, 2000. – 32 с.
6. Хоружая, С.В. Кризисная динамика смыслов культуры / С.В. Хоружая // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – №2. – С.108-114.
7. Хоружая С.В. Смысловая сфера культуры: модусы кризисного развития: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. – 38 с.

UDC 316

Shapovalova I.S. Analysis of the situation of formation of narcotic dependence of students and schoolchildren²

Анализ ситуации формирования наркотической зависимости студентов и школьников³

Inna S. Shapovalova,
Doctor of Social Sciences,
Head of the Department of Sociology
and organizations working with youth,
Belgorod State University

Шаповалова Инна Сергеевна,
Доктор социологических наук, заведующая кафедрой
Социологии и организации работы с молодежью,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Abstract. The article examines some aspects of the formation of drug dependence among students and schoolchildren. For schoolchildren, the factors influencing the possibility of forming drug addiction (family, school, reference group) are investigated, the aspect of the relationship and understanding of the personal risk of such a situation is considered for students. In general, the results of the study allow us to conclude that the diagnostic result is positive: respondents show almost absolute rejection of antisocial perspectives, perception of the scale of consequences for the individual and society, understanding of the importance of preventing the formation of such dependence in their environment.

Keywords: youth, drug addiction, drugs.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты формирования наркотической зависимости среди студентов и школьников. Для школьников исследуются факторы, влияющие на возможность формирования наркотической зависимости (семья, школа, референтная группа), для студентов рассматривается аспект отношения и понимания личностного риска возникновения такой ситуации. В целом, результаты исследования позволяют сделать вывод о положительном

² The study was commissioned within a state task to Belgorod State National Research University for 2017, Project No. 28.7195.2017/BCh "Risks and Trends of Self-preserving Behavior of the Population of the Central Regions of the Russian Federation".

³ Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект №28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

итоге диагностики: респондентами демонстрируется практически абсолютное отторжение асоциальных перспектив, восприятие масштаба последствий для личности и общества, понимание важности предотвращения формирования такой зависимости в своем окружении.

Ключевые слова: молодежь, наркотическая зависимость, наркотические вещества.

Массовое потребление психоактивных веществ в подростковой среде остается одной из острейших проблем, так как по своим долгосрочным последствиям представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике страны, правопорядку и безопасности государства. Согласно Концепции профилактики употребления ПАВ в образовательной среде, утвержденной Министерством образования и науки Российской Федерации, одним из наиболее активных участников процесса первичной профилактики зависимости от ПАВ является система образования. Имеющийся у нее профессиональный, организационный ресурс, а также сфера ее социального влияния позволяют обеспечивать комплексное, системное воздействие на целый ряд социальных групп, прежде всего, несовершеннолетних и молодежи, а, следовательно, вносить существенный вклад в формирование культуры здорового и безопасного образа жизни у подрастающего поколения⁴.

Употребление детьми и молодежью психоактивных веществ представляет собой серьезную угрозу для развития современного общества. Косвенно или напрямую она затрагивает практически каждого пятого жителя страны. Ухудшение здоровья, распространение курения, употребление алкогольных напитков и наркотиков достигло

⁴ Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 сентября 2011 года № МД-1197/06. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120299/ (дата обращения: 15.8.2017).

критического уровня, и дальнейшее нарастание этих тенденций может вызвать необратимые последствия.

Наркомания и алкоголизм, помимо влияния на здоровье, имеют острые социальные последствия: совершаются преступления и аморальные поступки, происходит деградация личности и населения в целом, увеличивается смертность особенно среди молодежи, развиваются и передаются заболевания, увеличивается рождаемость больных и неполноценных детей, распадаются семьи. Именно несовершеннолетние, дети и подростки, быстрее и чаще подвержены вышеперечисленным негативным социальным явлениям современного общества.

Современные представления о раннем предупреждении употребления алкоголя и наркотиков, роста наркомании среди несовершеннолетних основаны на том, что в центре его должны находиться личность подростка и три основные сферы, в которых реализуется его жизнедеятельность – семья, общеобразовательное учреждение и досуг, включая связанное с ними микросоциальное окружение.

Развитие наркомании обусловлено многочисленными внутренними и «средовыми» факторами риска, о которых много написано в статьях И.С. Шаповаловой [1]. Вероятность развития наркотической зависимости выше у тех людей, которые подвергаются одновременному воздействию нескольких факторов, а эффективность профилактики наркомании определяется влиянием факторов риска и защиты в четырех областях жизнедеятельности: общество, школа, семья и группа сверстников. Примерами факторов риска может служить доступность наркотических средств, семейный конфликт,

недостаточная заинтересованность в школьной жизни, раннее начало употребления наркотиков и другие.

В свою очередь факторы защиты связаны с уменьшением вероятности проявления девиантного поведения у подростков. Влиянием на факторы риска и защиты, можно снизить злоупотребление ПАВ среди несовершеннолетних.

Представители разных направлений пытались выявить причины, факторы и условия, вызывающие алкоголизацию и наркотизацию несовершеннолетних и, в зависимости от этого, построить систему профилактики. Так, на современном этапе отечественной науки, во-первых, заложены продуктивные подходы к созданию теоретической и технологической базы превентивной педагогики (С. А. Беличева [2], А. С. Белкин [3], С. А. Завражин [4], А. Е. Личко [5], Н. А. Сирота и В. Ялтонский [6], другие); во-вторых, созданы психолого-педагогические концепции и модели социального педагога-психолога для работы с детьми и подростками группы социального риска (А. М. Андреев [7], М. А. Ковальчук [8], Г. С. Остапенко [9] и другие); в-третьих, получили развитие психологические исследования (Б. Г. Ананьев [10], Н. В. Морозова [11]).

Исследованием наркотизма занимались А. А. Габиани [12], Я. И. Гишинский [13], Л. Е. Кесельман [14], К. С. Лисецкий [15], А. Е. Личко [16] и многие другие.

Проблемам подростковой наркомании посвящены работы И. П. Анохиной [17], С. Б. Белогурова [18], В. Д. Менделевич [19].

Для исследования муниципальной ситуации (на примере г. Белгорода) по тематике статьи, были проведены массовые опросы школьников и студентов Центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского

университета. В ходе исследования, направленного на выявление ситуации формирования наркотической зависимости среди школьников было опрошено 600 человек, учеников 8-11 класса (2016-2017 год), среди студентов – 567 человек, обучающихся по различным направлениям бакалавриата и магистратуры (2017 год). Выборка квотная по полу и возрасту, ошибка выборки и в первом и во втором исследовании менее 5%.

В результате проведенного исследования школьников были получены следующие данные:

1. Большинство детей по фактору семейной ситуации (82,5%) имеют низкий уровень риска формирования алкогольной и наркотической зависимости, 14,8% опрошенных не имеют риска вообще, 1,7,0% – дети со средним уровнем риска, 1,0% – высокий уровень риска, исходя из индивидуальных факторов риска.

2. По результатам ответов на вопросы, касающиеся фактора взаимоотношений со сверстниками, 39,0% опрошенных имеют низкий уровень риска, а 59,7% – дети без риска вовлечения в наркотическую и алкогольную среду, 1,0% – средний уровень риска и всего лишь 0,3% – высокий уровень.

3. Что касается фактора школьной среды несовершеннолетних, то 0,7% детей имеют высокий уровень риска, 11,8% – средний уровень риска, 71,2% – дети с низким уровнем риска, 16,3% – дети без рисков.

Следует отметить, что большинство школьников негативно относятся ко всем видам асоциального поведения: кража, драка, употребление алкогольных напитков и наркотиков и т.п.

В результате проведенного опроса было выявлено, что 594 (99%) подростка отрицательно относятся к употреблению всевозможных психоактивных веществ. Этот факт коррелирует с мероприятиями по

созданию условий для приостановления распространения алкоголизма и наркомании среди несовершеннолетних, проведенных в течение 2014-2017 учебного года в общеобразовательных учреждениях Белгородского района. Работа в этот период велась по нескольким направлениям: комплексная антиалкогольная и антинаркотическая пропаганда; формирование здорового образа жизни обучающихся общеобразовательных учреждений района; организация и проведение профилактических мероприятий с подростками и молодежью группы риска по немедицинскому потреблению алкоголя и наркотиков; методическое сопровождение профилактики немедицинского потребления психоактивных веществ; организация повышения квалификации специалистов, занимающихся вопросами профилактики немедицинского потребления алкоголя и наркотических средств.

В общеобразовательных учреждениях разработаны и внедрены программы родительского всеобуча, лектория по профилактике употребления подростками наркотических средств, направленные на: повышение уровня воспитательного семейного потенциала в целях формирования у детей в семье позитивного отношения к жизни и в решении личностных проблем; формирование знаний о собственных семейных проблемах, конфликтах и путях их решений; представление о психоактивных веществах, ранних признаках их употребления; выявление и учет семей, нуждающихся в профилактической помощи и в социально-психологической поддержке.

Опрос студентов позволил не только получить картину по уровню вовлеченности в наркологическую ситуацию респондентов, но и увидеть определенные аспекты трансформации, происходящей с молодыми людьми по мере взросления и обучения. Так, отвечая на вопрос, направленный на определение сути явления, студенты

продемонстрировали правильное понимание, поставив приоритеты ответов следующим образом: зависимость (63,0%), болезнь (56,0%), вредная привычка (26,5%), уголовное преступление (20,0%). В меньшинстве остались определения, демонстрирующие легкость отношения респондентов к данному понятию: образ жизни, мода (1,9%), развлечение (4,4%) (рис. 1).

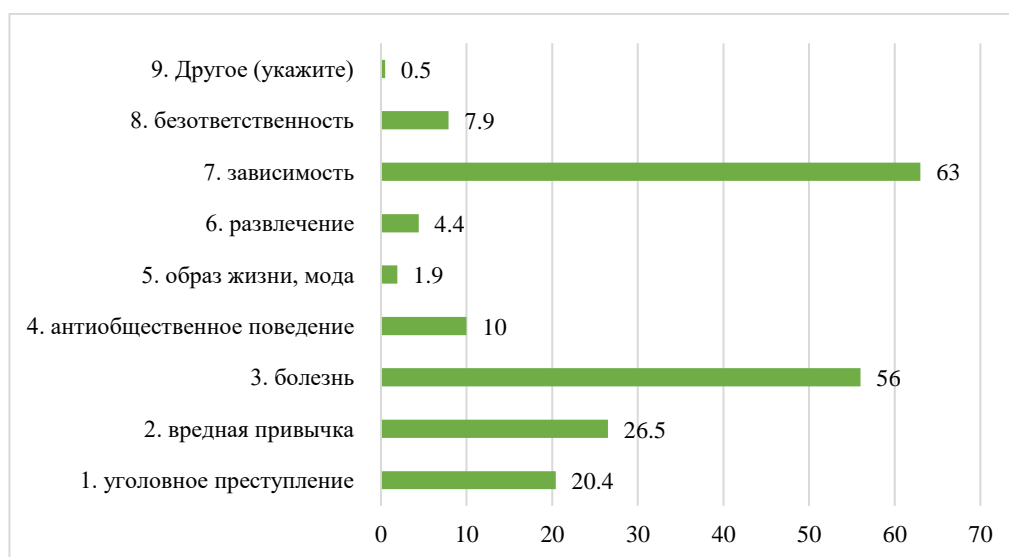

Рисунок 1. Ответы студентов на вопрос: «Как Вы считаете, что такое наркомания?»

Но неоднозначную позицию высказали молодые люди по отношению к необратимости данного явления (диагноза), большая часть склоняется в сторону возможности излечения зависимых субъектов (60%), при этом в равной степени отводя здесь роль случаю и воле человека (по 29,5%). Студенты, считающие процесс однозначно необратимым, остаются пока в меньшинстве (12,6%) (рис. 2).

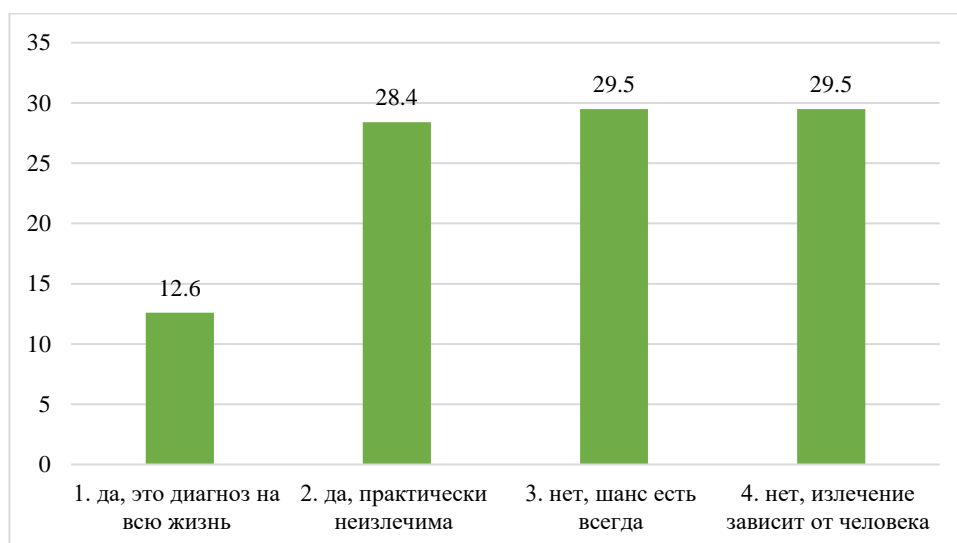

Рисунок 2. Ответы студентов на вопрос: «Специалисты утверждают, что наркомания неизлечима. Ваша точка зрения?»

Понимание и знание студентов об уголовной ответственности лиц, причастных к употреблению наркотиков, очерчивает достаточно широкий круг ответственности, условно отделяя собственно употребление наркотиков: на фоне 70-80% выбравших изготовление, хранение, сбыт и перевозку в качестве уголовно наказуемого деяния, употребление наркотиков определили только 49,2% респондентов. Хотя, в принципе, отвечая на данный вопрос и выбирая все варианты, студенты могли бы продемонстрировать не только знание, но и свое отношение к данной проблеме.

Показывая полное понимания сути явления наркомании, студенты города стоят на гуманной позиции по отношению к людям, употребляющим наркотики: так, большинство считает их больными и нуждающимися в лечении (61,8%); людьми, попавшими в беду и нуждающимися в помощи (54,6%). В меньшинстве остаются ребята, не считающие их проблемными субъектами (4,7%), а также высказывающих крайнюю, экстремистскую позицию, по отношению к наркоманам, считая их отбросами общества (8,1%). Существуют

достаточно большая группа студентов, демонстрирующих крайнюю эмоциональную позицию и определяющих таких людей как «людей несчастных» (23,7%).

Такое отношение студенческой молодежи к существующей проблеме и проблемных субъектам, помимо общей гуманистической составляющей, показывает ориентацию на поиск решения проблемы, веру в возврат к нормальной жизни человека оступившегося – надо только лечить и помогать.

Эмоциональный компонент отношения к субъектам наркотизации у студенческой молодежи сложился в следующей конфигурации: 26,0% студентов демонстрируют доброжелательное, понимающее отношение – из них позицию «жалею» выбирают 12,5%, деятельный аспект поддержки выделяют 7,2%. Негативное отношение показывают 56% опрошенных. Большинство студентов говорят об опасениях, которые они чувствуют по отношению к таким людям (41,7%), 18,3% высказывают осуждение, практически столько же – старается не замечать их существование (17,7%). Крайнюю позицию – презрение – определяют для себя приемлемой 8,7% (рис. 3).

Рисунок 3. Ответы студентов на вопрос: «Как вы относитесь к таким людям?»

Вопрос приемлемости употребления наркотиков показал массовость отказа от такого выбора (97,5%, 2,5% затруднились ответить на вопрос).

Немаловажную роль в работе с молодежью в направлении профилактики и предотвращения наркомании имеет диагностика факторов наркотизации. Для создания действенной системы управления проблемой важно очертить информационный круг, где будут определены источники информации о проблеме, места их сбыта и изготовления, акторы процесса наркотизации, а также пусковой механизм, толкающий молодых людей в зону зависимости.

Так, в процессе опроса было определено, что большинство ребят получают информацию через СМИ – этот выбор позволяет надеяться на социальный характер информации, подаваемой с целью предотвратить или прекратить асоциальное явление в молодежной среде (77,9%). Достаточно большая часть информации о наркотиках поступает к молодым людям через интернет – абсолютно неуправляемое пространство, где располагается как социально-значимая и профилактическая информация о проблемах зависимости, так и способы производства, сбыта и приобретения (64,5%).

3,4% студентов получили информацию по проблеме наркотизации от друзей и знакомых, имеющих опыт употребления. Качественная оценка случаев (работа в фокус группах), позволяет предположить, что нередко эта информация, предотвращающая употребление. Мы надеемся, исходя из предыдущих вопросов, что роль информанта здесь играет не только сам субъект наркотизации, а его опыт, негативные процессы, происходящие с его личностью, то негативное впечатление, которое бы способствовало предотвращению такой ситуации для студентов университета.

Однозначное значение окружения подчеркнули студенты, при определении специфики жизненной ситуации людей, решившихся на употребление наркотиков. Социальная среда, с позиции студенческой молодежи, противопоставлена по значимости обычному любопытству (58,3%) – по существу, той специфике молодого возраста, когда установка «попробовать все в этой жизни» снижает чувство самосохранения, несмотря на поток профилактической информации и предотвращающие мероприятия. Каждый 5 опрошенный подчеркнул значимость социальной изоляции человека при выборе асоциального способа жизни – одиночество, та причина, которая заслуживает разработки конкретных мер, сигналов, по крайней мере в молодежной среде (рис. 4).

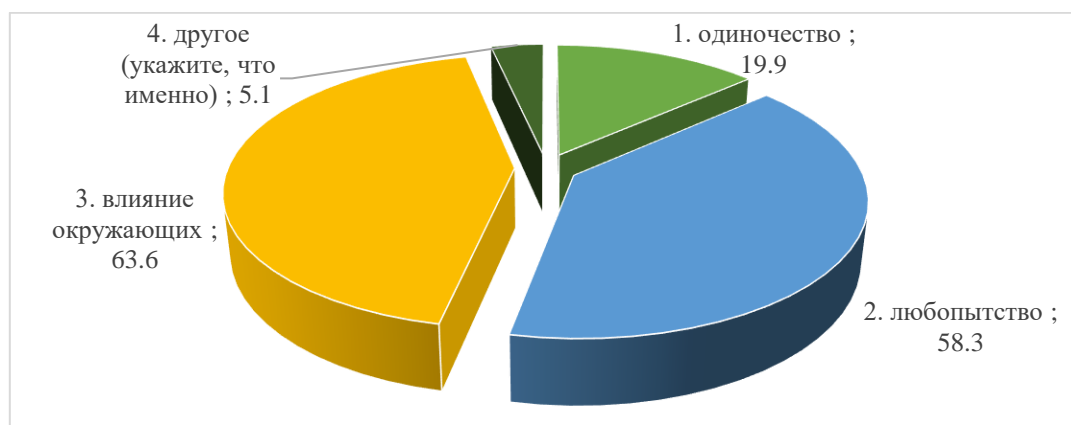

Рисунок 4. Ответы студентов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, толкает людей на потребление наркотиков?»

Управление ситуацией, связанной с наркотизацией молодежи – важный аспект предотвращения наркотизации нации. И немаловажную роль здесь играет осознание важности и необходимости такой работы и готовность молодых людей включиться в мероприятия по предотвращению роста наркотической зависимости.

Отвечая на вопрос о действенности мер по изменению существующей ситуации, большинство студенческой молодежи остановили свой выбор на 3 главных мерах (ответы показали близкое статистическое значение): изменение законодательства (44,7%), введение принудительного лечения (43,8%), увеличение мероприятий пропаганды употребления наркотиков среди молодежи (40,5%). 21,8% показали значимость увеличение числа досуговых учреждений.

Свою готовность к участию и поддержку анонимного тестирования несовершеннолетних на употребление наркотических веществ продемонстрировали 68,4%. Однозначный отрицательный ответ дали 15,6%. Мы считаем, что в эту группу могли войти ребята, так называемые борцы за право на личную жизнь и свободу выбора, которые не имеют никакого отношения к ситуации наркотизации студенческой молодежи, но считают необходимым высказать свой протест против таких мер, ошибочно считая, что такое тестирование будет принудительным или будет связано с обнародованием информации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Определение факторов риска вовлечения несовершеннолетних в алкогольную и наркотическую среды позволяет снизить или вовсе исключить их активность. Наиболее значимыми факторами риска для несовершеннолетних являются: индивидуальные, семейные и социальные. В основе модели факторов риска и защиты лежит процесс определения показателей, влияющих на вероятность приобщения человека к сфере потребления наркотиков и алкоголя и связанные с этим проблемы.

Студенческая молодежь демонстрируют понимание явления наркомании как определенной формы зависимости, болезни и

уголовного преступления, подчеркивая необратимость наказания в случае изготовления, сбыта или хранения наркотиков. Не все студенты видят возможность наказания лиц, употребляющих наркотики. Большинство студентов настроены оптимистично относительно возможности возвращения к нормальной жизни лиц, зависимых от наркотических веществ. С одной стороны – это правильная позиция, но с другой – возможно увеличение знаний трудности такой ресоциализации, как с физической, так и социально-психологической точки зрения, создало бы дополнительный негативный фон, при выборе своей жизненной траектории для молодежи.

Большинство студентов высказывают гуманную позицию по отношению к оступившемуся людям, нетерпимость проявляют менее 10% опрошенных. Но, говоря о личном отношении, студенты демонстрируют негативную оценку, высказывают осуждение, опасение, стремление избегать столкновения с такими личностями. Также, студенты голосуют за ужесточение мер борьбы с наркотической ситуацией, и в большинстве своем готовы пройти и поддержать анонимное тестирование на употребление наркотиков.

References

1. Шаповалова И.С. Понятие субсредовых локусов среды обитания человека // Научный результат. Социология и управление. – 2015. – № 3. – С. 93-100.
2. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии. – М. : Социальное здоровье России, 1994. – 220 с.
3. Белкин, А. С. Основы возрастной педагогики. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 192 с.

4. Завражин, С. А. Адаптация детей с ограниченными возможностями. – М. : Академический Проект, 2005. – 400 с.
5. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб. : Речь, 2010. – 256 с.
6. Сирота, Н. А. Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы. – М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2008. – 380 с.
7. Андреев, А. М. Девиантное поведение подростков и молодежи: причины, особенности и меры предупреждения // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. – 2010. – № 4. – С. 120-125.
8. Ковальчук, М. А. Профилактика девиантного поведения старшеклассников. – Ярославль : Издательство ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2002. – 242 с.
9. Остапенко, Г. С. Анализ особенностей личности подростков с девиантным поведением. // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 54-60.
10. Ананьев, Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 250 с.
11. Морозова, Н. В. Психологические особенности школьной дезадаптации учащихся старших классов. – М. : Наука, 1996. – 230 с.
12. Габиани, А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. – М. : Издательство Смысл, 1990. – 250 с.
13. Гишинский, Я. И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. – СПб. : Феникс, 1993. – 347 с.
14. Кесельман, Л. Е. Социальные координаты наркотизма. – СПб. : Ренессанс, 1998. – 340 с.

15. Лисецкий, К. С. Опыт построения модели системы профилактики молодёжной наркомании в г. Муравленко. – Самара : Наука, 2005. – 280 с.
16. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб. : Речь, 2010. – 256 с.
17. Анохина, И. П. Основные биологические механизмы алкогольной и наркотической зависимости. – М. : Наука, 2002. – 340 с.
18. Белогуров, С. Б. Популярно о наркотиках и наркоманиях. – СПб. : Речь, 1987. – 315 с.
19. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения. – СПб. : Речь, 2005. – 445 с.

UDC 316

Simonova I.V. Features of socialization of the individual in the modern information society

Simonova Irina Viktorovna

student of the 3th course, bachelor, Nizhnevartovsk state University

Scientific adviser:

Gutova S. G. PhD, Associate Professor Nizhnevartovsk State University

Abstract. The article deals with topical issues related to the development of modern personality. The purpose of the study is to identify the characteristics of the socialization of the personality of a new type. The paper presents an analysis of the main factors influencing the process of human formation in the information society. It is noted that human activity acquires a new functional significance, which is expressed in changing the modes of communication and the sign system as a whole. The article concludes that under the influence of information processes a new type of "collective personality" is being formed.

Keywords: personality, socialization, dialogue of cultures, information society, communication, collective intelligence

Information processes in modern society are already clearly acting as key factors in evolutionary development. The social form is transformed mainly in accordance with the goals of the information society. Today this stage stands out in the historical formation of humankind, in which the leading role belongs to the trend, where the progressive path (in the sense of the complexity of the system, together with its ability to maintain the stability of its structure for a long time) appears as the only possible one.

The most complex systems are created in the field of information technology and the functioning of knowledge. This situation requires increasing efforts of all socio-cultural structures that face a real prospect of their inadequacy to the requirements of information civilization [1]. This

becomes the main problem for the developing personality, which today is the main bearer of the values of modern society.

The traditional understanding of the individual is connected with the concept of the "atomic individual", that is, the fundamental properties of the individual, its value and status are directly determined by the ability for autonomous self-realization, the manifestation of unique, individual properties and activity. The information realities of the last decades show that the super individual or, more precisely, the "networked" mind (intellect) is possible and, moreover, already functions.

Concerning global information networks, one can speak not only about the existence of network intelligence, but also in the formation of a "networked personality" capable of responding to the external background of information, accumulating internal memory, and, most importantly, capable of internal dialogue - the main parameter of a person's mental fullness. If we consider this phenomenon as an evolutionary system-forming factor, then the transformation of an individual-individual into a collective personality is not a rational-violent process, but, on the contrary, represents an objective and regular movement toward a certain mode of existence.

The current situation is characterized by the transition from socially oriented development to the dominance of intellectual factors, on the one hand, and the discovery of new means and ways of realizing the personal principle, on the other. Mass society creating a huge number of obstacles to the development of the individual, also creates a favorable situation for overcoming the one-sidedness of this personality, including through education, which sets a minimum for the average person [3, p. 29].

Personality in the information society cannot remain static. However, the essence, that is, the way of realization, is constantly associated with intensive acquisition, exchange and use of various kinds of information. As

a result, of this, the life activity of a person acquires a new functional significance, which is noticeably expressed already today in the change in the mode of communication, the radical reorganization of the sign system, and so on. According to A. Moll: "Culture is realized through the individual and collective presence of man in the world, conditionally represented at different poles of being" [4, p. 47]. Man remains the main generator of the creative process, but spontaneous creation gives way to planned, programmed actions, and the discoveries themselves become a matter of technique.

When a person loses priority in this area, (the machine will master the technologies of discovery), then humanity will make another leap - this is the way to collective intelligence through a stable system of the information society. The main factor in its development will be the "collective personality", no longer striving for absolute freedom and opposition to others, since the main incentives - creativity and the desire for autonomous expression - will no longer be its privilege. Unity of goals will be achieved through going beyond the "human" in general. These goals are also inaccessible and alien to the modern man as an ideal of communism - the Neanderthal man.

Here, new perspectives of the individual and humanity as a whole open up. We can call this the evolution of the "collective personality". The meaning of the existence of such a person is a kind of "collective business", and free expression, creativity is manifested as its awareness. At the present stage, the goal is the development itself, that is, the formation of a perfect body that can function under the new conditions (therefore, it is a matter of deed, not good, as the ultimate goal remains beyond the limits of rational understanding and, especially, experience).

The qualitative difference between the new "collective personalities" consists in the very method of relations with oneself and with society. On the one hand, such a personality needs to overcome all the desire for isolation and absolute self-sufficiency (this development trend so far dominates in modern civilized society). On the other hand? It strives to remove alienation in the process of realizing those abilities and qualities that purposefully educate society in it, and, thus, go beyond their interests.

One of the problems of modern society in the constant confrontation of the interests of an individual person, whose freedom and independence often become an end in themselves, and the interests of the majority, forced the common good to limit its freedom. Any theoretical and practical attempts to reconcile these trends have so far encountered insuperable obstacles. As E. Fromm pointed out in his work "Healthy Society", any changes in the society are closely related, while he stressed the special role of education and culture [5, p.129].

At this stage of social evolution, the existing opposition of interests is unsolvable for a number of objective reasons. However, the formation of a new person as a "collective personality" in the information society may in the future eliminate this problem. Thus, "The creation of" collective intelligence "and its constant reproduction as a more stable system is the goal of the existence of a new personality. Such an understanding of historical development inevitably brings humanity back to the idea of "revaluing values". [2, p.241].

References

1. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 431 с.

2. Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Формирование коллективной личности в информационном обществе как элемент социокультурной динамики // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 2-1 (26). – С. 234-249.
3. Гутова С.Г. О Будущем отечественной духовной культуры // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-5. – С. 1096-1100.
4. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. – М: АСТ: Транзит- книга, 2005. – 571 с.

UDC 316.776

Vaskina A. Problems of modern cultural policy: ways to solve

Vaskina Alena Sergeevna

student of the 4th course, bachelor, Nizhnevartovsk state University

Scientific adviser:

Gutova S. G. PhD, Associate Professor Nizhnevartovsk State University

Abstract. The article deals with topical issues related to solving the main problems in the sphere of contemporary cultural policy. The purpose of the study is to identify the characteristics of cultural policy in Russia. The work analyzes the world experience of establishing cultural ties. The interaction of culture and the state in modern society is being investigated. The possibilities of using new strategies for more effective implementation of cultural policy in Russia are explored.

Keywords: cultural policy, Russian culture, state, cultural problems

Due to the rather long period of the crisis in the cultural space that Russia experienced at the end of the 20th century, most of the problems still need to be solved in the state cultural policy. For example, the weak effectiveness of the actions of the authorities at all levels is noteworthy: the lack of support for reforms, the declaration of development goals that have no real embodiment, the preservation of the principle of "residual" attention in relation to culture, the deterioration of the position of cultural institutions and the state of cultural heritage. "It is obvious today that the development of culture is not directly related to economic, legal or purely applied research, is not only not mandatory, not necessary, but even burdensome, i.e. "Superfluous" for society "[2, p.1096].

Various specialists, cultural figures, and representatives of management bodies in the sphere of cultural policy raised issues related to problems in the industry. Thus, I.G. Khangeldiyeva in the article "Cultural Policy. Modern problems of Russian cultural policy "[8], notes that the

difficulties of Russia's current cultural policy are financial, legal and conceptual. At the beginning of the reforms, it was stated that Russia is integrating into the world cultural space, and consequently recognizes the priority of universal spiritual values, which are actualized through the national mentality. This concept turned out to be an unbearable burden for some politicians, as well as some members of society. The researcher also notes that conceptually the priority of the spirit and the freedom of the individual are declared, but they are practically not realized, because of the lack of legal and economic side.

In the work "World experience of multichannel financing of culture" A.A. Oganov and IG Khangeldiyeva noted one of the most important problems of the contemporary development of culture in Russia, namely the total lack of financial resources at all levels of its actualization from the federal to the municipal. Often a similar situation is treated as the costs of a market economy. However, the Russian culture has not become a real segment of the domestic economy, and it will not soon be possible to become it. In this regard, the authors raise the question: Is the market contraindicated in culture and art and possibly the productive coexistence of the market and culture [7].

It is common knowledge that such a tool as cultural policy regulates the relationship between culture and the state. It is within the framework of cultural policy that the main principles of state support for culture are determined, including financial conditions. The authors give examples of models of interaction between culture and the state existing within the framework of developed market states. In particular, the experience of France, which, using the experience of other developed countries, where sponsorships and corporate, individual philanthropy, became the main forms of funding for culture, adopted the Law "On Patronage". This is a unique

law, which makes it possible to attract new financial means to culture and at the same time does not restrict freedom of creativity. According to the law, all those who invest in culture receive unique tax benefits. Tax benefits are extended to both legal entities and individual citizens. Funds are accumulated by various funds, which are then redistributed. The peculiarities of the French legislation are such that each company can create its own fund in support of the social and cultural sphere to deduct up to 66% of the contribution amount in favor of the social sphere, including culture [8]. Thus, France, like many countries of the European Union, is implementing effective multi-channel financing.

Another vivid example of the coexistence of culture and business is the United Kingdom. British financing of culture is a financing made from two main sources: the state and business, which under certain conditions becomes a collective philanthropist. Corporate sponsorship is becoming for Britain a very important mechanism for financing culture, parity with government efforts. A number of intermediary agencies have been established in the country, which accumulate funds for culture and art. The mission of these agencies is to attract financial resources for culture and art from the business sector of the economy [8].

In the report "Culture and the future of Russia: a new view," which was prepared by a large group of the best specialists and scientists, extremely disturbing conclusions were heard [1, p. 29]. The authors criticized the state ideology, which regards the support of culture as an onerous duty of the "patron state" and stressed the need for a more adequate understanding of culture as a strategic resource for development. The need to change the strategy of state cultural policy was especially emphasized [5].

The report argued that the transformations in the economic and socio-political system that occurred in the 90s of the XX century have a number of

negative consequences, including the defeat of the humanitarian sector of the social sphere - science, education, culture: the state was rapidly and thoughtlessly released from its constitutional responsibility for the state of the cultural environment and financial support for culture. In the 1990s there was a twofold decrease in the financing of culture, and as a result, the accessibility of cultural goods for many population groups decreased. In cities, this is due to the multiple price increases, in villages, towns, small towns - with the closure of cultural institutions. Attempts to transfer the houses of culture of enterprises, trade union houses of culture and clubs to the state often ended with their redevelopment. The authors of the report concluded that the installation of the 1990s was erroneous, according to which human capital and cultural degradation must be paid for market reforms [1, p.29].

As one of the authors of the report noted, "a new view of culture requires a new strategy - the strategy of the" social imperative "[6]. In other words, instead of the residual principle and "bounty of bureaucrats", the state budgetary obligations at the federal and regional levels should be legislatively established in the form of standards for a minimum share of state budget expenditures on culture and minimum wages in this sphere.

Considering the issues of cultural heritage, it is important to emphasize that the state is the guarantor of preserving all monuments regardless of the status of protection, the form of ownership and the nature of use. This function of the state and the exceptional measure of its responsibility to society that follows from this must be recognized as the main one.

One of the tools for forming a positive perception of the culture society is television. In this context, the following measures are proposed:

1) support for a variety of studies on the multidimensional impact of television content on different population groups;

2) the desire of the state and society to discuss the objectively fixed cultural consequences of media programs, regularly conduct public debates on these topics, both professionals and representatives of civil society;

3) the introduction of boards of trustees with the participation of experts, at least on the state channels, which would allow for adjustments in the process of programming the weekly grids, but most importantly - would allow the society itself, and not only the top managers of media holdings, to participate in the development of television and cultural policies .

Thus, it is possible to propose the following recommendations for improving state regulation of the sphere of culture:

First, the introduction of a policy of tax protectionism: tax incentives for various participants in scientific, educational and cultural activities.

Secondly, the use of marked taxes in favor of culture: special taxes and / or deductions - a certain proportion of existing taxes, fees and duties (tax on gambling, customs, etc.) - in favor of science, education and culture.

Thirdly, the introduction of self-managed funds for cultural support: to provide targeted support to initiatives in the field of education, culture and cultural heritage, implemented by individual workers and / or their small teams.

Fourthly, the introduction of the principle of counter-subsidies: involves the sharing of budgetary funds of a higher level, subject to additional allocations from a lower-level budget or the attraction of extra budgetary financial resources, will support important and often completely new initiatives that do not fit into the traditional framework of the current system.

Fifthly, the delimitation of intellectual property rights implies the introduction of the right to the final product created by the organization of science, education and culture, which will allow the return to the social sector of the economy of proceeds from the unauthorized use of science, education and culture products illegally extracted by individuals and legal entities.

In general, it can be concluded that state cultural policy is a set of principles and norms that guide the state in its activities for the preservation, development and dissemination of culture, as well as the state's activities in the field of culture. In addition, cultural policy performs several important functions: protective, constructive and control function.

World experience demonstrates the existence of several options for implementing the state cultural policy, presented by different models. For modern Russia, as for the country in which the crisis of culture and cultural policy is still preserved, it is necessary to choose the right model for interaction between the state and culture.

The real practice of implementing cultural policy in the post-Soviet period of Russian history has shown that the federal authorities, while devoting issues of cultural development to the regions, distance themselves from solving problems. This could not but lead to a crisis in the cultural space, because the state and municipal property is the largest part of cultural institutions.

Over the past decade, the state has been trying to solve the problems of cultural policy legally, but the transformations carried out to ensure the effectiveness of public administration do not always take into account the specifics of cultural institutions, art education. Within the framework of the transformations, a transition was made to the targeted program-target. To support non-profit institutions of art and culture, the state switched to a

multi-channel system of sources of funding. However, as many researchers note, the measures taken by the state are not always effective.

The situation in the cultural policy speaks about the need to develop and improve the state regulation of cultural policy. To solve this problem, the main directions of state policy for the development of the sphere of culture and mass communications in Russia until 2015 were formulated. Within the framework of this document, relevant measures have been developed aimed at solving many problems in the field of culture.

However, despite the aforementioned state reforms, the sphere of culture still depends on state funding; therefore, one of the key conditions for its political support remains a clear and convincing representation of culture as a condition strategically necessary for achieving social well-being and innovative development. This is especially important for the improvement of cultural youth policy, since it is: "Youth culture that can be considered as a platform for introducing various innovative ideas" [4, p. 219].

It should be emphasized that the system of public administration, organization, financing and control in the sphere of culture requires modernization in accordance with changed conditions, ensuring accessibility of cultural goods for all strata of the population, raising the level of cultural and information security, and participation of citizens in cultural creativity. At the same time, it is important not to forget that "... a person cannot exist without spiritual needs, it is part of a culture that simultaneously creates and consumes it. The question of the priority of spiritual and material values is very important in all spheres of socialization and directly affects the improvement of society, the strengthening of morality, which should guide public opinion "[3, p.34].

Similarly, it can be concluded that the crisis in the spiritual culture is overcome only if the state approach to the development of socially-oriented legislation is integrated, based on scientific forecasting and planning, with the appropriate organizational and economic support.

References

1. Гудима, Т. М. Нерешенные проблемы культурной политики современной России // Культурная политика. 2008. -№4. С. 29.
2. Гутова С.Г. О Будущем отечественной духовной культуры // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-5. С. 1096-1100.
3. Гутова С.Г. Образование как социальный институт и его значение для современной культуры // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО-Югры, НВГУ Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2014. С. 28-35.
4. Гутова С.Г. Проблемы молодежной культуры в современном российском обществе // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор А.В. Коричко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, Нижневартровский государственный университет. 2014. С. 217-219.
5. Калягин, А.А. Государственная культурная политика России: смена стратегии [Электронный ресурс] // URL :opr.f.ru/files/files/dokladculturastrategy.doc (21.02.13)

6. Компендиум: культурная политика и тенденции ее развития в Европе. 12. изд. / Совет Европы; ERICarts. 2011. С. 4.

7. Оганов, А.А., Хангельдиева, И.Г. Мировой опыт многоканального финансирования культуры [Электронный ресурс] – URL: <http://artpragmatica.ru/projects/?uid=2290> (21.02.13)

8. Хангельдиева, И.Г. Культурная политика. Современные проблемы российской культурной политики. Фонд знаний «Ломоносов» - сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01302:article>

SECTION 3. TEACHING AND EDUCATION

UDC 37

Dmitriev Y.A., Kalinina T.V., Krotova T.V. Multimedia presentations in the education of pre-school children

Мультимедийные презентации в образовании детей дошкольного
возраста

Dmitriev Yuri A.,
ScD in Education, Professor,
Pre-school Pedagogy Department,
Moscow State Pedagogical University

Tatiana Kalinina V.,
Ed.M., seniorteacher,
Pre-school Pedagogy Department,
Moscow State Pedagogical University

Krotova Tatyana V.,
PhD., Associate Professor
Pre-school Pedagogy Department
Moscow State Pedagogical University

Дмитриев Ю.А.,
д.п.н., профессор кафедры дошкольной педагогики
Московский педагогический государственный университет
Калинина Т.В., ст.преподаватель кафедры дошкольной
педагогики

Московский педагогический государственный университет
Т.В.Кротова, к.п.н., доцент МПГУ

Кротова Т.В.
к.п.н., доцент кафедры дошкольной педагогики
Московский педагогический государственный университет

Abstract. The article is devoted to problems of preparation and using multimedia presentations in the educational process. The authors consider the essence and meaning of multimedia presentation, their role in education of pre-school children. There are recommendations, demands and criteria of preparations multimedia presentations for pre-school children in the article.

Keywords: multimedia presentation, consideration of age opportunities pre-school children during preparation multimedia presentations, demands for preparations multimedia presentations for pre-school children

Аннотация. Статья посвящена проблеме подготовки и использования мультимедийных презентаций в дошкольном

образовательном процессе. Авторы рассматривают сущность и значение мультимедийных презентаций, их роль в образовании детей дошкольного возраста. Представлены рекомендации, требования и критерии для подготовки мультимедийной презентации для детей.

Ключевые слова: мультимедийная презентация, учет возрастных возможностей детей дошкольного возраста при подготовке презентации, требования к мультимедийной презентации для детей.

Мультимедийная презентация (от лат. praesentatio — общественное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного) — информационный или рекламный инструмент, позволяющий пользователю активно взаимодействовать с ним через элементы управления. [1]

Сегодня мультимедийные презентации становятся неотъемлемой частью образовательного процесса не только в школе, но и в дошкольных образовательных организациях[2].

Этот процесс обуславливается целым рядом преимуществ, которые дает мультимедийная презентация как средство обучения. Так, использование мультимедийных презентаций при представлении информации активизирует различные каналы восприятия, усиливает эмоциональную составляющую, создает эффект «погружения», что соответственно облегчает интеллектуальную деятельность и усиливает мотивацию. Мультимедийные технологии способствуют повышению эффективности процесса обучения в силу того, что в процесс восприятия информации в этом случае включается сразу несколько анализаторов.

Мультимедийные презентации все более широко применяются и доказывают свою значительную эффективность в образовании на разных его уровнях. Специальные исследования показывают, что обучаемый с первого раза запоминает лишь четверть услышанного и треть увиденного, при комбинированном воздействии на слух и зрение

- половину, а при вовлечении обучаемого в интерактивные действия доля усвоенного материала значительно увеличивается. В процессе использования систем мультимедиа доля усвоения учебного материала повышается до 75% [3]. При включении обучаемого в процесс продуктивной творческой деятельности по усвоению и закреплению учебного материала результативность достигает максимального эффекта.[4]

Включение мультимедийной презентации в образовательный процесс позволяет:

- моделировать различные ситуации, недоступные повседневному восприятию (показать явления в развитии, в ускоренном или замедленном темпе, в масштабе), существенно обогатить содержание образовательного процесса. Обучающий и развивающий материал в мультимедийных презентациях предстает как систем ярких опорных образов. Информация в этом случае начинает характеризоваться структурированностью и алгоритмизацией.

- содействовать процессу запоминания, сделать процесс обучения более интересным и динамичным, создать иллюзию соприсутствия, сопереживания, способствует становлению объемных и ярких представлений.

- повысить эффективность подготовки старших дошкольников к школьному обучению. Она чаще всего строится на системе развивающих игр и необходимости формирования у детей произвольно-контекстной формы общения и предпосылок учебной деятельности.

- реализовать интерактивность обучения дошкольников, обеспечивая индивидуальный темп и ритм учебной деятельности, в частности для детей с ОВЗ.

- обеспечить возможность увеличения доли самостоятельной познавательной деятельности, сочетание фронтальной, групповой, индивидуальной познавательной деятельности, подготовить детей к самообразованию.

- обеспечить контроль и оценку уровня образовательной деятельности детей, осуществить коррекцию учебно-познавательной деятельности детей в условиях инклюзивного образования.

Эффективность мультимедийных презентаций зависит от качества используемых материалов и мастерства педагогов, участвующих в этом процессе. Однако, в настоящее время процесс создания и применения мультимедийных презентаций в образовательной работе с детьми дошкольного возраста, носит скорее стихийный характер. Уровень технической подготовки педагогов в основном позволяет им работать с программой PowerPoint- наиболее известным форматом презентаций, состоящий из слайдов. При этом отсутствуют единые технические и методические требования к мультимедийным презентациям для детей дошкольного возраста.

Остановимся на эргономических требованиях к мультимедийным презентациям. В отношении детей дошкольного возраста эргономика должна учитывать игровой и развивающий характер детских деятельностей, а так же наглядность представляемого материала. Еще К. Д. Ушинский заметил: «Детская природа требует наглядности», «дитя мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще». Такие средства наглядности в единстве позволяют снизить утомляемость, избежать монотонии, повысить интерес детей к изучаемому материалу и его усвоение, т.к. задействованы все каналы восприятия детей – зрительный, слуховой и эмоциональный. Важно помнить, что мультимедийная презентация не заменяет занятие, а

используется как его часть или сопровождение для общения с детьми на заданную тему. Поэтому прежде, чем приступить к созданию мультимедийной презентации необходимо определить учебную цель и основную идею (подача нового материала, закрепление пройденного, обобщение знаний и т.д.); продумать структуру и логику подачи материала; решить вопрос целесообразности использования именно этого средства для работы с детьми.

Мы можем выделить следующие эргономические и психолого-педагогические требования, которые необходимо учитывать при проектировании слайдов мультимедийной презентации для детей дошкольного возраста:

- использование цвета, графики, анимации, звука, видеоизображения (основное содержание слайдов должно состоять, прежде всего, из аудиовизуального ряда, видео, подборки фотографий или серии предметных картинок, что в наилучшей степени отвечает наглядно-образному мышлению детей дошкольного возраста). Звуковое сопровождение должно способствовать лучшему восприятию информации;

- учет возрастных особенностей восприятия детей дошкольного возраста (низкая произвольность и неустойчивость внимания, и т.д.);

- тщательный отбор используемых образов и способов их трансформации (образы должны быть крупные, отчетливые и явно выделяются на окружающем их фоне, в то же время — узнаваемы и доступны по содержанию) К способам трансформации относятся перемещения объектов, преобразования одних образов в другие, перекрашивания, изменения размеров, ориентации, взаимного расположения образов. Здесь важно отметить, что для детей дошкольного возраста изменения не должны быть слишком быстрыми,

поскольку скорость восприятия образа, оценки ситуации и реакции на нее у детей невелика;

- проектирование объема и расположение информации на слайде (оформления слайдов предполагает наличие общего стиля; наиболее важная информация располагается в центре слайда; если есть картинка, то надпись должна располагаться под ней; не допускается перегруз слайда незначительными деталями, персонажами картинками и т.д.);

- ввиду того, что дети дошкольного возраста не умеют читать либо только учатся, текстовой информации должно быть минимум (колонтитулы с названием слайдов или короткие вопросы к слайду), желательно разработка озвученной презентации с учетом возраста детей. Исключение составляют презентации, направленные на развитие речи и письма, где используются буквы увеличенного размера, легко читаемые, контрастные по отношению к фону;

- выбор допустимой степени интерактивности (т.е. закладывается ли возможность активного «вмешательства» детей в презентуемый материал);

- применение анимации (используется только для привлечения внимания детей к какому-то элементу на слайде; при смене слайдов, анимация, как правило, не используется, что бы не рассеивать внимание);

- учет количества общего времени, затрачиваемого на демонстрацию презентации.

- использование игровых, занимательных способов подачи информации (сказочный сюжет с приключениями.сюрпризами, проблемными ситуациями, заданиями, требующими творческого решения), направленной на развитие познавательного интереса и мотивации детей к обучению, содействующей их воспитанию,

развитию и обучению. Например, возможно сопровождение сюжета презентации сказочным героем, уже хорошо знакомым и любимым детям.

• Презентацию желательно заканчивать заданиями, ориентирующими детей на самостоятельный (с помощью родителей) поиск дополнительной информации из различных источников, проектную деятельность, подготовку сообщений и собственных творческих докладов, презентаций.

Все перечисленные требования к презентации для детей дошкольного возраста, учитывающие их возрастные психолого-педагогические и индивидуальные возможности, добавляются к общим правилам и требованиям к мультимедийной презентации, например к объему, времени демонстрации (до 20 кадров, 10-15 мин.), качеству иллюстративного материала (фото, рисунки, схемы в высоком разрешении), контрастность фона и текста, четкая образовательная цель и логика изложения, оптимальное сочетание наглядности, звука, графики, анимации.

References

1. Лазарев, Дмитрий Презентация: Лучше один раз увидеть! / Д. Лазарев. — М.: «Альпина Бизнес Букс», 2009. — С. 142.
2. Информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности педагога дошкольного образования / Дмитриев Ю. А., Калинина Т. В., Кротова Т. В. – Москва : МПГУ, 2016. – 188 с.

3. Утенин М.В. УИнформационная компетентность и мультимедиа: история, перспективы, мнения. - Оренбург, ООО «Агентство «Пресса», 2006. -240 с.

4. Клемешова Н.В. Мультимедиа как дидактическое средство высшей школы: Дис. ... канд. пед. наук.- Калининград, 1999, с. 5.

UDC 37

Dubakov A., Olar J., Khilchenko T. The methodical competence of a foreign language teacher development by means of the university scientific laboratory

Dubakov Artyom

PhD, Associate Professor, Department of the English Language and its Teaching Methods,
Shadrinsk State Pedagogical University

Olar Julia

PhD, Associate Professor, Department of the English Language and its Teaching Methods,
Shadrinsk State Pedagogical University

Khilchenko Tatyana

PhD, Associate Professor, Department of the English Language and its Teaching Methods,
Shadrinsk State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the role and facilities of a scientific laboratory in the process of the methodical competence of a foreign language teacher development. The authors dwell upon the notion of “a methodical competence of a foreign language teacher”, distinguish its principal structural components, and detail the facilities of a scientific laboratory as a professional and educational environment specifically organized for methodical competence of a foreign language teacher development.

Keywords: a scientific laboratory in a pedagogical university, the methodical competence of a foreign language teacher development.

The problem of a teacher’s professional development is one of the most actual pedagogical problems. A modern foreign language teacher must follow the current educational innovations, aim at the professional self-development and self-education, and be ready to implement the knowledge in the context of different educational circumstances. Basing on a high level of the foreign language competence, a foreign language teacher must effectively organize the educational process in different types of educational

establishments, i.e. possess the ample methodical competence. Its development is perceived as a specifically organized and continual process ensured by different means. Pedagogical Universities provide a foreign language teacher with all the possibilities for the development of the professional competence as a whole, as well as the methodical competence as its component. A university scientific laboratory is viewed as a specifically organized multifunctional environment.

Before analyzing the educational facilities of a university scientific laboratory, we would dwell on the terminological characteristics of the methodical competence of a foreign language teacher. In general terms, the methodical competence of a foreign language teacher is a combination of the knowledge about the essential educational features and the practical skills that lay in its effective organization. The methodical competence of a foreign language teacher is determined as a complex phenomenon consisting of the following components: the knowledge component, the analytical component, the designing component, the communicative component, the information and communication component, the innovation component, the research component, the reflexive component. Each component is represented by the appropriate competence [1].

The knowledge competence reflects the theoretical basis of the methodical competence and presents different features of the methods of foreign languages teaching: its genesis, general and particular patterns of the foreign language teaching process, approaches, methods, forms, means, technologies, etc.

The analytical competence implies the readiness to distinguish and analyze the features of a foreign language teaching process in general and in particular, the logical usage of the terms and concepts. A future foreign language teacher must learn to analyze theoretical and practical parts of the

foreign language teaching process in different educational establishments. By means of this analysis a teacher avoids many linguodidactic mistakes, corrects his own pedagogical activity.

The designing competence means the readiness to the efficient lesson and extra-curricular planning, done in accordance with a particular stage as well as the usage of the modern educational methods and means.

The communicative competence means the readiness to form the students' foreign language competence by means of cooperating with them in different educational circumstances.

The information and communication competence implies the readiness to the rational and reasonable usage of the computer educational means of the foreign language teaching, the independent creation of the computer linguodidactic product.

The innovation competence is particularly actual in the process of educational modernization, and it means the readiness to the optimal introduction of the didactic innovations into the educational process, the ability to see their potential educational effectiveness, the skills to create an innovative didactic environment.

The research competence means the readiness to conduct pedagogical research and to introduce its results into the educational process.

The reflexive competence implies the readiness to the professional self-examination and on this basis the further correction of the pedagogical activity.

These specified structural components of the methodical competence of a foreign language teacher are signified in general terms. Their number could be enlarged depending on the type of an educational establishment, an age level of students, etc. Besides, taking into consideration the dependence of the methodical competence of a future foreign language teacher on the

social changes and educational innovations, we can draw the conclusion about the necessity to substantiate the new components of the methodical competence in the future. This competence also depends on other subcompetences, constituting the structure of the professional competence of a foreign language teacher.

The scientific laboratories present a specific trend in the university science. They are organized in the chairs with the purpose to conduct the profile research to involve the students to the scientific work, and to organize different scientific events. As a rule, the members of the laboratory work on some current scientific problem, analyzing and developing it from different angles. In the same time, a university laboratory often bears a complex character and aims at the organization of different research.

The possibilities of a university scientific laboratory as the innovative environment for the development and perfection of the methodical competence are worth mentioning. In fact, the members of the laboratory can accompany a teacher in the process of the methodical competence development.

Sharing the opinion of V.G. Reshetnikova, we believe, that the methodical accompaniment of a teacher by means of the university scientific laboratory can be carried out with the help of:

- 1) providing a methodical support;
- 2) creating the organizational and methodical conditions for the participation of teachers in different events;
- 3) rendering the methodical support for teachers who conduct a scientific research or carry out a pedagogical experiment [2].

The university scientific laboratory can become a core in relations "school – university". The results of a laboratory research can be

implemented in the educational process at school. Members of the laboratory organize such informative events as workshops, problematic seminars, webinars, lectures, trainings, etc. During the organization of these events a straightforward influence on the formation of different structural components is made.

To ground the position, we would like to describe the work of the linguo-methodical scientific laboratory “The techniques and methods of teaching English”. This laboratory was organized in 2008 within the Chair of the Second Foreign Language in Shadrinsk State Pedagogical University. Nowadays, this laboratory functions within the Chair of the English Language and Methods of its Teaching.

The aim of the laboratory is the creation of a unified scientific-methodical and experimental environment for solving educational-methodical and scientific problems in theory and practice of the English language teaching.

The major directions of the activity in the laboratory are as follows:

1. Study of the actual problems of the English language teaching at school, colleges and universities.
2. Synthesis and analysis of the positive experience in the English language teaching.
3. Use of the research results for improving the English language teaching.
4. Creation of the informative-analytical and scientific-methodical support for the school and college teachers in Shadrinsk and Shadrinsk district.
5. Participation in scientific programs development in different levels.
6. Organization of the thematic scientific conferences, pedagogical forums, seminars and workshops.

7. Organization of the professional contests for the English language teachers.

8. Organization of the linguistic events and contests for the school children and college students of Shadrinsk and Shadrinsk district.

9. Support of the students' scientific activity in the sphere of foreign languages learning and teaching.

10. Creation of contacts with the Russian and foreign teachers and students from different educational establishments.

11. Organization of the methodical support to the young English language teachers.

It should be mentioned that the members of the laboratory have participated in:

1) the international scientific-practical conference "The actual problems of the linguistics and theory of teaching languages and culture" (Shadrinsk, 2009);

2) the all-Russia scientific-practical conference "The professional community of the teachers in the XXI century";

3) the international students' interactive seminar "The actual problems of foreign language learning and teaching in Russia and abroad" (Shadrinsk, 2009);

4) the international forum of students' science "Language. Culture. Education" (Shadrinsk, 2011);

5) seminars and workshops for school and college teachers on the actual problems of the English language teaching ("The informative-communicative technologies in foreign language teaching", "The web-quest technology in foreign language teaching", "The modern lesson of the foreign language within National Education Standard", "Formation of the foreign socio-cultural awareness in primary school", etc.);

6) the interregional contest for the young English language teachers “Steps to the methodical craftsmanship” (Shadrinsk, 2017).

Different actual methodical problems have been developed within the laboratory (“The model of development of the cultural competence of a future foreign language teacher”, “The development of the methodical competence of a foreign language teacher”, “The information and communication technologies in foreign language teaching”, and others). A number of educational programs have been created (“The basics of English for tourists”, etc.).

Taking the described example into consideration, we come to the conclusion that all the components of the methodical competence of a foreign language teacher can be developed by means of the university scientific laboratory. One of the major conditions of the efficient functioning of the laboratory is creation of a laboratory website. It is an innovative means for the systematic interaction within the laboratory that helps to organize the network of the professional community.

References

1. Dubakov A.V. The essence, content and structure of the methodical competence of the future foreign language teacher / A.V. Dubakov // The fundamental and applied scientific research: the collection of articles of the International scientific-practical conference (November 5, 2015, Yekaterinburgh). / in 3 parts. Part 2 – Ufa: Aeterna 2015. – P.141 – 144.
2. Reshetnikov V.G. The Organizational and methodical support of the teachers during the modernization of education / V.G. Reshetnikov // The Omsk scientific messenger. Series “Psychological and pedagogical science”. – 2013. №5 (122). - P.174 – 177.

UDC 37.02

Gerasimenko T. The Factors of the Formation of Communicative Competences as an Important Requirement of the Competitiveness of the Athlete in the International Arena

Факторы формирования коммуникативных компетенций как важного условия конкурентоспособности спортсмена на международной арене

Gerasimenko Tatiana

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages №2,
Plekhanov Russian University of Economics

Герасименко Татьяна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков №2,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Abstract. This article considers the ways to build communicative competences which constitute an important part of the success for students-athletes in their professional activities. Having formed competences of the autonomous activities and critical thinking, using possibilities provided by mobile learning, a student is able to draw up an individual plan of an educational process, complete it successfully and achieve goals – to form language and speech competences in a foreign language and become competitive in the international arena.

Keywords: Communicative competence, autonomous activities, critical thinking, mobile learning, language adaptation, competitiveness.

Аннотация. Данная статья рассматривает условия формирования коммуникативных компетенций у студентов-спортсменов, которые являются важной составляющей их успеха. Только обладая сформированными компетенциями автономной деятельности и критического мышления, с использованием возможностей мобильного обучения, студент может правильно и эффективно выстроить свою индивидуальную схему образовательного процесса и достичь поставленных целей – сформировать языковые и речевые компетенции на иностранном языке и стать конкурентоспособным на международной арене.

Ключевые слова: Коммуникативные компетенции, автономная деятельность, критическое мышление, мобильное обучение, языковая адаптация, конкурентоспособность.

Спортивная индустрия представляется на сегодняшний день одной из динамично развивающихся и наиболее прибыльной. Говорить о национальном характере спорта сложно, так как спорт интернационален. Национальные сборные заключают контракты со спортсменами из разных стран мира и команда одной страны становится уже многонациональной. Спортивные мероприятия проводятся в разных странах, на разных континентах и люди, которые занимаются их организацией, равно как и спортсмены, принимающие в них участие, становятся, по сути, гражданами мира. Разумеется, что они должны быть адаптированы к условиям той среды, где они находятся в данный момент. В связи с этим, хотелось бы затронуть проблему языковой подготовки студентов-спортсменов, так как она непосредственно связана с дисциплиной «Иностранный язык».

Языковая адаптация подразумевает наличие определенного уровня языковых и речевых компетенций, которые формируются в процессе обучения иностранному языку в школе и вузе и практически используются в дальнейшей профессиональной и повседневной деятельности. Их успешное формирование подразумевает наличие мотивации изучения иностранного языка. Есть мнение, что студенты-спортсмены имеют низкий уровень мотивации. Однако, хотелось бы не согласиться с данной точкой зрения, так как работая со студентами-спортсменами, четко прослеживаешь осознание необходимости знания иностранного языка и желания его изучать, так как это является одним из важнейших условий их конкурентоспособности на международной арене и успешному продвижению в профессиональной деятельности. Трудности в его изучении возникают в связи со спецификой их спортивной деятельности, т.е. ежедневные тренировки, занимающие много времени, участие в различных соревнованиях, постоянно

отрывающие от традиционных занятий, огромнейшие физические нагрузки на организм. Безусловно, данная специфика не может быть исключена из профессиональной активности спортсмена, и поэтому процесс изучения иностранного языка должен быть организован максимально эффективным образом с учетом обозначенных выше особенностей. На сегодняшний день имеется богатейший арсенал методов, приемов изучения иностранного языка. Представляется, что наиболее эффективным в данном случае будет правильная организация и использование автономной деятельности студента, развитие навыков критического мышления и использование в образовательном процессе возможностей мобильного обучения. Данные аспекты взаимосвязаны и развивать компетенции автономной, критической и мобильной образовательной деятельности студента обособленно нельзя.

Обозначим их основные положения. Понятие автономии учащегося сложно для определения и понимания. В научном мире ведется много споров по поводу как понимать автономию: это умение, стиль поведения, ответственность или самоконтроль учащегося? Но все, кто занимается проблемой автономии, согласны в том, что учащиеся, которые работают автономно, понимают и осознают свои образовательные цели, свои образовательные программы, принимают и несут ответственность за свою учебу, поэтому сами ставят себе цели, планируют свою образовательную деятельность, осуществляют ее, регулярно анализируют и оценивают ее эффективность. [1,2]. Учебная автономия есть «способность субъекта самостоятельно осуществлять свою учебную деятельность, активно и осознанно управлять ею, осуществлять рефлексию и коррекцию учебной деятельности, и, накапливая индивидуальный опыт, ответственно и независимо принимать квалифицированные решения относительно собственного

учения в различных учебных контекстах при определении степени обособленности, независимости от преподавателя и принятии на себя его функций». [3].

Что касается роли учителя, то он должен перейти из роли поставщика информации в роль советника, помощника и научить учащихся самостоятельно определять, какие знания им необходимы, сформировать необходимые стратегии работы с тем или иным учебным материалом и научить учащихся самостоятельно контролировать динамику получения и усвоения знаний. [4]. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что учащиеся практически становятся организаторами своего образования. И это особенно значимо для спортсменов в силу специфики их деятельности.

Следует также заметить, что автономная деятельность имеет и другие положительные характеристики, одной из которых является персонализация/индивидуализация образовательного процесса. Эффективность и результативность индивидуального обучения очевидны для каждого. Почему не использовать такую возможность?

Более того, индивидуализация способствует гармоничному развитию личности, с учетом физиологических, психологических, когнитивных, эмоциональных и других разноплановых характеристик. Также отмечается, что учащиеся, которые характеризуются более высокой степенью социальной самостоятельности в их учебной среде, проще и быстрее осваивают полный спектр дискурсивных ролей, от которых зависит эффективное спонтанное общение.

Безусловно, успех в формировании навыков автономной деятельности зависит от ряда факторов, но важная роль в данном процессе отводится наличию у учащихся навыков критического мышления. Критическое мышление - это сложный мыслительный

процесс, который начинается с получения информации и заканчивается принятием решения, формированием собственной позиции. Это способность проведения логического анализа необходимой информации для того, чтобы использовать полученные результаты при решении проблем, возникающих как в стандартных, так и нестандартных ситуациях; это умение ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, принимать самостоятельные обоснованные решения. По сути, это мыслительный процесс, посредством которого люди стремятся приобрести знания, деконструировать накопленные знания и создать новые. Более того, формируется навыки вырабатывать собственное мнение, осмысливать свой опыт; приходить к определенным умозаключениям, логично выстраивать цепь доказательств, применяя аргументы; творчески интерпретировать имеющуюся информацию, ранжировать информацию по степени новизны и значимости, смотреть на старые идеи с новой точки зрения; отличать факты от предположений; выявлять причинно-следственные связи и обнаруживать ошибки в них. [5]. Таким образом, формирование компетенций критического мышления тесно связано с формированием автономии учащихся, которая является необходимой составляющей успешного процесса формирования личности, способной воспринимать и использовать накопленный интеллектуальный потенциал.

Успешному достижению поставленной цели способствуют возможности, которые сегодня предоставляют информационные технологии. Именно они позволяют создать ту аутентичную коммуникативную среду, столь необходимую для эффективного изучения иностранного языка и поддерживать ее в течение длительного промежутка времени. Речь идет о мобильном обучении - m-learning.

Специфика предмета «Иностранный язык» заключается в его деятельностной основе, что предусматривает необходимость организации самостоятельной деятельности обучающихся, предоставляя каждому обучающемуся достаточно практики в соответствующем виде речевой деятельности, в упражнениях по формированию соответствующих навыков. Этот фактор и является существенным для использования мобильного обучения в процессе изучения иностранного языка, которое происходит в любое время в любом месте с использованием мобильных устройств. Учащиеся могут свободно перемещаться, выбирать где, когда и как они хотят учиться. Мобильное обучение позволяет организовать самостоятельную индивидуальную работу учащихся, определить области в которых требуется более интенсивное обучение, что весьма значимо в условиях недостаточного количества аудиторных учебных занятий, повысить мотивацию изучения иностранного языка и при правильном руководстве со стороны преподавателя достичь высоких результатов в процессе изучения иностранного языка. Более того, при мобильном обучении используется мультимедийный контент, то есть информация представляется в различных формах: текстовой, графической, звуковой. Материал лучше усваивается и запоминается, повышается интерес к обучению. Учебные материалы легко распространяются между пользователями благодаря современным беспроводным технологиям. [6].

Итак, можно сделать вывод, что обладая сформированными компетенциями автономной деятельности и критического мышления, с использованием возможностей мобильного обучения, студент может правильно и эффективно выстроить свою индивидуальную схему образовательного процесса и достичь поставленных целей –

сформировать языковые и речевые компетенции на иностранном языке и стать конкурентоспособным на международной арене.

References

1. Holec Н. *Autonomy and Foreign Language Learning*// Oxford. Pergamon. -1981.
2. Little D. *Learner Autonomy: Definitions, Issues and Problems*// Dublin: Authentic. -1991.
3. Коряковцева Н.Ф. *Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык*// М., -2002. - С.12.
4. Герасименко Т.Л., Ковальчук С.В., Лобанова Е.И., Нисилевич А.Б., Стрижова Е.В. *Автономная деятельность учащихся как действенный подход к решению вопроса индивидуализации/персонализации образовательного процесса и повышения его эффективности*// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. -2016.- №4.-С.8-16.
5. Герасименко Т.Л, Гулая Т.М. *Опыт использования технологии «Развития критического мышления» в процессе обучения профессионально-ориентированному деловому английскому языку*// Вестник МГГУ им. Шолохова .Серия Педагогика и психология.- 2014.- № 1.-С.54-62.
6. Герасименко Т.Л., Ковальчук С.В., Мохова О.Л. *Возможности и перспективы использования m-learning (мобильного обучения) в процессе изучения иностранного языка*// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика.-2013.- №1.-С.61-64.

UDC 81

Ivanova A.I. Video-based Practical Exercises for Developing Listening Skills

Ivanova Alena Igorevna,

Master degree student,
Teaching Chinese as Foreign Language,
Central China Normal University,
Wuhan, the P.R of China

Scientific adviser

Ioffe T., Assistant Professor of Oriental languages Department,
Omsk State Pedagogical University,
Russia

Abstract. The paper deals with methods of modern education. The author of the paper analyses video-based practical exercises for developing listening skills. The particular attention is paid to the importance of the principles of the systematic and consistent skills improvement and abilities development, which ought to be implemented into the education system.

Keywords: Exercises, listening skills, methods of modern education, lexical and grammatical skills.

One of the key problems of the modern methods of teaching foreign languages is how to teach Listening. Listening, as one of the communication skills, plays a great role in achieving the practical, developmental and educational purposes. Furthermore, it is an effective medium for teaching a foreign language. As nowadays there is a rapid development of the informatization in the educational sphere, one of the most effective ways of teaching Listening is using video fragments in classes of a foreign language.

The intensive using of audiovisual aids in the lessons allows teaching a foreign language as an act of communication. The usage of authentic video-materials for teaching a foreign language develops a

contextual guess and enriches not only the passive vocabulary of students, but also the active one.

Working with the mix of video based exercises is an effective mean of the listening skills development, but only when there is a correct selection of video-materials, the optimal sequence of methods and their selection in accordance with the improved listening skills.

In this article there is a fragment of the lesson, which is based on the 汉语新起点 (第7册) textbook [3, c. 6 – 10]. The fragment involves the video on the topic "看病".

We analyzed video fragments of several multimedia educational complexes. According to the criteria of selecting videos for listening lessons, the video fragment [1] was chosen from the academic and methodological complex "Speaking Chinese" [2].

In concordance with the classification of lessons, the fragment of the lesson is aimed at the reviewing of the previously passed material and the systematization of the knowledge. This lesson is not traditional. It is a multimedia lesson that is a lesson, within which teachers use multimedia educational materials, viz. the video fragment on the topic «看病».

The usage of the video materials as a type of teaching aids contributes to the development of the cognitive interest, activates the mental and oral activities of students.

The aim of the lesson is to master the language aspects such as phonetics, vocabulary and grammar.

The purpose of this lesson is to develop listening practice skills on the topic "看病". The theme and purpose of the lesson correspond to the required for the foreign language curriculum age of the students, their interests, needs and cognitive abilities.

The research purpose determines the following objectives:

- 1) Improving lexical and grammatical skills on the topic "看病".
- 2) Developing listening skills with the extracting necessary information.
- 3) Developing listening skills with the extracting basic information.
- 4) Developing monologue skills on the topic "看病".
- 5) Developing dialog skills on the topic "看病".

The exercises for every stage of the lesson are selected according to research purpose and objectives.

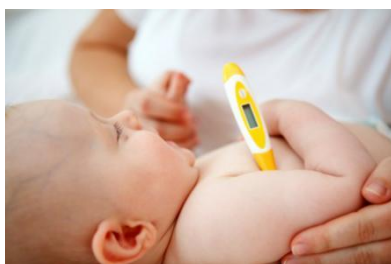
(一) 根据例子组成句子，猜一猜生词的意思。

1) 我给你打电话。

A. 打针

B. 试表

2) 我感冒好了。

A. 发烧

B. 头疼

C. 嗓子疼

答案:

1)

A. 我给你打针。

B. 我给你试表。

2)

A. 我发烧好了。

B. 我头疼好了。

C. 我嗓子疼好了。

(二) 句型替换。

1)

A: 你怎么了?

B: 我头疼。

我咳嗽
我感冒了
我发烧

2)

A: 几天了?

B: 昨天上午还好好的,
晚上就开始不舒服了。

今天中午	晚上
昨天晚上	今天早上
今天早上	今天晚上

3)

A: 你吃药了吗?

B: 吃了一次。

A: 发烧吗?

B: 三十七度六, 你感冒了!

两次	三十八度五
一次	三十九度三
三次	三十六度九

4)

A: 要打针吗?

B: 不用, 吃两天药就会好的。

打针	吃三天药
吃药	打四天针
打针	吃一个星期药

(三) 根据影片
内容的顺序排列
图片。

A.

答案：BEDAC.

(四) 根据电视影片的内容填空。

- 1) 我头疼，_____。
- 2) 昨天_____还好好的，晚上就_____不舒服了。
- 3) 你吃_____了吗？
- 4) 嗓子_____红。
- 5) 三十七度六，你_____了！
- 6) 不用，吃_____药就会好的。

答案：

- 1) 我头疼，咳嗽。
- 2) 昨天上午还好好的，晚上就开始不舒服了。
- 3) 你吃药了吗？
- 4) 嗓子有点儿红。
- 5) 三十七度六，你感冒了！
- 6) 不用，吃两天药就会好的。

(五) 判断句子的正误，并改正错误的句子。

- 1) 女的头疼，她不咳嗽。
- 2) 女的吃了一次药。
- 3) 女的要打针。
- 4) 女的嗓子有点儿红。
- 5) 女的感冒了。

答案：

- 1) 不对，女的头疼，咳嗽。
- 2) 对，女的吃了一次药。
- 3) 不对，女的不要打针，吃两天药就会好的。
- 4) 对，女的嗓子有点儿红。
- 5) 对，女的感冒了。

(六) Tell us about your hospital experience.

(七) Tell us about your classmate's visit to a doctor, using the text of the textbook and the video fragment you've watched.

Thus, analyzing the created video-based listening skills practical exercises, it is worth emphasizing that in the lesson the following principles are implemented: the principles of focusing the learning process

on the complex problem-solving and the education accessibility, the principle of the systematic and consistent skills improvement and abilities development. Also the transition from simple tasks to more complex ones is observed.

All stages of the lesson are interrelated and aimed at developing students' listening skills on the topic "看病". At each stage during the work with the video fragment there is a number of tasks, the completion of which determines the effectiveness of the whole audiovisual process. The adherence to the sequence of the video material presentation and the correct description of the tasks contribute to the effectiveness of the video usage in the foreign language learning process. The structure of the lesson fully corresponds to the logic of the lesson; the teacher's main organizational objective is to create conditions for compilation of the previously studied material on the topic.

Hereby, the selected content and equipment of the lesson, motivating students to participate in different forms of the educational activities (individual, group and frontal) at all the stages of the lesson, using the audiovisual method contribute to the achievement of the educational purposes of the lesson and stimulate the cognitive interests of students.

References

- 1) Video. [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=qkmfeZFxg4g> (Reference date: 02.12.2014).
- 2) 汉语会话301句 . 第下册: 俄汉注释.–北京: 北京语言大学出版社, 2006。
- 3) 汉语新起点. 编写委员会. 第7册.–北京: 教育科学出版社, 2003。

UDC 378.014.15

Nurutdinova A.R., Giniyatullina D.R. Critical technologies and fundamental achievements of modern science (case study: Russia's scientific prospects)

Nurutdinova Aida Rustamovna

PhD., Associate Professor,

Department of foreign languages for professional communication,
Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Giniyatullina Diana Ravilevna,

PhD., Senior Lecturer,

Department of foreign languages for professional communication, Kazan
National Research Technological University, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the state of Russia's technological and scientific potential, namely the state of concerns is the scientific research in higher education. This article emphasizes the importance of the right decisions in management, support and funding that will be accepted on a scientific basis and will produce actual results.

Keywords: scientific research, advanced experience, aging of personnel (science), basic (important) technologies, fundamental research, profit of science, commercialization of results.

1. Introduction: reality and paradox

In the whole world, at least, hence the majority thinks, young people create science, whereas in Russia scientific teams are quickly aging. In 2000, the average age of academicians in the Russian Academy of Sciences was more than 70 years (great experience and achievements are not given instantly); nonetheless the average age of doctors of science is 61 years, and candidates - 52 years.

Approximately by 2018, the average age of scientific workers will reach 73 years. In universities and subdivision of scientific research institutes on the over all-Russian scale, the age of doctors of science is 57-59 years, and

candidates 51-52 years. Consequently, over the last 10 years, competitions in universities have grown, and postgraduate and doctoral studies have “baked” young scientists of higher qualification at unprecedented rates [5].

What happens in Russia to scientific units? What is their real scientific prospective? Why do they age that fast?

1. While graduating the universities, not all students are eager to do postgraduate studies, however many attend to avoid the army or to live three years in freedom.
2. Candidates and doctors of sciences can't find a worthy salary according to their rank in state universities, however they can in commercial structures. And they leaving for their titled scientific leaders the opportunity to grow old.

But there are other important reasons for young people leaving the scientific sphere: they need the opportunity to improve, to realize themselves, to establish themselves in life, they want to see the prospect and feel at the same level with foreign colleagues. *In Russia's conditions it is almost difficult due to the other reasons:*

1. Science and the high-tech developments based on it are less in demand.
2. The experimental base, educational and research equipment, machinery and instruments in educational institutions are physically and morally outdated for 20-30 years, and in the best, most advanced research universities for 8-11 years. If we take into account that in developed countries, technologies in science-research industries replace each other every 6 months - 2 years, this delay may become irreversible.
3. The system of organization, management, science support and scientific research, and information support remained at the level of 1980s, so each actually capable, and even more talented young scientist, if he does not want to degrade, seeks a commercial structure or leave abroad.

If we evaluate the science potential by results, i.e. by the number of registered, especially abroad, sold patents, including abroad, licenses and publications in prestigious international publications, it turns out that we are yielding to the most developed countries in tens or even hundreds of times.

In the United States, for example, in 1998, 12.5 million people were employed in science, 505,000 of them were doctors of science. Natives of the CIS countries are no more than 5%, and many have grown up, studied and received academic degrees abroad, and not in Russia. Thus, to assert that the West lives at the expense of scientific and intellectual potential, it would be wrong, but to assess its real state and prospects is worth it [1].

2. Intellectual, scientific and technological potentials

Despite all the difficulties and losses, the aging and outflow of personnel from science, still preserves the scientific and intellectual potential that allows Russia to remain among the world's leading powers, and scientific and technological developments are still attractive to foreign and inland investors, although the investment is tight. For the products to win the local and foreign markets, it must qualitatively exceed the competitors' products. Nevertheless, the products' quality directly depends on technology, modern high technologies – on the level of scientific research and technological developments. The higher the quality – the higher the scientists' and engineers' qualifications, and its level depends on the entire education system, especially the higher education system.

If we talk about the scientific and technological potentials, this concept comprises an instrumental and experimental park, access to information and its completeness, a system of management and support of science, as well as the entire infrastructure that provides advanced development of science and the information sector. Without them, neither technology, nor the economy simply cannot be effective.

The very important issue is the specialists training in universities. We will try to understand how they are prepared using the example of the most rapidly developing sectors of modern science, including medical and biological research, research in the field of information technology and the new materials construction. According to the published in the United States (the yearbook “Science and Engineering Indicators”) spending only on these areas was comparable to defence spending and exceeded the cost of space research. In total, \$ 220.6 billion was spent on the science development in the US, of which two-thirds (\$ 167 billion) – from the corporate and private sectors [3]. A significant part of the giant funds went for biomedical and biotechnological research. Therefore, they were highly profitable, as money in the corporate and private sectors spend only on what makes a profit. Acknowledgements to the results of these studies, health care, the state of the environment, and the productivity of agriculture have improved. Our delay in information technology has a direct attitude on the future intellectual cadres training in Russia, since computer synthesis, for example, molecules, genes, decoding of the human, animal and plant genomes can only give real effect on the basis of the most powerful computer systems.

Present-day students (even at the most advanced faculties) have training on the level of 70-80 of the last century. As for the research institutes, only about 35 research institutes of the Russian Academy of Sciences have more or less modern equipment, and therefore only there are conducted research at the advanced level. Only few students of several universities and the Education Centre of the Russian Academy of Sciences (created within the framework of the program “Integration of Science and Education” and have the status of a university) are eligible to participate in them, who receive training on the basis of academic research institutes [2].

The first place among high technologies is taken by the aerospace

industry: computers, modern control systems, accuracy instrument making, engine and rocket engineering, etc. Although Russia conquers quite strong positions in this industry, the delay is noticeable here. It touches in no small measure the aviation universities of the country. The specialists of the MAI Technological University who participated in the research named several of the most painful problems associated with training personnel for the aerospace industry. In their opinion, the teachers' training level of applied departments (design, engineering, technology, design) in the field of modern information technology is still low. This is largely due to the lack of young teaching staff. The aged faculty isn't able to intensively master the constantly improving software products not only because of gaps in computer training, but also because of the lack of modern hardware and information systems software, far more importantly, due to the lack of material incentives.

Extra important branch is the chemical industry. Today chemistry is unthinkable without scientific research and high-tech production systems. In fact, chemistry is new building materials, medicines, fertilizers, varnishes and paints, the synthesis of materials with specified properties, super hard materials, films and abrasives for instrumentation and engineering, processing of energy carriers, the creation of drilling units, etc.

What is the situation in the chemical industry and especially in the field of applied experimental research? For which industries do we train chemists? Where and how will they "chemise"?

Today the share of the entire Russian chemical industry accounts for about 2% of the world production of chemical products; this only 10% of the chemical production volume in the US and not more than 50-75% of the chemical production volume in countries such as France, Britain or Italy [4]. As for applied and experimental research, especially in higher education institutions, the picture is as follows: only 11 research works were carried

out in Russia, and the number of experimental developments fell almost to zero with no funding at all. Technologies used in the chemical industry are outdated compared with the technologies of developed industrial countries, where they are updated every 7-8 years. We even have large factories, for example, in the production of fertilizers, which received a large share of investments, work without modernization for an average of 18 years, and in the industry as a whole, equipment and technologies are updated in 13-26 years. For comparison: the average age of chemical plants in the United States is six years.

3. Location and role of the fundamental research

The main generator of fundamental research in Russia is the Russian Academy of Sciences, but in the equipped institutes are only about 90,000 employees (including the staff), the rest (more than 650,000 people) work in research institutes and universities. According to the Ministry of Education of the Russian Federation, in 1999 there were about 5 thousands of them in 317 universities [5].

The average budgetary cost per basic research is 34 214 rubles. If we take into account that this includes the equipment purchase and research facilities, the electricity cost, etc., then the salary remains only 30 to 40%. It is easy to calculate that if at least 2-3 researchers or a teacher participate in the fundamental research, then they can count on an increase in wages at the best 400-500 rubles per month.

As for students' interest in scientific research, it is based more on enthusiasm, not on material interest, and enthusiasts in our days are few. At the same time, the university research subject is very traditional and far from the current problems. In 1999, 561 physics studies were conducted in universities, and only 8 in biotechnology. In addition, fundamental research costs millions, and even tens of millions of dollars, so they have not been

conducted for a long time.

Of course, there are additional funding sources: in 1999, 56% of research in higher education institutions was financed through self-supporting work, but they were not fundamental and could not radically solve the problem of the new human resources formation. Leaders of the most prestigious universities receiving instructions for research work from commercial clients or foreign firms, realizing how much “fresh blood” is needed for science, commenced to pay to those graduate students and doctoral candidates whom they would like to keep in the university for research or teaching, buying new equipment. But only a very few universities have such opportunities.

4. Bet on critical know-hows (technologies)

The concept of “critical technology” first appeared in America, as the list of technological directions and developments, which were primarily supported by the US government in the economic and military interests. They were selected on the extremely thorough basis, complex and multi-step procedure involving the expertise of each item on the list by financiers and professional scientists, politicians, businessmen, analysts, representatives of the Pentagon and the CIA, congressmen and senators. Critical technologies were carefully studied in the field of science, science and economics.

Several years ago, the Government of Russia also approved a list of critical technologies prepared by the Ministry of Science and Technical Policy (in 2000 it was renamed the Ministry of Industry, Science and Technology) from more than 70 main categories included several specific technologies. Their total number exceeded 250. Russia couldn't create and implement such a large number of technologies by means, personnel, equipment. Three years ago, the same ministry prepared a new list of critical technologies, including 52 directions (still not approved by the government), however can't afford it either [3].

In order to present the true state of affairs some results of the analysis of two critical technologies – immune correction and the synthesis of super hard materials. Both technologies rely on serious fundamental research and are aimed at industrial implementation. The first is important for the maintenance of human health, the second - for the radical modernization of many industrial production, including defence, civilian equipment and machinery, drilling rigs, etc.

Immune correction presupposes the creation of new medications. This includes the technology of production of immune stimulants for dealing with allergies, oncological diseases, a number of cold and viral infections, etc. It turned out that, with the general similarity of the structure, the studies conducted in Russia are clearly lagging behind. Over the past decade, the Pharmacological Committee of Russia has registered 17 domestic immune modulating medications, 8 of them belong to the class of peptides, which are now almost not in demand in the international market. As for inland immunoglobulins, their low quality makes them satisfy the demand at the expense of foreign preparations.

And here are some results related to another critical technology - the synthesis of super hard materials. Studies have shown that there is an “implementation effect”: the results obtained by Russian scientists are realized in specific products (abrasives, films, etc.) produced by domestic enterprises. However, the situation here is far from effective.

Especially shocking is the situation with the patenting of scientific discoveries and inventions in this field. Some patents of the Institute of High Pressure Physics of the Russian Academy of Sciences, issued in 2000, were announced as far back as 1964, 1969, 1972, 1973, 1975. Of course, it is not scientists who are to blame for this, but systems of expertise and patenting. There was a paradoxical picture: on the one hand, the results of scientific

research are recognized as original, and on the other - they are obviously useless, because they are based on long-retired technological developments. These discoveries are hopelessly outdated, and hardly licenses for them will be in demand [6].

This is the state of scientific and technological potentials, if we delve into its structure, not from amateurish, but from the science of science. Nonetheless talking about the most critical, from the point of view of the state, critical technologies.

5. Profitable science: true or not

As early as the XVII century, the English philosopher Thomas Hobbes wrote that people are benefiting. After 200 years, Karl Marx, developing this idea, claimed that history is nothing more than the activities of people pursuing their goals. If this or that activity is not profitable (in this case we are talking about science, scientists, developers of modern technologies), then there is nothing to expect that the most talented, first-class trained young scientists will energy to science, which will move almost completely and in the absence of proper infrastructure move it forward.

Today, scientists say that it is lossmaking for them to patent the results of their research in Russia. They are the property of the scientific research institute and, more broadly, of the state. But the state has almost no funds for their implementation. If new developments still reach the stage of industrial production, then their authors at best receive a premium of 500 rubles, or even nothing at all. It is much more profitable to put documentation and prototypes in a portfolio and fly to some highly developed country, where the work of scientists is valued differently. "If it's our sciences," said one foreign businessman [4], "we would pay 250-300 thousand dollars for a certain scientific work, and if it is foreigner then we will pay \$ 25,000 for it, and you would agree that it is far better than 500 rubles."

So long as intellectual property does not belong to the one who creates it, until scientists start to profit directly from it, until they bring radical changes to this issue in our imperfect legislation, on the progress of science and technology, on the development of the scientific and technological potential, and consequently there is no point in hoping for an economic recovery in our country. If the situation does not change, the state can remain without modern technologies, and hence without competitive products. So in a market economy, the benefits are not a disgrace, but an important incentive for social and economic development.

6. Conclusion: a catalyst for the leap into the future

What can and should be done to ensure the science has survived in Russia and began to develop a powerful factor in the economy growth and the social sphere improvement?

1. To improve the training quality for at least that part of students, graduate students and doctoral students who are ready to stay in the national science.
2. To concentrate the limited financial resources allocated for the development of science and education, in several priority areas and critical technologies, focused solely on the rise of the national economy, the social sphere and state needs.
3. To direct basic financial, personnel, information and technical resources to those projects that can contribute actually new results, rather than spray funds for many thousands of pseudo-fundamental scientific topics.
4. To create federal research universities based on the best higher educational institutions, meeting the highest international standards in the field of scientific infrastructure (information, experimental equipment, modern network communications and information technology). They will train first-

class young professionals to work in the national academic and industrial science and higher education.

5. To establish scientific, technological and educational consortia which will unite research universities, advanced research institutes and industrial enterprises, and their activities should be focused on research, innovation and radical technological modernization. This will allow producing high-quality, constantly updated, competitive products.
6. To develop legislative initiatives on intellectual property issues, improve patenting processes, scientific marketing, scientific and educational management. It is necessary to fix legislatively the possibility of a sharp (step-by-step) increase in the salaries of scientists, beginning primarily with state scientific academies, state scientific, technical centres and research universities.
7. To adopt a new list of critical technologies. It should contain no more than 12-15 basic positions, focused primarily on the interests of society. They should be formulated by the state, including for this work, for example, the Ministry of Industry, Science and Technology, the Ministry of Education, the Russian Academy of Sciences and state industry academies.

Naturally, the ideas developed in this way about critical technologies, on the one hand, should be based on the fundamental achievements of modern science, and on the other hand, take into account the specifics of the country. As for Russia, countries with a huge territory, scattered settlements and difficult climatic conditions, for it the creation of new transport technologies (air, land and water) is indeed a decisive issue from the economic, social, defence, ecological and even geopolitical points of view, after all. Russia can connect the main highway Europe and the Pacific [6]. Given the achievements of science, the specifics of Russia and the limitations

of its financial and other resources, it is possible to offer a very short list of really critical technologies that will give a quick and tangible result and ensure sustainable development and growth of people's well-being.

Regarding the critical technology, it is necessary to transmit:

- Energy technologies: nuclear energy, including processing of radioactive waste, and deep modernization of traditional heat and power resources. Without this, the country can freeze, and industry, agriculture and cities remain without electricity;
- Transport technologies. For Russia, modern cheap, reliable, ergonomic vehicles are the most important condition for social and economic development;
- Information Technology. Without modern means of informatization and communication, management, production development, science and education, even simple human communication, will be simply impossible;
- Biotechnological research and technology. Only the rapid development will make it possible to create modern, profitable agriculture, competitive food industries, to raise pharmacology, medicine and healthcare to the XXI century level;
- Ecological technologies. Especially it concerns municipal economy, since in cities today up to 80% of the population lives;
- Rational nature management and geological exploration. If these technologies are not modernized, the country will remain without raw materials;
- Mechanical engineering and instrumentation as the basis of industry and agriculture;
- A whole complex of technologies for light industry and production of household goods, as well as for housing and road construction. Without

them, talking about the well-being and social well-being of the population is completely pointless.

If such recommendations are accepted and begin to finance not priority areas and critical technologies, but only those that are really necessary by society, we will not only solve today's problems of Russia, but also build a catalyst for a leap into the future.

References

1. Нурутдинова А.Р. Технологическая модернизация образования: перспективы и результаты // Образовательные технологии. – 2013. – № 1. – С. 12 – 24.
2. Нурутдинова А.Р. (Инновационная трансформация ВУЗов РФ: образование в условиях кризиса // Образовательные технологии. – 2013. – № 3. – С. 18 – 31.
3. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Инновации – вектор развития образовательного пространства университета // Символ науки. – 2016. – №1-2(13). – С. 180-186.
4. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Теоретический анализ формирования государственно-частных партнёрств в области инноваций (на примере стратегических документов) // Проблема современного педагогического образования. – 2017. – №54-3. – С. 143-150.
5. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Конкурентоспособность образовательного учреждения: на примере дополнительного профессионального образования // Инновационная наук. – 2017. – Т.2. №4(26). – С. 161-163.

6. Нурутдинова А.Р., Фасхутдинова Г.Р. Государственная сегментация специальностей в контексте глобализации рынка труда и образования // Научная перспектива. – 2016. – №1. – С. 6 – 9.

UDC 81'373.72

Zekeryaeva S.E., Chornobay S.Ye. Semantic Diversity of Idioms in Australian and New Zealand National Variants of English

Zekeryaeva Sebiya Ernestovna

Crimean Federal V.I.Vernadsky University, Simferopol
tigr-zse@mail.ru

Chornobay Svitlana Yevgenivna

Crimean Federal V.I.Vernadsky University, Simferopol
svetoni@mail.ru

Abstract. This paper represents the research of the phraseological units' semantics in Australian and New Zealand variants of English. The definitions of such concepts as «language variant» and «national variant» are given. The semantic diversity of Australian and New Zealand phraseological units is shown. The integral semes are identified and all the phraseological units under scrutiny are grouped accordingly. In the research the methods of continuous sampling and of component analysis, a comparative method are used.

Keywords: semantics, national variant of English, Australian, New Zealand, seme, classification, phraseological unit.

Phraseology is a pure gold mine of the language, where phraseological units, which give cultural and national characteristics of a certain nation, do occur. The English language is very rich in phraseological units, which are constantly found in literature, films, television, and in everyday communication of the English, the Australians, the Americans, the New Zealanders and the Canadians. Thus, English idioms are diverse and complex enough for those who study English. We cannot but stress the importance and the necessity of the phraseological units' use. For example, when writing an essay, biographical or informative articles phraseological units are welcome because they give an emotional colouring to the text, reveal the

linguistic and cultural identity of the language, and also embellish and refresh the text.

The phraseological units in national variants of the English language are of a particular interest. In this paper, we deal with such national variants of the language, as Australian and New Zealand ones. We believe that these national variants will contain a great number of similarities in semantic terms.

Before examining the national variants of the English language, it is necessary to define such a notion as the language variant. Referring to the dictionary of sociolinguistic terms, we note that a variant of a language is «a form of existence of the language, i.e. a modification of the invariant, which is the 1) system and structure of the language, or 2) the norm of the language» [6]. The national variant of the language is «the same language, which acquired distinctions because of its development in different conditions, e. g. in different areas, not related to each other» [6]. The national variant has to be distinguished from the territorial variant, which can develop in any language with a fairly extensive areal distribution or on the basis of markedly different dialects.

The variant spoken in New Zealand and Australia is the closest to the classical English language. The main cause of this, obviously, is the fact that these countries are quite geographically isolated from other countries. That is why the English language has not changed there – the influence of languages and cultures of other countries was limited.

Speaking about the New Zealand variant of the English language, we have to mention that the first attempts of understanding the peculiarities of the English language in New Zealand were made by the New Zealand national broadcasting service which in 1946 – 1948 recorded some speech samples of the residents of New Zealand cities, who were born in the period

between 1850 and 1877 from the North and South Islands of New Zealand. Though, the existence of an independent New Zealand variant of the English language was not officially recorded in New Zealand for a long time. However, gradually, thanks to the growth of national consciousness understanding of the need for an objective and scientific approach to this issue, the problem was strengthened and became more apparent, which gave the impetus to conduct a scientific research of the New Zealand English variant by linguists, writers, workers of culture and education for the collection of information, examples and compiling different types of dictionaries.

As V. V. Oshepkova rightly points out in her work, «in the formation and development of the Australian and New Zealand literature similarities were found, because these countries have much in common on a historical level. National consciousness was formed in them in comparison to European and colonial experience in a single process of ethnic and social differentiation under the dominant influence of English culture. The impact of so called «western» neighbour on the development of New Zealand culture is very high: on both sides of the Tasman sea people watch the same movies, often watch and listen to the same television and radio broadcasts» [5].

At the time of colonization the indigenous people of New Zealand possessed a high level of cultural and linguistic capacity. Missionaries from Europe were interested in the study of the Maori language, so that many words from the Maori language were borrowed and became the part of the New Zealand national variant of the English language. However, the English language still remained the predominant one, despite the existence of the settlements of the Maori. R. A. Bekeeva points out that «the narrowing of the functions of the Maori language in New Zealand is due to the high social

prestige of the English language, the implementation of public functions, the expansion of spheres of its communicative use in the entire course of historical development» [2].

Still, penetration of some words of the Maori language in the New Zealand variant of the English language continues today. «This irregular growth of Maori words in NZE continues today as they become more familiar. Several Maori words incorporated into NZE represent different aspects of Maori culture» [10].

The history of Australian English begins at the end of the eighteenth century in the settlements of convicts deported from Britain. The first settlers were speakers of different dialects of the English language and belonged to various social groups. Naturally, the process of smoothing different dialect differences had led to the formation of linguistic changes in the structure of the language. Nowadays most researchers emphasize the absence of regional differences in the English language of Australia, although social differentiation of the language is noted by many scientists.

In her own works A. A. Anachaeva repeatedly noted that «the interest in learning Australian English and other national variants of the English language is dictated by a number of reasons, which include, on the one hand, the cultural expansion of English worldwide, contributing to the introduction of its new variants, and, on the other hand, the destruction of old stereotypes» [1].

Trying to mark the position of the Australian national variant of the English language in relation to the English language actually in the UK, one can make a conclusion that Australian English does not occupy a subordinate position, as for territorial dialects. Since the mid-twentieth century Australian English was perceived as an equitable national variant of the English language.

In Australia the process of creating dictionaries of Australian English has not been completed and in this connection a sufficient number of research works is conducted. The vocabulary of the aborigines is not the subject of our consideration, however, but while sampling phraseological units from the dictionary «The Oxford Dictionary of Idioms» by Judith Siefring [11], we found out that in addition to the meaning and the dictionary label, explanations that are associated with the aborigines of Australia were assigned to some phraseological units. For example, the idiom «*point the bone at*», which means to betray someone, comes from the ritual of the Australian aborigines, in which a person pointed a bone at a victim to curse her or him and cause illness or death. Some words that belong to the aboriginal language are included in the composition of Australian idioms. So, in the idiom «*go bung*» (to die; to fail) the word «*bung*» belongs to one of the extinct aboriginal languages – Yagara or, according to other data, Turrubal [9].

Also, we have identified such phraseological units in which if at least one component is changed the whole phraseological unit will belong to another national variant of the English language. For example, the idiom conveying the meaning «to have no chance, to have no slightest chance» in the British version sounds like «*not a cat (-in-hell)'s chance*», but in the Australian version it will be «*not a Buckley's chance*». Another example is the following: the phraseological unit «*make eyes at smb.*» in Australian English exists in the form of «*throw eyes at smb.*». Both variants are translated as «to do or to make eyes at somebody», however, we note that the variant of the idiom in Australian English can be translated in other way, namely «to throw a glance on anyone». As a result of such a translation the meaning is slightly different from the translation which is presented in the traditional British variant.

When conducting sampling of phraseological units from different dictionaries, we face up with the notion of slang phraseology. Nowadays slang is characterized by rapid development, which leads to its interaction with lexical structure of the language and phraseology. The vocabulary of the language and phraseological fund is continuously updating with new linguistic units, including the slang ones which are of our scientific interest, because we selected idioms from the Oxford dictionary of slang, too [7]. So the following examples should be given:

- «*in the nuddy*» (AU) – jocular. This slang idiom was created from ‘nudd’ which means jocular alteration of ‘nude’.
- «*keep yow*» (AU) – defend smth., hold ward. Here we can see how the expression ‘to keep a look-out’ changed into ‘keep yow’ due to the influence of the Australian slang.
- «*keep nit*» (AU) – from earlier obsolete use is a warning that someone is coming. We can make a surmise saying that the word ‘nit’ here is a variant of ‘nix’ used to warn of someone's approach.
- «*strain the potatoes (or spuds)*» (NZ) – take a piss. This slang idiom is used only by males.
- «*up the duff*» (AU) – to be pregnant. Here we see the reference to some pudding that is made of dough and while the pudding is baking it grows bigger and bigger, so that it is associated with the belly of a pregnant woman.
- «*pass in one's marble*» (AU) – to die. The origin of this idiom is a children's game in which a marble is propelled by the thumb at other marbles, usually in an attempt to drive them out of a marked circle.

Sometimes the origin of the slang idiom is difficult to be identified or can easily be misled due to the fact that a transition of one phraseological unit at the intra-language level from one national variant of English to another is produced. So, the integral part of the slang idiom «*burl, birl*» in

Australian and New Zealand national variants is used in the phraseological unit «*give it a burl*» which means “to try, to give a chance to someone”.

Frequent use of proper names in phraseological units could not remain inconspicuous. For example, «*Buckley's chance*» is the phraseological unit that can be referred both to Australian and New Zealand national variants of English; it means «faint hope, a hopeless enterprise». Usually this phrase is even sometimes shortened to «*Buckley's*». Debates and arguments about the identity of Buckley are not subsiding until now. It is well known that William Buckley was a convict transported to Australia in 1802. He attempted to escape from prison and he succeeded. And after that Buckley lived with aborigines for many years, despite gloomy predictions about his chances of survival. Another example is «*be in like Flynn*» («to seize an opportunity; to be successful») that refers to the Australian national variant of English. The «Flynn» referred to in this expression is Errol Flynn, the Australian-born actor, who had a reputation as a notable playboy.

The New Zealand phraseological unit «*up the booay*» («completely wrong; lost») is worth mentioning. Literally, «*booay*» is a remote rural area. The origin of this definition is highly inaccurate; however, there is certain information that the source is still Puhoi, a district in North Auckland, New Zealand.

Another good example is «*drop your bundle*» which means «to panic or lose one's self-control». It is used mostly in New Zealand. This expression comes from an obsolete sense of «*bundle*» meaning «swag» or «a traveller's or miner's bundle of personal belongings». The phraseological unit from New Zealand «*to have a derry on someone*» («be prejudiced against someone») is of great interest. It refers to the traditional song refrain «*derry down*», and was a late 19th-century adaptation of «*have a down on*».

Referring to the phraseological units from the Australian national variant of English, we should mention a few examples. The first one is «*not much chop*» which means «no good; not up to much». The sense of «*chop*» in this expression originates from the Hindi word «*chap*» meaning «official stamp». Europeans in the Far East extended the use of the word to cover documents such as passports to which an official stamp or impression was attached and in China it acquired the meaning of «branded goods». From this, in the late 19th century, «*chop*» was used to refer to something that had «class» or had been validated as genuine or good. The second example is «*fair dinkum*» with the meaning «genuine or true; (of behaviour) acceptable». As a noun «*dinkum*», recorded from the late 19th century, was an English dialect word meaning «hard work, honest toil», it now mainly features as an adjective in various Australian and New Zealand expressions.

What is worth noting is the phraseological unit taken from the Australian national variant of English «*poke borak at*» – «to laugh at somebody, usually in public». The word «*borak*» was used in the 19th century for conveying the meaning «nonsense, rubbish». Originally it was a term taken from the language of pidgin, but the word was derived from the aboriginal language and meant «not, no».

The analysis of all the phraseological units which belong to the Australian and New Zealand national variants of English and which were collected by the methods of continuous sampling from the idiomatic dictionaries by A. V. Kunin [4], T. G. Solomonik [3], by John Ayto [7], by Judith Siefring [11] and by Collins Cobuild group of lexicographers [8] let us allocate several semantic groups. Thus, we have subdivided 120 phraseological units into 5 semantic groups according to their integral semes:

1) **character traits:** «*fair dinkum*» (AuE) – real, true; «*full of bush fire*» (AuE) – cheerful, energetic; «*keep out of the rain*» (AuE) – smart, quick-witted; «*game as Ned Kelly*» (AuE) – brave to recklessness;

2) **appearance:** «*as miserable as a bandicoot*» (AuE) – wretched, miserable; «*dressed up to the nines*» (AuE) – elegant, neat; «*like a duck in a thunderstorm*» (AuE) – confused; «*on the cuff*» (NZE) – ordinary, «*out of the box*» (NZE) – unusually good;

3) **physical actions:** «*go bush*» (AuE) – a) to hide in the bush and live by robbery (about an escaped convict); b) to go to the province; to drive away in an unknown direction (leaving a job, home); c) to run wild (about animals); «*flee like bandicoots before the bushfire*» (AuE) – to run headfirst; «*go eyes out*» (AuE) – to race, to rush, «*rattle your dags*» (NZE) – to hurry; «*go flattening*» (NZE) – leave the family home to live in a flat; «*drink with the flies*» (NZE) - drink alone;

4) **actions and behaviour:** «*run like a hairy goat*» (AuE) – to behave in a bad way; to show oneself in a bad light; «*be in the gun*» (AuE) – a) to be under the threat of dismissal; b) to get into trouble; «*stick (or poke) your bib in*» (NZE) – to interrupt; «*have a derry on someone*» (NZE) – to have prejudices on someone's account; «*go for the doctor*» (AUE) - make an all-out effort; «*curl the mo*» (AuE) - succeed brilliantly; win;

5) **emotions and feelings:** «*get off your bike*» (NZE) – to get annoyed; «*be a box of birds*» (NZE) – to be happy; «*float on a cloud*» (AuE) – to feel oneself very happy, glad; «*go to market*» (AuE) – to get angry, mad; «*drop your bundle*» (AuE) - become very nervous or upset; go to pieces; «*do your dash*» (AuE) – exhaust your energies or chances, etc.

Having undertaken the analysis, we come to the conclusion that the largest number of the phraseological units under scrutiny includes the group of the integral seme «Physical actions». The group of

the integral seme «Appearance» (*not much chop, ear-basher, a Jimmy Woodster, right bower* etc.) comprises more phraseological units of the Australian origin. As for the Australian idioms, it is notable that in almost each phraseological unit words, which refer to native forested areas (regional areas), names of the indigenous flora and fauna, can be found. But as for the New Zealand ones it should be noted that in the structure of phraseological units there are mostly words from the Maori language.

We have also calculated the proportion of the phraseological units with the remarks indicating their belonging to the phraseological stock of Australian and New Zealand English. So, the percentage of the first group shifts to 66.6 %, the percentage of the second group shifts to 33,4 % of the total number of the phraseological units under study.

Summing up all of the above, the following should be noted: the national-cultural specificity of the nation finds binding expression in its language. The vocabulary of the language (including the phraseological fund) bears the imprint of the life of the society, its material and spiritual culture. The phraseological fund of the language is one of the most interesting and fruitful objects of such studies because national-cultural traditions, values and perceptions of the world occur in the phraseological units in the most capacious, bright and authentic way.

References

1. Анахаева А. А. К вопросу об австралийском национальном варианте английского языка / А. А. Анахаева // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 5 – 9.
2. Бекеева А. Р. Языковые особенности новозеландского национального варианта английского языка / А. Р. Бекеева// РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 28 – 35.
3. Другими словами... Словарь английских идиом / Сост. Т. Г. Соломоник. – СПб.: Издательство «Алга-Фонд», 1994. – 248 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь/ Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1984. – 944 с.
5. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – М.: Глосса-Пресс; СП : Каро, 2004. – 335 с.
6. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 2006. – 312 с.
7. Ayto John. The Oxford Dictionary of Slang. – New York.: Oxford University Press, 1998. – 482 p.
8. Collins Cobuild. Dictionary of Idioms. – London.: Harper Collins Publishers, 1995. – 514 p.
9. DBpedia, The DBpedia Knowledge Base [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: http://dbpedia.org/page/Turral_language (дата обращения: 05.06.2017)

10. Lynn E. Grant Culturally motivated lexis in New Zealand English / Lynn E. Grant // World Englishes. – 2012. – Vol. 31. – No. 2. – P. 162–176.

11. Siefring Judith The Oxford Dictionary of Idioms / Siefring Judith. – New York: Oxford University Press, 1999. – 352 p.

SECTION 4. HEALTH AND WELFARE

UDC 616-053.2:616.233+616.24-008.41

Khalmatova B., Mirrakhimova M., Tashmatova G., Olmosov R. Efficiency of the usage of antagonists of leukotrienic receptors at children with bronchial asthma

Khalmatova Barno

Doctor of medical sciences, professor, head of the Department
of children's diseases №1 of Tashkent
Medical academy, Uzbekistan
E-mail: khalbar@mail.ru

Mirrakhimova Maktuba

Associate professor of department
of children's diseases №1
of Tashkent medical academy, Uzbekistan
Email: mmh.20@mail.ru

Tashmatova Gulnoza

Assistent of department
of children's diseases №1
of Tashkent medical academy, Uzbekistan

Olmosov Ravshan

6th year student of the treatment faculty of
Tashkent medical academy, Uzbekistan

Abstract. The article presents data on the clinical efficiency of the drug ASTANOL (montelukast) at children with mild intermittent and persistent form of bronchial asthma. Use of the drug at children who received either only the β -stimulators used as needed, or inhaled corticosteroids, resulted in significant improvement in controlling the manifestations of asthma. The appointment of montelukast helps to prevent the progression of the disease and the development of severe forms of this pathology.

Keywords: children, allergy, asthma, leukotrienes, montelukast.

At present, the problem of allergy is extremely relevant all over the world: up to 40% of the population as a whole and 10-12% of the children's population suffer from various allergic diseases.

Bronchial asthma is a heterogeneous disease, which, as a rule, characterized by the presence of chronic inflammation of the respiratory tract. It is determined by the presence of symptoms of the respiratory tract in the anamnesis, such as wheezing, shortness of breath, a feeling of chest stuffiness in the chest, the severity of which varies with time, and the variable rate of airflow on exhalation [5].

Many authors showed that after the appearance of the first symptoms of an allergic disease, the diagnosis is specified and adequate therapy is given in 25% of children in the first year, 55% of children in 2-4 years, and 20% in more than 5 years (R.M. Haitov, 1998; L.A. Goryachkina, 2004; V.I. Trofimov, 2006).

The search for the new methods of therapy taking into account the pathogenesis of the disease is an actual problem of medicine. In literature, the question of the importance of leukotrienes (LT) in the pathogenesis of allergic diseases and the possibility of their control in order to achieve the therapeutic effect of the therapy are discussed. It is known that the formation of mediators of allergic inflammation, including leukotrienes, occurs under the influence of various incentives: allergens, stress, nonspecific factors, nonsteroidal anti-inflammatory drugs (NSAIDs), infections, etc. Clinical effects are expressed in the development of bronchospasm, edema, itching, urticaria. Moreover, it has been proved that the cystenyl leukotrienes C₄ D₄ E₄ and B₄, formed by activation of the lipooxygenase pathway, play a leading role in bronchoconstriction and development of inflammation in patients with asthma [1, 2, 3, 4, 5].

The purpose of research - to evaluate the clinical efficacy and harmlessness of the drug ASTANOL (montelukast) (REMEDY GROUP, Uzbekistan) in the treatment of bronchial asthma at children.

Materials and methods of investigation. The study was conducted in 2016-2017 in patients' inpatient and out-patient treatment in pulmonology ward and in a polyclinic on the base of the 14th building of the Tashkent Medical Academy 1st clinic. The study was open, comparative and parallel. The study included 80 children of both sexes and aged from 2 to 18 years, diagnosed with mild asthma (intermittent and persistent). At the same time, one of the inclusion criteria was the absence of conditions requiring intensive therapy.

All children included into the study were prescribed Astanol according to official recommendations: for children aged from 2 to 5 years 1 chewing tablet (4 mg) per day, in the evening 1 hour before or 2 hours after eating; Children aged from 6 to 14 years: 1 tablet chewing (5 mg) 1 time per day (in the evening, 1 hour before or 2 hours after meals). The control group consisted of children of similar age who received "Singlon" chewing tablets of 4 and 5 mg, produced by «Gedeon Richter» PLC Hungary.

The clinical trial was conducted in accordance with the current legislation of Uzbekistan, the ethical principles of the Helsinki Declaration. All patients or their parents were informed about participation in the studies and adequately cooperated with physicians throughout the duration of the examination and treatment.

The diagnosis of bronchial asthma is established in accordance with the International Consensus on Diagnosis and Therapy of asthma [5].

All patients were excluded from other drugs with a similar effect. The drugs necessary for the treatment of the underlying disease, in particular, according to indications, preparations of basic therapy and other medications compatible with the drug, as well as the necessary physiotherapeutic methods of treatment were used. Patients who participated in the study also received drugs that are constantly used to treat concomitant diseases.

After hospitalization to the pulmonology ward, in patients a comprehensive clinical laboratory and allergic examination was performed. Assessment of clinical symptoms of AD was performed prior to enrollment and 1 month after therapy with montelukast.

Examination of the function of external respiration in patients with asthma was carried out on a spirograph «MicroLab» with computer software, the volume of forced exhalation per second (FEV₁), peak expiratory flow (PEF), daily PEF spread was determined. Clinical results were scored. According to the aggregate of clinical and functional indicators for statistical data processing, the control of asthma was determined in points for each patient: complete control - 1 point, good control -2 points, lack of control - 3 points (clinical criteria for BA control according to GINA, 2014).

The statistical processing of the material was carried out by using the software package «Statistics 6» on a personal computer.

The results of the research and their discussion. Predetermined primary efficiency (endpoint) in this study was the value of FEV₁. Other predetermined endpoints were: symptoms of bronchial asthma during the day; peak of the volumetric expiratory flow rate (PVEFR) in the morning and evening hours; daily dose of short-acting inhaled β -stimulants, if necessary; number of awakenings at night; Indicators specially designed for children with bronchial asthma, and questionnaire designed to assess the quality of life; global assessment of treatment outcomes (by doctors, parents, patients, and combined assessment); change in the number of eosinophil's in peripheral blood. By the end of the first week of treatment, there was a decrease in the severity of coughing, shortness of breath, a decrease in the number of bronchospasm attacks, stuffiness in the nose, itching and improvement in the quality of life of patients.

The average value of FEV₁ increased from 1.85 to 2.01 L, in comparison also noted improvement in - from 1.85 to 1.93 liters. In comparison with the initial values is consistent with an increase in FEV₁ in the group treated with Astanol to 8.23% (6.33 to 10.13% with 95% confidence interval) and in the group treated with Singlon - to 8.58% (5.29 to 10.87% with a confidence interval of 95%); P <0.001.

Astanol and drugs in the control group did not have an adverse effect on the clinical scores peripheral blood: hemoglobin and red blood cell count in peripheral blood ESR parameters, leukocytes and eosinophils. After the termination of the treatment of course, was notes a significant decrease in the number of eosinophils in the peripheral blood in both groups was noted (p <0.01). The biochemical parameters of bilirubin and ALT also did not change during the application of both drugs.

Especially it should be noted that children with intermittent and mild persistent asthma were not assigned IGCS during treatment. The dose of medications remained unchanged throughout the study period. During the test there was no need to change the dose or the appointment of a new drug.

Sustained effect of montelukast detected in all patient subgroups and was independent of the initial value of FEV₁. These data are similar to the results obtained in studies conducted in adults, and allow us to hope that montelukast can be applied with effect in a wide range of patients with bronchial asthma. The use of montelukast allows achieving a reliable reduction in the dose of inhaled corticosteroids.

The use of montelukast was accompanied by a statistically significant increase in the average percentage of days during which no exacerbations of bronchial asthma were observed, as well as a decrease in the percentage of patients who had at least one exacerbation of the disease. The therapeutic

effect of montelukast was characterized not only by a rapid onset, but also by persistent preservation with continued therapy.

Conclusion. Thus, the inclusion of antagonists of leukotriene receptors in the complex therapy of children with mild asthma (intermittent and mild persistent form) is pathogenically justified. The positive effect of the drug is accompanied by a decrease in the severity of clinical symptoms of the disease, the frequency of relapses, improvement of pulmonary function and a decrease in the volume of glucocorticosteroid therapy. The appointment of montelukast helps to prevent the progression of the disease and the development of severe forms of this pathology.

References

1. N.P. Knyajeskaya. Aspirin bronchial asthma and leukotriene antagonists // Russian medical journal. -No 12.-p.505-509.
2. SN. Nedelskaya, O.P. Pacholchuk, E.V. Raskin. Place of antagonists of leukotriene receptors in the treatment of bronchial asthma at children - No. 1. - P.59-61.
3. E.A.Orlova, E.M. Kostina Experience of using Montelukast in the treatment of allergic diseases // Bulletin of the Ural Medical Medical Science 2012. - No. 4 (41)- p.210.
4. Fal AM, Kopeć A. Status of leukotrienes in the pathophysiology of asthma. Necessity for antileukotrienes treatment // Pneumonologiaialergologiapolska.-2010 –No 78 (1)-p.68-73
5. Global Initiative for Asthma. Global Strategy for Asthma Management and Prevention (GINA). –National Institutes of Health; National Heart, lung and blood Institute (2014)

UDC 61

Maksimova N.V. Clinical evaluation of the periodontal status of the patients with a full removable prosthetic constructions.

Анализ пародонтологической патологии у пациентов, пользующихся полными съёмными ортопедическими конструкциями.

Maksimova N.V.

Candidate of Medical Sciences, Assistant of the Department of Surgical Stomatology

FGBOU V «Ryazan Medical University named after academician IPPavlov» of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. Ryazan, Russia

Максимова Н.В.

Кандидат медицинских наук, ассистент кафедры хирургической стоматологии ФГБОУ ВО «Рязанский медицинский университет имени академика И.П.Павлова» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, г. Рязань, Россия

Abstract. In periodontal treatment a clinical survey of 306 patients, who use the removable laminar dentures, operation life not exceeding 3 years. Based on the presented complaints, the characteristic of periodontal status and condition of the oral mucosa.

Keywords: removable prosthetics, periodontal status, orthopedic rehabilitation.

Аннотация. На основании жалоб пациентов, предъявляемых на пародонтологическом приёме, проведён анализ пародонтологической патологии у 306 пациентов, пользующихся полными съёмными пластиночными протезами.

Ключевые слова: съёмное протезирование, пародонтологический статус, ортопедическая реабилитация.

Протезирование пациентов с полной вторичной адентией является одним из самых сложных видов стоматологической помощи [3, 7] в связи с утратой большинства анатомо-физиологических ориентиров, необходимых для создания функциональной и стабильной конструкции [2, 5].

В клинической практике врачей-ортопедов, которые занимаются съемными видами протезирования, имеются случаи неудовлетворенности больных результатами лечения [4, 7], проявляющимися в невозможности использования съёмных видов ортопедических конструкций в повседневной жизни. По данным А.И. Рыбакова [8] видно, что до 24% пациентов не пользуются изготовленными съемными протезами при полном отсутствии зубов.

Известно, что перед началом протезирования пациентам необходимо пройти тщательную подготовку, включающую в себя не только терапевтическую и хирургическую санацию полости рта, но и комплексное пародонтологическое лечение с устранением мукогингивальной патологии и своевременное лечение патологических состояний слизистой оболочки. Но, зачастую, как показывает практика, нарушения общеизвестных правил ортопедического лечения и диагностики, а также пренебрежение этапами подготовительных мероприятий приводят к тому, что увеличивается количество осложнений на различных этапах оказания стоматологической ортопедической помощи данным пациентам [4, 6]. Это приводит к неудовлетворенности пациентов качеством проведенного лечения, обострению патологических процессов со стороны слизистой оболочки, и, соответственно, возникновению обоснованных жалоб [1,6].

Однако, несмотря на современные достижения ортопедической стоматологии, совершенствование клинических методик и технологических процессов, процент преждевременной замены съемных ортопедических конструкций из-за осложнений и непригодности их к использованию остается высоким.

Цель исследования: на основании жалоб пациентов, обращающихся на пародонтологический приём, провести анализ состояния тканей пародонта и слизистой оболочки рта у пациентов, пользующихся полными съёмными ортопедическими конструкциями.

Материалы и методы исследования.

Участниками клинического исследования стали 306 пациентов, обратившихся на пародонтологический прием в стоматологическую клинику «Прайм-Стоматология» г. Рязани с различными жалобами по поводу невозможности ношения полного съёмного пластиночного протеза. Все пациенты, принявшие участие в исследовании, проходили протезирование у врачей-ортопедов в период с января 2014 по декабрь 2016 года. Таким образом, срок ношения съёмного протеза составил $2,6 \pm 0,4$ года. Возраст больных варьировал от 64 до 85 лет, среди обследованных было 114 мужчины и 192 женщины. Из 306 пациентов: первичное протезирование полными съёмными протезами было в 138 случаях, остальные 168 пациентов протезировались повторно. По отношению к челюстям ортопедические конструкции распределялись следующим образом: 124 протеза были на нижней челюсти, 136 протезов – на верхней челюсти и 46 полных съёмных протеза на обе челюсти.

Основные жалобы, предъявляемые пациентами, которые принимались во внимание, были определены на этапе выяснения жалоб и сбора анамнеза: затрудненное пережевывание пищи в связи с болями под протезом – 72 (23,5%), балансировка съёмного протеза при разговоре и приёме пищи – 47 (15,4%), наличие разрастаний на слизистой оболочки под протезом – 28 (9,1%), чувство жжения и стянутости – 108 (35,3%), невозможность ношения съёмного протеза – 51 (16,7%).

Всем пациентам использовали клинические методы обследования: осмотр полости рта на наличие высыпаний, разрастаний слизистой оболочки, учитывали наличие патологии слизистой оболочки рта, наличие «подвижного гребня», определяли факторы, усугубляющие мукогингивальную патологию: наличие низко прикрепленных уздечек, подслизистых тяжей и величину преддверия полости рта, проводили рентгенологическое исследование для выявления возможных поражений со стороны костной ткани.

С целью выявления причин возникновения жалоб у пациентов было проведено анкетирование в устной форме по вопросам оказания пародонтологической помощи на этапе предпротезной подготовки:

1. «Какое лечение им проходило при подготовке к протезированию?»

2. При соответствии жалоб на чувство жжения, стянутости, шероховатости слизистой оболочки рта и выявления патологии со стороны слизистой оболочки рта (лейкоплакия, красный плоский лишай, кандидоз) спрашивали: «Знали ли они о своем заболевании?» и «Проводилось ли лечение данного заболевания перед протезированием?»

Результаты исследования

На основании проведенного клинического осмотра полости рта на наличие высыпаний, разрастаний слизистой оболочки выявлено:

- дольчатые фибромы – 43 пациента (14,1%)
- доброкачественные новообразования (папилломы) – 12 пациентов (3,9%)
- декубитальная язва слизистой оболочки щеки - 16 пациентов (5,2%)
- декубитальная язва боковой поверхности языка – 11 пациентов (3,6%)

- наличие «подвижного гребня» - 54 пациента (17,6%)
- наличие экзостозов и неровный альвеолярный гребень –87 пациентов (28,4%).

На основании проведенного рентгенологического обследования 170 пациентов, предъявляющих основные жалобы на невозможность пользования съемным протезом в связи с болями, затруднение пережевывания пищи и балансировка протеза, выявлено наличие неудаленных верхушек корней зубов в толще альвеолярного отростка без признаков воспаления у 8 пациентов (4,7%).

При осмотре слизистой оболочки в области преддверия полости рта определяли факторы, усугубляющие мукогингивальную патологию и выявили следующую патологию:

- низкое прикрепление уздечки верхней губы – 71 случай (23,2%)
- высокое прикрепление уздечки нижней губы – 62 случай (20,3%)
- мелкое преддверие полости рта в области нижней челюсти – 108 случаев (35,3%)
- мелкое преддверие полости рта в области верхней челюсти – 65 случаев (21,2%).

Из 306 пациентов патологические изменения со стороны слизистой оболочки рта выявлены в 142 случаях (46,4%) и распределены они следующим образом:

- протезный стоматит – 42 случаев (29,6%)
- плоская форма лейкоплакии – 21 случай (14,8%)
- веррукозная форма лейкоплакии – 4 случая (2,8%)
- типичная форма красного плоского лишая – 64 случаев (45,1%)
- эрозивно-язвенная форма красного плоского лишая – 11 случаев (7,7%)

По результатам микробиологического исследования из 108 пациентов с жалобами на чувство жжения полости рта у 49 пациентов (45,4%) при проведении соскоба с поверхности языка выявлены *leptothrix buccalis*, у 22 пациентов (20,4%) выявлены грибы рода *Candida albicans* и у 37 пациентов (34,2%) выявлен симбиоз *Candida albicans* совместно с *leptothrix buccalis*. Всем пациентам назначено соответствующее лечение.

Проанализировав результаты устного опроса 306 пациентов, варианты ответов распределились следующим образом:

На вопрос: «Какое лечение Вы проходили при подготовке к протезированию?» пациенты были разделены на 2 группы: протезировавшиеся первично и проходившие повторное протезирование. В группе пациентов, проходивших протезирование первично (138 пациентов) были получены следующие варианты ответов:

- удаление острых костных выступов (экзостозов) – 43 пациента (31,1%);
- пластика уздечки верхней или нижней губы – 11 пациентов (7,8%);
- углубление преддверия полости рта – 19 пациентов (13,8%).

Удаление зубов, как основной этап хирургической подготовки к протезированию полными съемными протезами при ответе пациентов на данный вопрос не учитывался.

65 пациентов не получили пародонтологического лечения перед первичным протезированием съемными пластиночными протезами.

В группе пациентов, проходивших протезирование повторно (168 пациентов) были получены следующие варианты ответов:

- сглаживание неровного альвеолярного гребня – 43 пациента (25,6%);
- пластика уздечки верхней или нижней губы – 24 пациентов (14,3%);

- иссечение «подвижного гребня», дольчатых фибром, папиллом – 9 (5,4%);

- углубление преддверия полости рта – 38 пациента (22,6%).

54 пациента (32,1%), протезировавшихся повторно, не получили пародонтологического лечения с целью устранения осложнений после первичного протезирования.

Патологические изменения со стороны слизистой оболочки рта на пародонтологическом приёме были выявлены при осмотре полости рта и наличии жалоб у 142 пациентов впервые, и только в 15 случаях из 306 (4,9%) изменений цвета и состояния слизистой полости рта диагностировано врачами-ортопедами и направлены к врачу-пародонтологу для соответствующего лечения.

Выводы. На основании проведенного исследования: опроса пациентов в устной форме и клинической оценки пародонтологического статуса установлено, что на этапе подготовительных мероприятий перед ортопедической реабилитацией съемными конструкциями не уделяется должного внимания пародонтологическому лечению, в частности устранению мукогингивальной патологии, что приводит к невозможности использования съемных протезов в повседневной жизни. Наличие у большинства пациентов возрастной группы от 65 до 85 лет, пользующихся съемными ортопедическими конструкциями, патологических изменений со стороны слизистой оболочки рта отягощает процесс ортопедической реабилитации и вызывает негативные последствия для всего организма.

References

1. Аболмасов Н.Г., Аболмасов Н.Н., Бычков В.А., А.Аль-Хаким Ортопедическая стоматология, СГМА, 2000-576с.
2. Бутова В.Г., Кирилина М.Р., Лебедева А.Ф., Жеребцов А.Ю. с соавт. Методические подходы к изучению сроков пользования и сроков службы зубных протезов // Стоматология для всех. – 2010. – № 2. – С. 26–28.
3. Дапприх Ю., Ойдтманн Э. Протезирование при полной адентии. М: ИД «Азбука стоматолога»-2007. 180 с.
4. Жеребцов А.Ю., Кирилина М.Р., Бутова В.Г. Индивидуальный срок службы на зубные протезы // Матер. мединститут. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 65–лет. окончания Второй мировой войны, 3 сентября 2010 г. – М., 2010. – С. 80–83.
5. Загорский В.А. Протезирование при полной адентии. М: Медицина -2008. 376 с.
6. Ирошникова Е.С. Факторы, влияющие на эффективность ортопедического лечения больных / Е.С. Ирошникова, Т.П. Тимофеева-Кольцова, Е.А. Хромченкова // Клиническая стоматология - 2005. - №3 - С.34.
7. Моторкина Т.В., Дмитриенко С.В., Краюшкин А.И., Михальченко Д.В., Шемонаев В.И., Величко А.С. Клинические классификации, применяемые в ортопедической стоматологии: Учебное пособие. Волгоград-2005. 64 с.
8. Симановская О.Е. Влияние стоматологического здоровья на качество жизни// Стоматология. - 2008. - №5. - С. 75-77.

SECTION 5. LAW IN SOCIETY

UDC 340

Abdullina D., Shergeng N. To the problem of studying the legal ontological certainty of cultural autonomy

К проблеме исследования правовой онтологической определенности культурной автономии

Abdullina Dinara

Senior lecturer of the department of state law
"Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy" Ufa

Shergeng Natalia

Doctor of Philosophical Science, Prof.
Of the Department of State Law

"Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy" Ufa

Абдуллина Динара Фаритовна

Старший преподаватель кафедры государственного права
ЧОУ ВО " Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия"г.Уфа

Шергенг Наталия Алексеевна

доктор философских наук, профессор кафедры государственного права
ЧОУ ВО " Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия"г.Уфа

Abstract: The problem of studying the legal ontological certainty of cultural autonomy makes it possible to meaningfully approach the constitutional rights and freedoms of a person and a citizen, and from the point of view of state policy and the state-social system, to determine the place and improve the constitutional and legal status of individuals and their groups interested in the cultural sector, and also to reveal the developing relations between them and the state and among themselves.

Keywords: legal ontology, cultural autonomy, state, constitutional and legal regulation, society, people.

Аннотация: Проблема исследования правовой онтологической определенности культурной автономии позволяет осмысленно подойти к конституционным правам и свободам человека и гражданина, а с точки зрения государственной политики и государственно-общественного устройства определить место и усовершенствовать конституционно-правовой статус всех заинтересованных в культурном секторе индивидов

и их групп, а также выявить складывающиеся отношения их с государством и между собой..

Ключевые слова: правовая онтология, культурная автономия, государство, конституционное и правовое регулирование, общество, человек.

Российская Федерация – конституционное и поликультурное государство. В течение последних лет, в процессе своего развития, она обеспечила появление новых институтов, регулирующих права и свободы индивидов и их объединений.

Процессы, происходящие сегодня в культурной сфере жизни российского общества, являются логическим продолжением коренных изменений в отношениях государства с личностью и группами, которые заинтересованы в сохранении и обогащении культурных ценностей. Несомненным преимуществом современной государственно-правовой действительности является возможность существования на территории России разнородных в культурном плане объединений индивидов, которые легально могут существовать в форме казачьих обществ, малочисленных коренных народов, национально-культурных автономий, национальных культурных центров, землячеств, религиозных организаций, профессиональных, творческих, научных объединений (союзов, ассоциаций, гильдий и др.). Их наличие является доказательством демократических преобразований в постсоветском государстве.

К идеям автономии на протяжении многих столетий проявляют научный и политический интерес лучшие умы человечества. В отечественной юридической мысли рассматриваются в основном национальные автономии, которые реализуются в двух формах – территориальной и экстерриториальной.

Термин «культурная автономия» используется преимущественно по отношению к национально-культурной или культурно-национальной автономиям. Он употребляется и в зарубежном праве, указывая на этнический или лингвистический и в то же время неполитический и экстерриториальный характер данного объединения. Хотя сегодня существуют и другие конституционно и законодательно предоставленные культурные выражения для индивидов и их организационных форм, которые вправе обозначаться и развиваться в рамках правовой онтологической определенности культурной автономии.

Поскольку общество развивается интенсивно, а желание индивидов самостоятельно выбирать форму своего существования проявляется достаточно выразительно, то представляется, что именно развитие культурных автономий может внести в жизнь российского общества не только дух толерантности к интересам и ценностям человека, но и позволит личности в правовых рамках самостоятельно решать вопросы своего культурного бытия.

Актуальность исследования культурной автономии сомнений не вызывает, поскольку прежде всего позволяет осмыслить отношение индивидов и их коллективов к правовому положению существующих и возникающих культурных выражений. При этом государство повысит конституционно гарантированное равенство прав и свобод каждого жителя нашей страны, право на самоопределение граждан (в совокупности – российского народа) для самореализации, что, в конечном итоге, обеспечит гармоничное функционирование и развитие общества, существенно укрепит основы правового государства.

Безусловно, актуальной представляется теоретически обусловленная обновленная концепция культурной автономии,

которая позволит российскому государству осмысленно подойти к конституционным правам и свободам человека и гражданина, а с точки зрения государственной политики и государственно-общественного устройства поможет определить место и усовершенствовать конституционно-правовой статус всех заинтересованных в культурном секторе индивидов и их групп, а также выявить складывающиеся отношения их с государством и между собой. Самостоятельность и свобода воли личности в выборе своих индивидуальных аспектов жизнедеятельности предстает перед нами как персональная автономия, или автономия личности. При наличии у человека гражданства государства, с позиции И. Канта, он приобретает еще и политическую автономию – право участвовать в законодательном процессе и свободно выражать свою политическую волю.[1.С.254.]

В практическом плане актуальность культурной автономии выражается в исследовании конституционного и правового регулирования существующих видов культурных выражений индивидов и их коллективов, их форм и деятельности, онтологических оснований, которые рассматриваются в процессе развития. Все выражения, которые образуются для сохранения и развития культуры на основании норм международного права, Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, можно обозначить как частички гражданского общества, создающие условия для формирования новых стандартов жизни российского общества.

Анализ нормативного регулирования культурного сектора позволяет выявить проблемы равенства субъектов культурно-правовых отношений, что свидетельствует о необходимости модернизации не только их конституционно-правового статуса, но и совершенствования законодательства. Сегодня в условиях перехода к инновационной

модели экономического развития и реформирования многих институтов российского общества целесообразно внести изменения и в культурную сферу деятельности индивидов и их организаций.

Если на современном этапе государство окажет поддержку культурной автономии для своего полного функционирования в едином понимании равноправия всех ее видов, то отдача от всех автономных культурных форм будет в дальнейшем более ощутима.

Таким образом, исследование правовой онтологической определенности культурной автономии, как сферы деятельности человека, является актуальным как в теоретическом плане, так и в практическом отношении и требует дальнейшего концептуального обоснования.

References

1.См.: Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Метафизические начала учения о праве // Кант И. Соч. : в 8 т. М., 1996. Т. 6. С. 254.

UDC 34

Andreeva G. International experience of the constitutional regulation of intellectual property right: problem and prospects

Мировой опыт конституционного регулирования права интеллектуальной собственности: проблемы и перспективы

Andreeva Galina

PhD (Law), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow

Андреева Г.Н.

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН),

Abstract. The approaches to constitutional regulation of intellectual property (historically developed as well as modern ones) generally allow to resolve the problems in intellectual property protection; however, the growing influence of innovations requires an additional assessment of the existing constitutional regulation. Also, that raises a question about the need to develop a more fundamental constitutional basis to protect the newest objects of intellectual property.

Keywords: intellectual property law, constitutional, international law, models of constitutional regulation

Аннотация. Исторически сложившиеся и новейшие подходы к конституционному регулированию права интеллектуальной собственности в целом позволяют решать проблемы защиты интеллектуальной собственности, однако растущий поток инноваций требует дополнительной оценки существующего конституционного регулирования и постановки вопроса о необходимости разработки в перспективе более фундаментальной конституционной основы для защиты новейших объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, конституции, международное право, модели регулирования

Вопросы регулирования права интеллектуальной собственности в условиях формирования цифровой экономики, качественно

изменяющей место и значение различных объектов права собственности и порождающей новые объекты и правоотношения, приобретают глобальный характер. Страны, которые ранее не уделяли особого внимания праву интеллектуальной собственности, как, например, развивающиеся страны, поднимают ее регулирование на конституционный уровень. Появляются новые конституционно защищаемые объекты права интеллектуальной собственности и новые ее разновидности (например, коллективная интеллектуальная собственность коренных народов), которые отражаются в конституционных текстах.

В современных национальных правовых системах определяющую и системообразующую роль играют национальные конституции. Объем, глубина и целостность национального правового регулирования и эффективность национальной правовой системы в целом в значительной мере определяется качеством данного акта. Кроме того, именно конституция определяет границы регулирования других отраслей права, поэтому анализу конституционного регулирования права интеллектуальной собственности уделяется большое внимание, как в правовой литературе, так и в решениях органов конституционного контроля.

Особенности современного конституционного регулирования права интеллектуальной собственности в каждой конкретной стране определяются целым рядом факторов, среди которых в качестве наиболее важных можно выделить следующие.

Во-первых, большое значение имеют сложившиеся традиции конституционного регулирования права собственности как такового и (при их наличии) традиции регулирования именно права интеллектуальной собственности. Такие традиции существенно

варьируются от страны к стране, но в основе различных вариантов лежит намерение законодателя урегулировать либо само право интеллектуальной собственности или разграничить полномочия государственных органов по урегулированию права интеллектуальной собственности.

Во-вторых, интерпретацией конституционных положений органами конституционного контроля по отнесению тех или иных положений к числу регулирующих именно право интеллектуальной собственности, которая не остается неизменной. Эволюцию конституционной интерпретации особенно ясно прослеживается при обращении к опыту таких стран, в которых конституционный контроль существует давно, как, например, в США. Как отмечается в американской литературе, в США в течение XIX в. для защиты права интеллектуальной собственности использовалось положение V поправки Конституции о том, что частная собственность не должна изыматься для публичных нужд без справедливого вознаграждения (The Takings Clause) [12, p. 689-724], в то время как в XX в. и в настоящее время в решениях Верховного суда и научной доктрине доминирует обращение к положению разд. 8 ст. 1 Конституции о полномочиях Конгресса «содействовать развитию наук и полезных искусств, ограждая на определенный срок права собственности авторов и изобретателей на их произведения и открытия», которое даже получило в правовой литературе обозначение IP-Clause [11, p. 902], т.е. клаузулы об интеллектуальной собственности.

В-третьих, далеко не последним по значению, а во многих случаях определяющим фактором является влияние норм международного права, которое, в свою очередь, зависит от отношения конституционного законодателя к международному праву. Последнее

в современном мире варьируется в широком диапазоне от оговорок о приоритете международных актов или включении международных актов в правовую систему в качестве ее составной части в случае ратификации международного акта, до требований издания закона, обеспечивающего действие международного акта в правовой системе. Несколько особняком стоят описанные в литературе случаи признания органами конституционного контроля некоторых стран Латинской Америки несовместимости внутреннего и международного права по вопросам интеллектуальной собственности [5, с. 78].

С точки зрения способа выражения права интеллектуальной собственности в национальных конституциях можно выделить две большие группы: в первую в этом случае войдут конституции, в которых используется понятие «интеллектуальная собственность» или «право интеллектуальной собственности», во вторую – конституции, в которых данное понятие не упоминается, но национальные органы конституционного контроля в своих решениях исходят из того, что данное право защищено теми или иными конституционными нормами.

Следует отметить, что первая группа не является доминирующей или более многочисленной. Так, Г.В. Усов, который изучил вопрос об употреблении термина «интеллектуальная собственность» в более чем ста конституциях разных регионов мира, т.е. примерно в половине действующих в настоящее время конституций, отмечает, что только в 37 из них используется данный термин [5, с. 20]. При этом приведенный им список стран свидетельствует о том, что наиболее часто данное понятие встречается в сравнительно новых конституциях: в конституциях постсоциалистических стран, стран Латинской Америки, ряда стран Африки (Ангола, Буркина Фасо, Конго, Мозамбик и др.), а также используется в новейших конституциях некоторых других стран

из различных регионов мира (Папуа Новая Гвинея, Восточный Тимор, Мадагаскар и другие).

Для этой группы конституций характерны в основном лаконичные формулировки права интеллектуальной собственности. Так, статья 31 Конституции Армении 1995 г. в редакции 2015 г. устанавливает: «Интеллектуальная собственность охраняется законом». Аналогичное положение содержится в ст. 51 Конституции Беларуси 1996 г. В ст. 30 Конституции Азербайджана 1995 г. право интеллектуальной собственности предоставлено каждому. Однако встречаются и развернутые положения об интеллектуальной собственности. Так, согласно ст. 98 Конституции Венесуэлы 1999 г. «культурное творчество свободно. Эта свобода понимается как право на переработку, создание и распространение творческой, научной, технической и гуманитарной работы, включая юридическую защиту авторских прав. Государство защищает право интеллектуальной собственности на научные, литературные и художественные работы, изобретения, нововведения, наименования, патенты, знаки и девизы в соответствии с условиями и ограничениями, устанавливаемыми законом и международными договорами, подписанными и ратифицированными Республикой по этому вопросу [4, с. 333-334]. Упоминание о международных договорах в данной Конституции не случайно. В ней прямо выражена отсылка к источнику понятия «интеллектуальная собственность», которая в других конституциях не отсутствует, но неявным образом предполагается. Международно-правовое наполнение понятия «интеллектуальная собственность» содержится в ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, подписанной в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененной 2 октября 1979 г. Согласно п. VIII данной статьи

«”интеллектуальная собственность” включает права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях» [3].

Понятие интеллектуальной собственности в Конвенции, выступает как «зонтичное», охватывающее очень существенно различающиеся явления, нуждающиеся в особом регулировании, учитывающем специфику соответствующих объектов. В правовой науке ведется дискуссия по его поводу [2, с. 66-69]. Как справедливо отмечается экспертом в данной сфере, «законодательство об интеллектуальной собственности не является цельной дисциплиной. Оно во многом похоже на транспортное право, где между морским, воздушным и дорожным правом нет ничего общего» [6, с. 17]. При этом различия между отдельными аспектами регулирования права интеллектуальной собственности растут вместе с появлением новых объектов интеллектуальной собственности, обладающих неизвестными ранее свойствами и качествами.

На первый взгляд использование на конституционном уровне понятия, взятого из международного права, упрощает решение проблем конституционного регулирования права интеллектуальной собственности национальному законодателю. В настоящее время существует огромный массив международных актов по вопросам

интеллектуальной собственности. Только ВОИС выполняет административные функции в отношении 26 договоров, включая Конвенцию, учреждающую ВОИС. Часть из этих договоров принята недавно (Пекинский договор по аудиовизуальному исполнению 2012 г., Сингапурский договор о законах по товарным знакам 2012 г., Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и их международной регистрации 2015 г. и др.). Часть договоров сопровождается инструкциями (Инструкция к Лиссабонскому Соглашению об охране наименования мест происхождения и их международной регистрации 2016 г., Инструкция к Договору о патентной кооперации 2017 г., Общая инструкция к Мадридскому Соглашению о международной регистрации знаков и Протоколу к этому Соглашению 2017 г. и др.). Помимо договоров в рамках ВОИС, важнейшие соглашения инициированы в рамках ООН (Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г., Конвенция об охране подводного культурного наследия 2001 г., Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г., Конвенция об охране и поощрении разнообразия культурного самовыражения 2005 г. и др.). Наряду с этим развивается региональное регулирование, например, в рамках ЕС создана единая нормативная и институциональная база в сфере интеллектуальной собственности. Большое значение придается и двухсторонним соглашениям по вопросам интеллектуальной собственности.

Международно-правое регулирование активно развивается и обновляется, однако в силу необходимости согласования позиций разных государств оно несколько отстает от быстро меняющихся

общественных потребностей в регулировании интеллектуальной собственности. Новые технологии, такие как 3D-принтеры, обеспечивающие легкость и дешевизну воспроизведения различных объектов (в том числе и объектов интеллектуальной собственности), роботы-консультанты в сфере финансовых технологий и других аналогичные инновации ставят перед национальными органами новые, ранее не встречавшиеся вопросы, ответы на которые международные акты еще не содержат. Поэтому, хотя определение права интеллектуальной собственности в Конвенции отражает связь между разнородными продуктами интеллектуальной деятельности и в принципе позволяет расширять их перечень, в правовом плане вопрос об отнесении того или иного конкретного, особенно инновационного объекта к объектам права интеллектуальной собственности, остается открытым и обращенным к национальным государственным органам. В результате, с одной стороны возникает потребность в разработке новых международных и региональных актов, с другой, в случае их неизбежного запаздывания национальные законодательные органы по мере появления такого рода инновационных объектов вынуждены каждый раз решать вопрос об их включении в число объектов интеллектуальной собственности. Однако в этом случае вопрос о конституционном содержании данного понятия становится не вполне определенным, а конституционный контроль сводится в основном к установлению непротиворечия включения данного объекта в число объектов интеллектуальной собственности международным актам.

Таким образом, само по себе включение в конституцию понятия «интеллектуальная собственность» не является решением актуальных проблем конституционной защиты права интеллектуальной собственности, скорее это временная вынужденная импровизация

конституционного законодателя с опорой на международное регулирование, создание же прочного конституционного фундамента требует углубленного исследования потребности в конституционной защите различных объектов интеллектуальной собственности, в том числе новейших.

Что же касается старых демократий, то в них данный термин редко используется на конституционном уровне, и, принимая новые конституции, они не спешат с заменой сложившейся в стране терминологии и подходов к регулированию интеллектуальной собственности. Примером может служить Конституция Швейцарии 1999 г., в которую данное понятие не включено и защита права интеллектуальной собственности обеспечивается на основе статьи о собственности как таковой [14, S. 31]). Вместе с тем в нее включена ст. 119 «репродуктивная медицина и геномная инженерия человека», направленная на защиту от злоупотреблений в указанной области и одновременно служащая пределом проведения научных исследований и налаживания соответствующих производств, и тем самым устанавливающая запрет для появления группы объектов интеллектуальной собственности. Таким образом, конституционный законодатель в Швейцарии установил конституционные пределы права интеллектуальной собственности, не используя данную терминологию

Группа конституций, в которых не используется понятие «интеллектуальная собственность», характеризуется разнообразием норм, которые признаются доктриной и/или органами конституционного контроля в качестве конституционной основы права интеллектуальной собственности. Самая распространенная модель состоит в опоре на ключевое понятие в словосочетании «интеллектуальная собственность» и распространение на

интеллектуальную собственность форм защиты, применяемых к собственности как таковой. Такая модель обстоятельно проработана и последовательно реализуется, например, Федеральным конституционным судом ФРГ, который неоднократно своими решениями распространял действие ст. 14 о защите права собственности на интеллектуальную собственность [9, S. 13], хотя в указанной статье Основного закона ФРГ прямо право интеллектуальной собственности не упоминается. Аналогичный подход практикуется в Швейцарии, Японии и некоторых других странах. На конституционном уровне встречаются и положения, подчеркивающие значение права собственности для защиты прав отдельных категорий собственников. Так, п. 25 ст. 19 Конституции Чили устанавливает, что «право автора понимается как его право собственности и другие вещные права, такие, как изготовление, издание, объединение с другими вещами в соответствии с законом» [4, с. 1018]. Конституционным основанием для защиты права интеллектуальной собственности могут служить положения о свободе научного, технического и художественного творчества, праве на пользование достижениями культуры, как, например, в Испании [10, р. 234] или в Перу, где п. 8 ст. 2 Конституции 1993 г. устанавливается право каждого «на свободу интеллектуального, художественного, технического и научного творчества, а также на право собственности в отношении результатов указанной деятельности» [4, с. 788]. Сохраняется и воспроизводится возникшая на заре конституционализма [1, с. 234] модель конституционного регулирования права интеллектуальной собственности через включение конституционных положений о защите прав различных субъектов права интеллектуальной собственности: художников,

ученых, писателей, артистов, фотографов, инженеров и т.д. (§19 Конституции Швеции 1974 г., п. XXVII, п. XXVIII и п. XXIX ст. 5 Конституции Бразилии 1988 г., п. 13 ст. 7 Конституции Бутана 2008 г. и др.), либо объектов данного права (как, например, в п. 25 ст. 19 Конституции Чили 1980 г., в которой говорится о гарантировании авторских прав и промышленной собственности на патенты изобретений, торговые марки, модели, технологические процессы и другие аналогичные произведения).

В рамках данной модели основную нагрузку по решению проблем конституционного регулирования права интеллектуальной собственности несут органы конституционного контроля. Так, в США, где в Конституции не используется понятие «интеллектуальная собственность», а говорится об авторском и патентном праве, Верховный суд США распространил патентную охрану «на все существующие под солнцем создания человека», что позволило обеспечить конституционную защиту ряда новых технологий, таких как генетически преобразованные живые организмы как результаты генной инженерии, не существующие в природе; процесс создания программного обеспечения и др. [7, с. 71-72]). Вместе с тем, в этом случае речь идет отнюдь не о механическом включении нового объекта в число уже имеющих объектов права интеллектуальной собственности, поскольку такого рода решение влечет дополнительные сложности с точки зрения сочетаемости различных прав в интеллектуальной сфере, о чем свидетельствует, в частности, целая серия дел, рассмотренных органами конституционного контроля в разных странах о доменных именах и товарных знаках; проблемы, возникающие при решении вопросов защиты биотехнологических изобретений на геномном уровне (как, например, в известном деле *Ariosa*

Diagnostics v. Seguenom, рассмотренном в Апелляционном суде США по Федеральному округу Калифорния [8]), постановка вопроса об авторских правах животных на селфи [12, р.82.] и др.

Таким образом, в рамках сохранения традиционного регулирования интеллектуальной собственности без использования понятия «интеллектуальная собственность» существуют ресурсы относительно «оперативного» решения проблем, возникающих в связи с появлением инновационных объектов интеллектуальной собственности или технологий за счет распространения на них действия существующих конституционных норм. С этой точки зрения наличие или отсутствие понятия «интеллектуальная собственность», «право интеллектуальной собственности» в конституции не играет существенной роли для обеспечения ее защиты. Как представляется, именно этот момент определяет сохранение большинством развитых стран сложившегося ранее конституционного регулирования права интеллектуальной собственности без использования данного понятия.

Расширение круга объектов интеллектуальной собственности и выработка специфических правовых форм для их защиты может привести к возникновению потребности во включении в конституции отдельных норм, посвященных регулированию статуса отдельных видов или объектов интеллектуальной собственности, нуждающихся в повышенной или специальной конституционной защите. Это приведет к распространению конституционного регулирования, аналогичного существующему, при котором конституционными нормами обеспечивается защита прав авторов, ученых, инженеров и т.д. Можно констатировать, что современное конституционное регулирование, как традиционное, так и новейшее в целом выглядит как определенная «импровизация» конституционного законодателя, который

предпочитает либо придерживаться сложившейся традиции и использовать ее ресурсы, либо применять «зонтичное понятие» интеллектуальной собственности достаточно неопределенного содержания, по которому в науке ведется дискуссия. Очевидно, что кумулятивный эффект появления новых технологий выводит их на первый план правового, в том числе, конституционного, регулирования, что требует серьезных научных разработок проблемы эффективности такого регулирования.

References

1. Андреева Г.Н. История конституционного регулирования интеллектуальной собственности как проблема российской науки конституционного права // Вопросы эволюции правовой мысли человечества. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Самара, 2017. – С. 49-53.

2. Васильев В.В. Интеллектуальная и вещная собственность: к вопросу о дифференциации понятий // Проблемы права. –2012. –№6 (37). –С. 96-99.

3. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности //Сайт WIPO – Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <http://www.wipo.int/treaties/ru/convention/> Дата обращения: 25.09.2017.

4. Конституции стран Латинской Америки: В 3 т. – Т.3. Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 1168 с.

5. Усов Г.В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 201 с.

6. Хармс Л. Опыт Южной Африки // Консультативный комитет по защите прав. Сессия 5 июля 2016 г. Механизмы сбалансированного комплексного и эффективного решения споров по вопросам интеллектуальной собственности. Доклады. WPO/ACE/117. – P.15-19. URL

http://www.wipo.int/edocs/mdocs/enforcement/ru/wipo_ace_11/wipo_ace_11_7.pdf Дата обращения: 25.09.2017.

7. Шумилов О.В. Некоторые институты интеллектуальной собственности по праву США // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – №5. – С. 67-76.

8. *Ariosa Diagnostics, Inc. v. Sequenom, Inc.*, 788 F.3d 1371 (Fed. Cir. 2015).

9. Lang Th. Immaterialgüterrechtliche Lizenzierung und Kartellrechtliche Verhaltenskontrolle. – F.a.M.: Verlag Lang, 2009. – XXXVIII, 321 S.

10. Minero Alejandro G. Aproximación jurídica al concepto de derecho de autor. Intento de calificación como libertad de producción artística y científica o como derecho de propiedad // *Dilemata. Revista Internacional de Éticas Aplicadas*. – Madrid, 2013. – N 12. – P. 215-245.

11. Murray K. Constitutional Patent Law: Principles and Institutions // *Nebraska Law Review*. – Lincoln, 2015. – Vol. 93. Iss. 4. – P. 900-949.

12. Mossoff A. Patents as constitutional private property: The historical protection of patents under the Takings Clause // *Boston University Law Review*. – Boston, 2007. – Vol. 87. – P. 689-72.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

13. Monkey loses copyright case over «selfie» // IP Magazine. – 2016.
– N2. – P. 88.

14. Richli P. Grundriss der Schweizerischen
Wirtschaftsverfassungsrechts. – Bern: Stämpfli Verl.AG, 2007. – 313 S.

UDC 34

Arefinkina E.G. The objective party as a crime element in the legislation of foreign countries

Объективная сторона как элемент преступления в законодательстве зарубежных стран

Arefinkina E.G.

Candidate of Law; Head of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law of the Sochi Institute of the Russian Peoples' Friendship University
Арефинкина Е.Г.

кандидат юридических наук; заведующая кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Сочинского института Российского университета дружбы народов

Abstract. In article questions of a legislative regulation of the objective party of a crime in the right of the foreign states are considered and the comparative and legal characteristic of the specified corpus delicti element with the legislation of the Russian Federation is given.

Keywords: crime, foreign countries, criminal code.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации объективной стороны преступления в праве зарубежных государств и дается сравнительно-правовая характеристика указанного элемента состава преступления с законодательством РФ.

Ключевые слова: преступление, зарубежные страны, уголовный кодекс.

В зарубежных странах подходы к понятию преступления, составу преступления, объективной стороне состава преступления, признакам объективной стороны отличаются от аналогичных представлений российской школы уголовного права.

Традиционная англо-американская уголовно-правовая доктрина различает два основных элемента преступления: *actus reus* (преступное деяние) и *mens rea* (виновное состояние ума). Первый следует понимать в качестве материального элемента, содержащего характеристику

объективной стороны преступления. Второй элемент характеризует субъективную сторону

преступления (в него включается состояние не только интеллекта, но и воли и даже эмоций). Англо-саксонская система права основывается на прецедентом праве, поэтому ее развитие строилось на практических аспектах обвинения и защиты, с которыми сталкивались правоприменители в уголовном процессе.

В англоязычных странах в целом господствует сдержанное отношение к криминализации бездействия, обусловленное преобладанием идеи негативной свободы (т.е. свободы не быть принуждаемым к совершению определённых действий) как сути индивидуальной автономии личности; соответственно, ответственность за бездействие увязывается с очевидными и опасными ситуациями, а также с возложенной на виновного юридической обязанностью действовать.

Осложняет изучение институтов уголовного права по законодательству стран англо-американской правовой семьи отсутствие единого кодифицированного нормативно-правового акта. Так в законодательстве Англии не дается определение термину преступления. Правоведы этой страны не подразделяют преступные деяния по формальным и материальным признакам.

В ряде штатов США объективная характеристика преступления предполагает всего лишь три "материальных" элемента: поведение, сопутствующие обстоятельства и результат, т.е. субъективная сторона в форме вины установлению не подлежит.⁵

⁵ Уголовное право России. Общая часть. Учебник для ВУЗов / под ред. В.С. Коммисарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. МГУ, 2010. с.452.

В уголовно-правовой доктрине Японии состав преступления используется в материальном праве, однако его теория основывается на описании деяния в уголовном законодательстве, поэтому определение того, является ли деяние преступлением, происходит строго согласно следующей последовательности: состав — противоправность — виновность.

В теории уголовного права Китая (также как и в России) преобладает точка зрения о том, что лишь общественно опасное деяние может стать преступлением. Вместе с тем состав преступления используется в материальном праве, однако традиционное учение о составе преступления основывается не на описании деяния, а на юридическом факте, то есть состав преступления рассматривается как реальное явление.

Учитывая, что теория состава преступления в КНР была заимствована из советской уголовно-правовой доктрины, разработанной учеными-криминалистами СССР, большая часть теоретических положений концепции состава преступления и в России, и в Китае имеет много общего. Однако в последние годы в результате эволюции уголовно-политической мысли в Китае трактовка рассматриваемого института претерпевает некоторые изменения. В частности, в теории уголовного права Китая никогда не прибегали к дифференциации составов преступлений на материальные, формальные и усеченные. В традиционной теории состава преступления Китая не используется деление объекта на объект уголовно-правовой охраны и объект преступления, предмет преступления включает в себя и потерпевшего.⁶

⁶ Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование. Автореф. дис. к.ю.н. Владивосток, 2009. с.17.

С учетом успешного опыта закрепления в законодательстве зарубежных стран с рыночной экономикой уголовной ответственности юридических лиц (например, во Франции норма введена в 1992г.) с 1997 г. в качестве субъекта преступления в УК КНР были включены юридические лица.

Теория состава преступления в России в свою очередь была заимствована из германской теории уголовного права. В связи с этим прослеживается большое сходство в подходах к пониманию сущности преступного деяния в трудах немецких и российских (советских) правоведов.

В уголовном праве Германии признается, что тот, кто осуществит описанный в законе состав деяния, не обязательно будет осужден и наказан, поскольку нужно еще установить противоправность и вину, но деятель поставит себя под угрозу наказания со стороны уголовного закона и инициирует начало уголовного процесса. Состав преступного деяния выступает предпосылкой наказания, следовательно, индикатором для установления противоправности и вины, обосновывающих применение наказания. В современной немецкой парадигме, испытавшей влияние социологической школы, состав преступного деяния является главной, но не единственной предпосылкой применения мер уголовно-правового воздействия, включающих наряду с наказанием также меры безопасности, например превентивное заключение пребывающего в опасном состоянии преступника без осуществления состава деяния (§ 66b УК ФРГ).⁷

⁷ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) ФРГ. с.59 - 61.

Уголовно-правовой доктриной ФРГ составы преступления подразделяются на следующие основные группы: деликты-действие и деликты-бездействие, формальные и материальные составы. Уголовный Кодекс Германии также предусматривает подразделение составов на основные, квалифицированные и привилегированные.

Уголовный кодекс Франции не содержит законодательно установленного определения понятия преступного деяния. Во французской уголовно-правовой доктрине оно определяется как поведение, предусмотренное и наказуемое уголовным законом. Статья 111-1 УК Франции разделяет преступные деяния в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения. Данная классификация производится в соответствии с законодательно предусмотренным размером наказания, причем состав преступного деяния и наказание за него не обязательно включены в одну и ту же норму. Так, в ст. 311-1 предусмотрены признаки кражи, а в ст. 311-3 УК Франции – наказание за ее совершение.

Преступлением в соответствии со ст. 131-1 УК Франции считается деяние, за совершение которого уголовным законом предусмотрено как минимум десятилетнее наказание в виде уголовного заключения или уголовного заточения. Проступок имеет место, если он карается тюремным заключением сроком до 10 лет или денежным штрафом. Наказанием за совершение нарушения является прежде всего денежный штраф. В ст. 131-13 УК Франции нарушения распределены в соответствии с размером наказания на пять категорий.

По УК Голландии состав кражи охватывает в том числе и понятие «грабежа», и «разбоя» в терминологии отечественного законодателя, поскольку открытая или тайная форма изъятия имущества не

является определяющим условием для разграничения данных составов по УК Голландии.⁸

Некоторые страны ближнего зарубежья, ранее входившие в качестве республик в состав СССР, и уголовное законодательство которых базируется на советской школе уголовного права, склоняются к позиции, согласно которой основанием уголовной ответственности считается только само преступное деяние, без уточнения необходимости наличия всех признаков состава преступления.

Из всех известных уголовных кодексов фактически лишь УК ФРГ содержит норму о понятии состава преступления. Кодексы, принятые в XX в., – УК Франции 1992 г., УК Испании 1995 г., УК Австрии 1975 г., УК Швейцарии 1937 г., не пользуются термином "состав преступления". Неизвестно оно и англосаксонской системе уголовного законодательства.⁹

Несмотря на единодушие в таких подходах к законодателям развитых государств в некоторых странах положение о четырехэлементной структуре преступления принято не только в теории, но даже закреплено в законодательстве. Так, согласно ст. 15 УК Молдовы: «Степень вреда преступления определяется в соответствии с признаками, характеризующими элементы преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона».

В УК ряда зарубежных стран имеется определение бездействия. Наиболее подробно определение бездействия дано в УК Испании:

⁸ Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство. Дис. к.ю.н. Архангельск, 2014. с.153.

⁹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжковой И.М. М.: Издательство «Зерцало», 2001. с.106.

"Преступления и проступки совершаются путем бездействия, когда неисполнение особой юридической обязанности, возложенной на виновного, приравнивается законом к исполнению преступления. Бездействие приравнивается к действию:

а) когда существует особая обязанность действовать, вытекающая из закона или договора;

б) когда виновный своим предшествующим действием или бездействием подверг опасности юридически защищаемое право" (ст. 11 УК Испании).

В заключение вышесказанного хочется отметить, что исторический путь развития каждого государства уникален. Теоретики и практики каждой страны стремятся найти свой подход к регулированию криминальной обстановки, учитывая при этом менталитет народа, их обычаи, шкалу ценности охраняемых объектов и приоритетов, провозглашенных действующей политической властью. При этом в условиях глобализации и интеграции все чаще в национальном законодательстве различных стран укрепляются международные уголовно-правовые нормы и внедряются эффективные инструменты, успешно применяемые в прогрессивных государствах.

Уголовное законодательство России отвечает современным международным стандартам по содержанию, юридической технике, оценочным критериям преступного. Достаточно глубокие наработки российских законодателей и юристов-теоретиков в области состава преступления и его объективной стороны можно смело рекомендовать иностранным правоведам для внедрения в свое уголовное право и законодательство.

SECTION 6. TECHNOLOGY AND SCIENCE

UDC 624.132.3.002.5:621.879

Shchegoleva T.A., Buglak I.A. On the question of the adhesion of wet cohesive soils with a hard surface

К вопросу об адгезии влажных связных грунтов с твердой поверхностью

Shchegoleva Tatiana,
Graduate student,

Buglak Ivan,
Student,

Bratsk State University
Scientific adviser

Zenkov S., Ph.D., Associate professor, Department of
Road Building Machinery
Bratsk State University

Щеголева Татьяна,
Магистрант,

Буглак Иван,
Студент,

Братский государственный университет

Научный руководитель

Зеньков С.А., к.т.н., доцент кафедры Строительных,
дорожных машин,

Братский государственный университет

Abstract. The analysis of known theories of adhesion of wet cohesive soils to various hard surfaces is carried out. Certain contradictions are revealed that explain the causes of adhesion and its dependence on the following factors: rough surface roughness, chemical composition and hydrophobicity of the material of the working organs of machines, pressure and time of pressing, kind of soil, humidity and temperature in the contact zone. It is concluded that additional experiments are required to eliminate the identified contradictions.

Keywords: Adhesion, soil, electromolecular theory, vacuum theory, hydrophobicity, roughness, productivity, experiment.

Аннотация: Проведен анализ известных теорий адгезии влажных связных грунтов к различным твердым поверхностям. Выявлены определенные противоречия, объясняющие причины адгезии и ее зависимость от следующих факторов: шероховатости твердой

поверхности, химического состава и величины гидрофобности материала рабочих органов машин, давления и времени прижатия, видом грунта, влажностью и температурой в зоне контакта. Сделан вывод, что требуется проведение дополнительных экспериментов с целью устранения выявленных противоречий.

Ключевые слова: Адгезия, грунт, электромолекулярная теория, вакуумная теория, гидрофобность, шероховатость, производительность, эксперимент.

Введение. Разработка влажных грунтов связана с намерзанием и налипанием грунта на рабочие органы землеройных машин, что существенно снижает их производительность [1-40]. Перевозка глинистых минералов и горных пород, их содержащих, транспортом также влечет их прилипание и примерзание к металлическим поверхностям кузовов транспортных средств, что создает трудности при разгрузке.

Для решения проблемы предотвращения прилипания и примерзания глинистых минералов к рабочим органам землеройных машин и к поверхностям кузовов транспортных средств необходимо знание явлений, происходящих при соприкосновении рабочей поверхности и грунта.

Различные организации занимаются разработкой способов и устройств для борьбы с налипанием, однако как показывает практика ни одно из них не работает эффективно, что говорит о недостаточной изученности вопроса и отсутствии надежной модели исследования процесса прилипания глиносодержащих веществ к поверхности твердых материалов [12].

Постановка задачи. Проанализировать существующие теории адгезии влажных связных грунтов с твердыми поверхностями скольжения.

Решения задачи. Под адгезией (прилипанием) понимают явление возникновения поверхностных связей между контактирующими телами (фазами), препятствующих взаимному разъединению этих тел [13-14].

Многие исследователи, ссылаясь на электрическую теорию Дерягина – Кротовой, отмечают, что липкость – результат действия электромолекулярных сил в зоне контакта грунта с другими материалами [15].

Согласно Заднепровскому Р.П. [14] адгезия является отражением комплекса физических свойств системы грунт-вода-рабочая поверхность (фаз I-III-II) с учетом газовой фазы и определяется молекулярным и ионно-электростатическим взаимодействием фаз I-III и I-II.

Молекулярная теория прогнозирует уменьшение адгезии пород с гидрофобными материалами. В связи с этим одним из способов уменьшения адгезии считается применение покрытий контактирующей поверхности гидрофобными материалами. Однако результаты исследований [16] показывают, что такой гидрофобный материал, как фторопласт обладает большей адгезией с грунтом, чем сталь, обработанная по 7-ому классу чистоты поверхности. Молекулярная теория предсказывает увеличение адгезии пленок с ростом температуры, однако у связных веществ с увеличением температуры адгезия уменьшается. Имеются и другие наблюдения, объяснить которые данной теорией пока не представляется возможным.

Согласно молекулярной теории липкость наряду с влажностью, давлением прижатия, временем действия нагрузки и видом грунта зависит от химического состава материала, контактирующего с веществом [14].

Корнет Э.А. после проведения экспериментов пришел к противоположному выводу [12]. Анализ результатов исследований показывает, что адгезия не зависит от химической природы твердых материалов, поверхности которых выполнены одинаковой шероховатости. Не влияет на величину адгезии и гидрофобность твердого материала.

В работе [17] отмечено, что поверхность каолинита исследовали с помощью растрового электронного микроскопа РЭМ-220. Было выявлено, что данная поверхность представлена хаотически расположенными частицами, объединенными в агрегаты. Последние образуют множество выступов и полостей. Было высказано предположение, что указанные полости, стенки которых при нагружении твердым материалом испытывают упругую или упруго-пластичекую деформацию, ведут себя как эластичные присосы, т. е. в полостях образуется давление разрежения газообразной фазы, которое и обуславливает адгезионную связь.

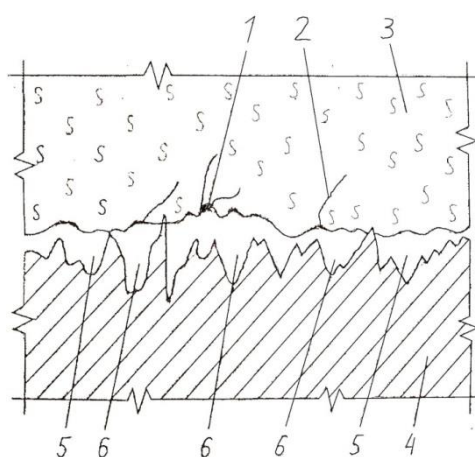

Рисунок 1. Схема взаимодействия связного грунта с твердой поверхностью.

При наложении образца связного грунта 3 (рис. 1) на шероховатую поверхность твердого материала 4 в местах их контакта

образуются полости 5 и 6. Некоторые полости, например 5, сообщаются с атмосферой, а другие, например 6, изолированы. За время нагружения глины силой прижатия микровыступы на ее поверхности частично деформируются. Воздух, заключенный в объеме полостей 5 и 6, в результате увеличившегося давления, частично выдавливается: из полостей 5 в атмосферу, а из полостей 6 по микротрещинам 1 вглубь глины, при этом выталкивается по микротрещинам 2 и жидкая фаза. Таким образом, при отрыве глины от поверхности твердого материала необходимо преодолеть давление разрежения воздуха в полостях 6, которое пропорционально силе отрыва. Микронеровности поверхности грунта работают как эластичные присосы.

По утверждению Корнета Э.А. [17], предложенный им механизм взаимодействия связного грунта с твердым материалом позволяет объяснить целый ряд фактов, противоречащих существующей молекулярной теории адгезии. Например, снижение адгезии с увеличением шероховатости твердой поверхности происходит потому, что при увеличении класса чистоты высота микронеровностей поверхности твердого материала (среднее арифметическое отклонение профиля) уменьшается. Это приводит к уменьшению объема полостей, образованных неровностями поверхности пластичного вещества и твердой поверхности. При нагружении образцов в меньших объемах полостей создается более высокое давление воздуха, а при отрыве – более высокий вакуум. Последнее и приводит к увеличению адгезии с уменьшением шероховатости твердого материала. Уменьшение адгезии с увеличением угла наклона контактирующих тел происходит из-за снижения степени деформации стенок полостей пластичного вещества, что приводит к уменьшению вакуума в данных полостях.

При увеличении температуры прилипших образцов растет объем воздуха в контактных полостях. Это снижает степень разрежения воздуха в полостях, что приводит к уменьшению адгезии образцов.

Выводы. Рассмотренные теории имеют различные объяснения природы адгезии связных грунтов с твердой поверхностью. Сторонники электромолекулярной теории утверждают, что адгезия обусловлена действием электромолекулярных сил в зоне контакта грунта с другими материалами. В то же время Корнет Э.А. утверждает, что под прилипанием следует понимать физический процесс, заключающийся во взаимодействии микрополостей поверхностей контактирующих тел, которое обусловлено действием вакуумных сил. Эти теории имеют свое теоретическое и экспериментальное подтверждение, следовательно, полученные различные выводы, возможно, говорят о недостаточной изученности такого явления природы, как адгезия влажных связных грунтов к твердым рабочим поверхностям.

References

1. Абдразаков Ф.К. Одноковшовые экскаваторы могут работать производительнее // Механизация строительства. 1990. № 6. С. 16-17.
2. Зеньков С.А., Балахонов Н.А., Игнатьев К.А. Анализ возможного повышения производительности экскаваторов при устранении адгезии грунта к ковшу // Вестник МГСУ. 2014. № 2. С. 98-104.
3. Rajaram G., Erbach D.C. Effect of wetting and drying on soil physical properties. // Journal of Terramechanics 36 (1999) P. 39-49.
4. Зеньков С.А., Игнатьев К.А., Филонов А.С., Балахонов Н.А. Устранение налипания грунта на рабочие органы землеройных машин

с использованием пьезокерамических излучателей // Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе. 2013. Т. 1. С. 64-72.

5. Зеньков С.А., Диппель Р.А., Булаев К.В., Батуро А.А. Планирование эксперимента по исследованию влияния параметров теплового воздействия на сопротивление сдвигу грунта // Механики XXI века. 2005. № 4. С. 52-56.

6. Зеньков С.А., Игнатьев К.А., Филонов А.С. Планирование эксперимента по применению пьезокерамических излучателей для борьбы с адгезией грунтов к рабочим органам землеройных машин // Механики XXI века. 2012. № 11. С. 399-402.

7. Зеньков С.А., Курмашев Е.В., Красавин О.Ю. Анализ повышения производительности экскаваторов при использовании пьезокерамических трансдюсеров // Системы. Методы. Технологии. 2009. № 4. С. 38-41.

8. Зеньков С.А., Курмашев Е.В. Анализ возможного повышения производительности экскаваторов при термоакустическом воздействии для устранения адгезии грунта к ковшу // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2008. № 2. С. 137-140.

9. Зеньков С.А., Батуро А.А., Булаев К.В. Теоретические предпосылки повышения производительности экскаваторов при устранении адгезии грунта к ковшу // Механики XXI века. 2006. № 5. С. 79-81.

10. Зеньков С.А., Курмашев Е.В. Определение производительности экскаваторов при снижении адгезии грунтов // Вестник Иркутского регионального отделения Академии наук высшей школы РФ. 2010. № 2 (17). С. 191-195.

11. Зеньков С.А., Балахонов Н.А., Игнатьев К.А., Кожевников А.С. Неметаллические покрытия как профилактическое средство снижения адгезии на отвальных рабочих органах землеройных машин // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2013. Т. 2. С. 30-35.

12. Корнет Э.А. Адгезионные свойства руд Кривбасса и их влияние на параметры вибротранспортных машин и технологию выпуска: автореферат дис. ... доктора технических наук: Институт проблем комплексного освоения недр. – Москва, 1988. – 31 с.

13. Дерягин Б.В., Кротова Н.А., Смилга В.П. Адгезия твердых тел.- М.: Наука, 1973.-279 с.

14. Заднепровский Р.П. Адгезионные свойства глинистых пород и снижение трения и прилипания при их разработке.: Автореф. дис. ... д-ра техн. наук.-Ленинград, 1085. – 38 с.

15. Зимон А.Д. Что такое адгезия. – М: Книжный дом «Либроком», 2013. – 176 с.

16. Ветров Ю.А., Кондра А.С. Результаты исследования липкости грунтов// Горные, строительные и дорожные машины. – Киев: Техника, 1972. – Вып. 14. – С. 12 – 17.

17. Корнет Э.А. Пути уменьшения прилипания пород к рабочим поверхностям горного и транспортного оборудования.//Горный журнал. – 1986. - №12 – С.50 – 52.

18. Зеньков С.А., Козик А.С., Буйлов О.А. Применение полимерных противоналипающих листов для снижения адгезии грунтов к рабочим органам землеройных машин // Механики XXI века. 2010. № 9. С.112-114.

19. Зеньков С.А., Батуро А.А., Булаев К.В., Диппель Р.А. Анализ структуры рабочего органа ковшового типа с устройством внешнего

интенсифицирующего воздействия для снижения адгезии грунта // Механики XXI века. 2005. № 4. С. 49-52.

20. Заднепровский Р.П. Рабочие органы землеройных и мелиоративных машин и оборудования для разработки грунтов и материалов повышенной влажности. – М.: Машиностроение, 1992. 176 с.

21. Зеньков С.А., Жидовкин В.В., Нечаев А.Н. Снижение адгезии грунтов с помощью ремонтно-восстановительных составов // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2010. Т. 2. С. 127-131.

22. Зеньков С.А., Курмашев Е.В., Елохин А.В., Дэлэг Д. Перспективы применения гибких нагревательных ленточных элементов для снижения адгезии грунта к рабочим органам ковшового типа // Механики XXI века. 2009. № 8. С. 164-167.

23. Зеньков С.А., Игнатъев К.А., Филонов А.С. Эффективность гибких нагревательных элементов для борьбы с адгезией грунтов к землеройным машинам // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2013. Т. 1. С. 134-137.

24. Зеньков С.А., Игнатъев К.А., Филонов А.С., Банщиков М.С. Исследование влияния теплового воздействия на адгезию грунтов к рабочим органам землеройных машин // Механики XXI века. 2013. № 12. С. 228-232.

25. Зеньков С.А., Кожевников А.С., Кутимский Г.М. Использование электронагревательных гибких ленточных элементов для борьбы с намерзанием грунта к металлическим поверхностям рабочих органов землеройных машин // Механики XXI века. 2014. № 13. С. 156-160.

27. Зенков С.А., Ереско С.П. Моделирование процесса копания грунта вибрирующим ковшовым рабочим органом при отрицательной температуре // Горное оборудование и электромеханика. 2008. № 12. С. 44-49.

28. Зеньков С.А. Методика расчета оборудования с акустическим воздействием для снижения адгезии грунтов к ковшам экскаваторов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. № 2-1 (26). С. 67-72.

29. Зеньков С.А., Курмашев Е.В. Определение параметров вибрационного оборудования к ковшам экскаваторов для снижения адгезии грунтов // Научно-технические ведомости СПбПУ. Естественные и инженерные науки. 2009. № 89-2. С. 90-94.

30. Зеньков С.А., Игнатъев К.А., Филонов А.С. Применение пьезокерамических трансдюсеров для снижения адгезии при разработке связных грунтов // Вестник Таджикского технического университета. 2013. № 4 (24). С. 17-22.

31. Зеньков С.А., Батуро А.А. Комбинированное устройство снижения адгезии грунта к ковшу экскаватора // Механики XXI века. 2007. № 6. С. 76-78.

32. Зеньков С.А., Козик А.С., Буйлов О.А. Снижение адгезии грунтов к рабочим органам землеройных машин при помощи высокочастотного воздействия // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2011. Т. 2. С. 88-92.

33. Зеньков С.А., Козик А.С., Буйлов О.А., Зеньков А.С. Устранение адгезии грунтов к рабочим органам землеройных машин при помощи ультразвукового воздействия // Механики XXI века. 2011. № 10. С. 146-148.

34. Зеньков С.А., Игнатьев К.А., Филонов А.С. Планирование эксперимента по применению пьезокерамических излучателей для борьбы с адгезией грунтов к рабочим органам землеройных машин // Механики XXI века. 2012. № 11. С. 399-402.

35. Зеньков С.А., Товмасын Э.С. Математическая модель для определения параметров оборудования высокочастотного действия при проектировании ковшей экскаваторов // Современные проблемы теории машин. 2014. № 2. С. 41-44.

36. Зеньков С.А., Курмашев Е.В., Мунц В.В. Стенд для исследования влияния комбинированного воздействия на адгезию грунтов к землеройным машинам // Механики XXI века. 2007. № 6. С. 15-18.

37. Зеньков С.А., Батуро А.А., Булаев К.В. Теоретические предпосылки повышения производительности экскаваторов при устранении адгезии грунта к ковшу // Механики XXI века. 2006. № 5. С. 79-81.

38. Зеньков С.А., Жидовкин В.В., Ничаев А.Н., Курмашев Е.В. Применение оборудования теплового воздействия для снижения адгезии грунтов // Механики XXI века. 2010. № 9. С. 129-132.

39. Зеньков С.А., Булаев К.В., Батуро А.А. Планирование эксперимента для определения влияния жидкостного слоя на сопротивление сдвигу грунта по металлической поверхности при отрицательной температуре // Механики XXI века. 2006. № 5. С. 84-87.

40. Зеньков С.А., Балахонов Н.А., Игнатьев К.А., Кожевников А.С. Неметаллические покрытия как профилактическое средство снижения адгезии на отвальных рабочих органах землеройных машин // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. 2013. Т. 2. С. 30-35.

Scientific edition

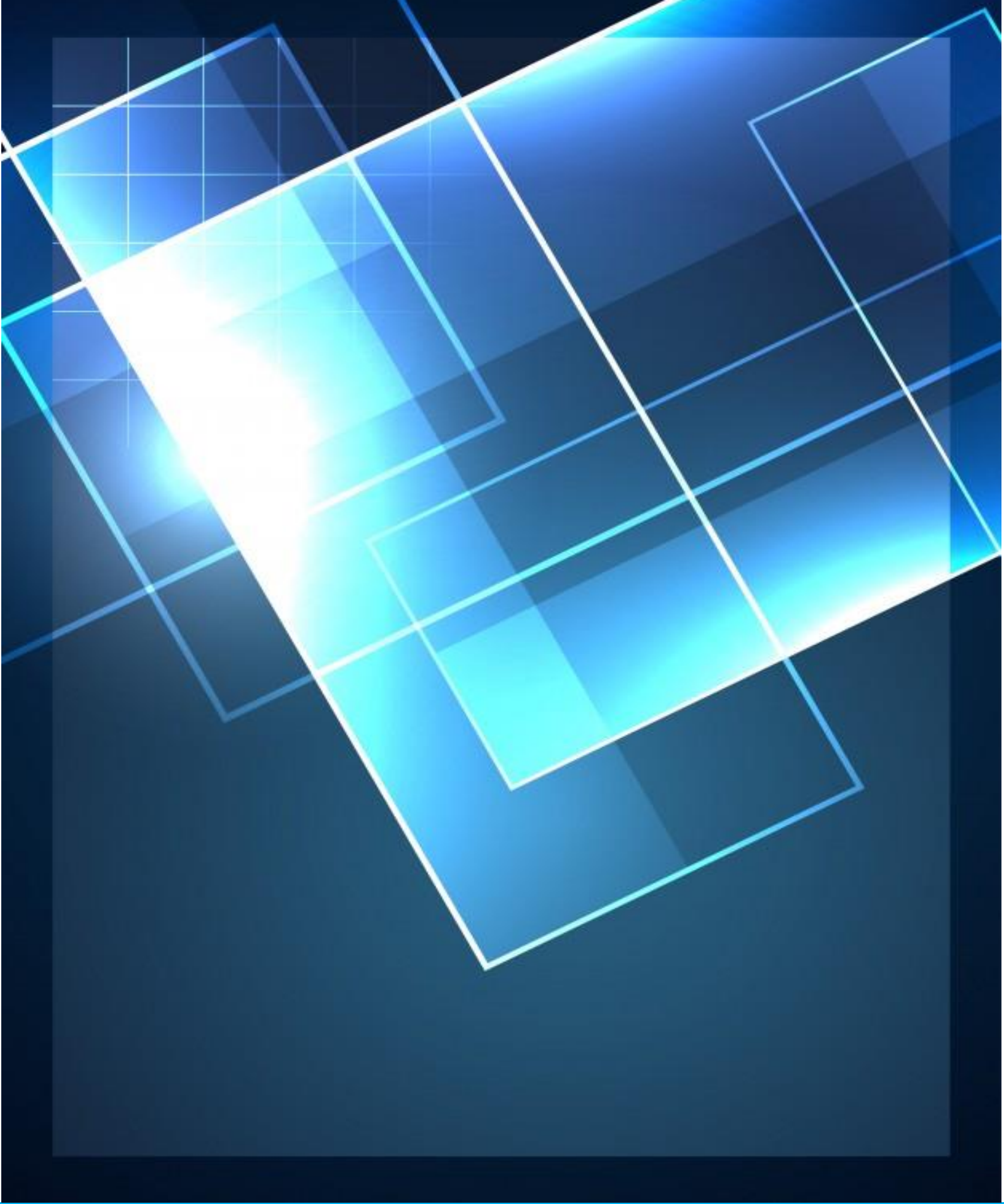
**INTERNATIONAL FORUM ON
CONTEMPORARY GLOBAL CHALLENGES OF
INTERDISCIPLINARY ACADEMIC RESEARCH
AND INNOVATION**

Conference Proceedings

September 28th 2017

Please address for questions and comments on the publications as well as suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the authors' original texts

ISBN 978-1-370-41674-5

9 781370 416745

Format 60x84/16. Conventional printed sheets 13,5

Circulation 100 copies

The publisher Smashwords, Inc.

Address: USA, Los Gatos (CA) 15951

Gatos Blvd., Suite 16 Los Gatos, CA

95032